



**ДАРЬЯ СНЕЖНАЯ
ЛЮБОВЬ РЕМЕЗОВА**

**АРТЕФАКТИКА
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**



SHOUT
SHARE

IT



Annotation

Темные дела творятся в мастерской О'Тулла, в одной из лучших мастерских Лидия, а значит, и королевства. И пусть бы просто украли бумаги да взломали щиты, но ведь и с мастерами происходит неладное. Да что там с мастерами — досталось даже стажеру-подмастерью!

Кому понадобилось вмешиваться в мирные дела мастерской? И почему думать об этом вынуждена стажер одной из лучших мастерских Лидия (а значит, и королевства!), Нинон Аттария?! Пусть прима-мастер Максимилиан Шантей об этом думает, ему по статусу положено!

- [Дарья Снежная](#)



- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [ЭПИЛОГ](#)

- [notes](#)



- [1](#)

- ☐

- [2](#)

- ☐

- [3](#)

Дарья Снежная

АРТЕФАКТИКА. ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Эта книга посвящается Нинон.

*Замечательной девочке, подарившей главной героине кудряшки,
ресницы и имя!*

Глава 1

Здоровая практичность и ее последствия, или О том, как одна юная барышня угодила в путы своего начальника

Ближе к обеду, минут за двадцать до перерыва, когда все работники уже мысленно переносились кто в ближайшие кафешки, кто к упакованным в сумки бутербродам, в мастерскую заглянул прима-мастер Шантей. Он окинул взглядом помещение мастеров-артефакторов, нас, стажеров, за верстаками и, упершись взглядом в Юджина, велел:

— Через пять минут быть в моей мастерской. Расчертишь мне пентаграмму под насыщение силой турмалинов, упреждающий коэффициент для серебра. Масштаб 0,8 от стандартного.

И исчез, даже дверь не хлопнула.

— Я ему не личный подмастерье! У меня свои обязанности, на каком основании мастер Шантей мной распоряжается?! — бесился веснушчатый рыжий Юджин, а я смотрела на него и не верила своим ушам. А ведь вроде не дурак!

— Ты совсем рехнулся, что ли? — на всякий случай уточнила я у однокашника. — Ты что, не понимаешь, да? Делать черновую работу для прима-мастера — это значит наблюдать за его работой. Юджин, не позорь родные пенаты. Бегом побежал!

На последних словах я рывкнула с отчетливо командирскими интонациями, Юджин ожидаемо растерялся, а я невозмутимо продолжила шлифовать выданные мне полудрагоценные камни. Монотонная работа, нетворческая и нудная. Требуемая не квалификации, а педантичного внимания.

Дверь в общую мастерскую снова приоткрылась, мастер Шантей просунул в нее голову.

— Я передумал. Ты, мальчик, — глядя прямо на меня, объявил он, — иди и начерти. Требования и параметры ты знаешь.

Я обалдела. Совсем как от моего собственного наезда — Юджин. Уставилась на прима-мастера, вытаращив глаза. Что сказать-то ему? Что я вообще-то девочка? А то это не очевидно! У меня грудь, а при ней — вырез! Я тарасилась на мастера, он смотрел в ответ. Столь светло и безмятежно, что с абсолютной ясностью поняла — знает. И грудь мою однозначно видит.

— Что-то не так? — умиротворенно спросил мужчина. — Тебя что-то не устраивает?

— Все так! — вовремя захлопнув рот, бодро заверила я. — Меня все устраивает!

А потом торопливо упаковала камни обратно в коробку и, сопровождаемая вяло любопытными взглядами (Ну понадобилась приме помощь подмастерья, ну, выбрал он кого посмышленнее, что такого? А что мальчиком назвал, так, может, оговорился! Не исправляться же? На то он и прима!), поспешила вслед за артефактором на второй этаж.

Мы работали здесь всего ничего, подходила к концу первая неделя, поэтому если более-менее выучить по именам всех местных я успела, то что они собой представляют в плане личного общения, еще понятия не имела. А главных мастеров, работающих в отдельных кабинетах этажом выше, и видела-то от силы по разу каждого. Причем одного — перед отъездом в длительную командировку.

Мужчина толкнул дверь с бронзовой табличкой «Ведущий мастер Максимилиан Шантей» и тут же махнул рукой в сторону заваленного бумагами и материалами стола, соседствующего с его рабочим.

— Можешь сесть туда, материалы и инструменты там. — Еще один взмах в сторону заставленных коробками полок. — Если не найдешь чего, спроси у Кайстен. Через час приду, проверю.

Я открыла рот, вспомнив про перерыв, и тут же закрыла под насмешливым взглядом серых глаз артефактора. Он дождался утвердительного кивка и покинул мастерскую, оставляя меня в одиночестве.

Ух, как мне захотелось хорошенько осмотреться, сунуть нос во все щели, подержать в руках все инструменты, изучить, что же разложено на столе мастера... но не пристало без полугода выпускнице Лидийской государственной школы артефактики вести себя подобно первоклашке на экскурсии в музей.

...Да и без рук остаться можно, если хватать что ни попадя на столе у артефактора такого ранга...

Так что любопытство пришлось затолкать поглубже и взяться за дело. Для начала — разгрести место.

Ну и бардак!

Слышала я краем уха, что мастер Шантей личного подмастерья сейчас не держит, вот было бы здорово стажировку проходить у него, а не в общей мастерской. Прима-мастер! А ему ведь и сорока нет. Да и какое сорока... русский ежик без признаков седины, осанка уверенная, походка стремительная, морщины если и есть, то только «смешливые» — в уголках глаз. А главное —

живой, любознательный взгляд. Энергия так и брызжет! Да ему тридцать с хвостиком едва наскребется. Вот это было бы настоящее дело!

Я распихала свитки и книжки по краям широкого стола, отыскивала необходимые принадлежности. Как он там сказал? Масштаб 0,8 от стандартного?

Набросать на клочке бумаги цифры, прикинуть размер и положение на листе...

Работа знакомая, мы на выпускных экзаменах почти то же самое делали, а уж сколько я бессонных ночей провела при подготовке, вычерчивая, вычерчивая... все окрестные мусорные баки потом своей бумагой забила! Зато теперь линии легко ложились, четко, ровно. Даже не нужно лишний раз расстояния выверять.

Хотя я все равно выверяла. На всякий случай.

Мастер вернулся, как и обещал, через час, когда я уже добавляла чертежу последние штрихи. Приблизился, заглянул через плечо. Я отвела руки, позволяя рассмотреть всю работу, сцепила пальцы в замок и скосила глаза, наблюдая за выражением его лица — понравится не понравится? Был у нас учитель один, так он принципиально считал, что ученик все сделать правильно не может — на то он и ученик. Ох, пока мелкие были, как мы рыдали от злости и несправедливости, когда он находил полумиллиметровый сдвиг в чертеже, который даже и никакого значения не сыграет при построении, и снижал оценку.

Понимание того, что выдрессировал он нас зато как щенят и что группы, которые у него учились, в старших классах были впереди всех одноклассников, пришло позже. В чертеже я не сомневалась, но было интересно, как его мастер оценит.

Мужчина пробежался по рисунку беглым, но цепким и внимательным взглядом и хмыкнул одобритительно, усмехнувшись уголком губ.

— Как, говоришь, тебя зовут?

— Нинон... — Я на мгновение даже растерялась, а потом торопливо добавила: — Аттария.

Мужчина задумчиво потер подбородок.

— Что из этого имя, а что фамилия?

Я возмущенно распахнула рот и только спустя пару мгновений уловила, что насмешка в голосе была совершенно беззлобная. Может, это проверка такая?

— Нинон — имя. Аттария — фамилия, — отчеканила я как можно спокойнее.

— Только не говори мне, что я один не вижу разницы, — печально вздохнул прима-мастер, заставив меня заскрипеть

зубами. — Ладно, как тебя называть, я потом придумаю, а пока, мальчик, — он подхватил чертеж и свернул его в трубочку, — иди поешь. Потом вернешься. Рассчитывать коэффициенты совместимости умеешь? — Я даже кивнуть не успела, как мастер Шантей уже продолжил, словно по глазам читая: — Рассчитаешь на стандартный средний конус: пестрая яшма, рубины, амазонит. Первичная категория — защитная. Сделаешь набросок. Это несрочно, но и не тяни.

В первые мгновения я не поверила своим ушам. Что, правда? Он дает мне еще одно задание?

Артефактор усмехнулся, легонько стукнул меня свитком по подбородку, закрывая чуть приоткрывшийся то ли для какого-то глупого вопроса, то ли от счастливого удивления рот, а затем вдруг наигранно сдвинул брови и шикнул:

— А ну кыш отсюда!

Я подорвалась со стула и побежала к двери.

— Жуй хорошо только! Не подавись! — насмешливо прилетело мне вслед.

Я старалась! Честно старалась! Но от мысли, что я, возможно, смогу работать бок о бок с прима-мастером, жевать не получалось. Получилось только заглотить в срочном порядке свои бутерброды, пробубнить с набитым ртом что-то невразумительное в ответ на расспросы Юджина и умчаться обратно на второй этаж — а то вдруг передумает?!

Не передумал. Мое появление было встречено только беглым взглядом. Мужчина убедился, что налет на его кабинет совершила я, а не банда грабителей и убийц, и тут же вернулся к работе. По моему чертежу, как я успела польщенно заметить. Значит, и правда было что-то срочное.

Стараясь не коситься уж слишком откровенно на работу примы, я прошла к отведенному мне столу и принялась за дело. Расчет коэффициента совместимости — это уже задача посложнее. Мало того что не все камни сочетаются друг с другом, и таблица их взаимодействия на основе зодиакальных созвездий — это едва ли не первое, что вызубривают ученики школы артефактики. Так еще и нельзя просто взять две кучки сочетаемых камней и впать на глазок, как левая пятка захочет. Сочетаемость строится на количестве камней, количестве их разновидностей в одном артефакте, их качестве и размере. В особенно сложных случаях могут иметь значение и чистота камня, и насыщенность цвета или даже место его добычи, но раз мастер Шантей ничего об этом не сказал, значит, дополнительные параметры учитывать не надо.

Яшма, рубины, амазонит принадлежат созвездиям

Скорпиона, Овна и Весов соответственно, одно из лучших сочетаний. На стандартный конус... Я на мгновение прикрыла глаза, мысленно набрасывая расположение камней. Если первичная категория защитная, то ведущую роль стоит отдать амазониту, он обладает среди этих трех самой сильной аурой талисмана-защитника. Затем яшма — оберег от порчи и сглаза. И последнее место — рубин, даст амулету силу, напитаает его, закрепит воздействие первого и второго...

С этими мыслями я углубилась в расчеты, из которых вынырнула только на мгновение, когда мастер окликнул и сообщил, что отлучится. Магия камней уже утащила меня в свои манящие глубины, поэтому я лишь кивнула и вернулась к прерванному занятию. А опомнилась, только когда приступила к рисунку и обнаружила, что у меня на столе нет рейсшины.^[1] В столе ее тоже не оказалось, как и на стеллаже с материалами и инструментами, как и под столом (мало ли...). Я вылезла оттуда и так и осталась сидеть на полу в раздумьях.

Помнится, было сказано, если чего не найдешь — иди к Кайстен, но местной кладовщицы я, откровенно говоря, побаивалась. Одного-единственного раза, когда я сунулась к ней за необработанными изумрудами по просьбе одного из мастеров, мне хватило, чтобы теперь обходить складские помещения по широкой дуге. Поскольку я тогда была вынуждена не только детально обосновать, зачем они мне нужны, но и чуть ли не рассказать всю свою родословную до десятого колена с пометками «не замечена, не привлекалась, не употребляла». Пойдешь к ней за рейсшиной, а потом объясняй, как это я не нашла ее в кабинете у ведущего мастера, и что я вообще делала в этом кабинете, и, кстати, почему он до сих пор не вернул остатки от восьмикаратного сапфира, взятого год назад, поскольку шестикаратного не нашлось. Да-да, это у меня тоже спросили, когда я, стажер, пришла к ней на второй день работы в мастерской. И даже мои недоуменно хлопающие глаза не остановили ее от бурчательной лекции на тему того, как некоторые безответственные примы присваивают казенное имущество. Собственно, тогда я и услышала имя мастера Шантея в первый раз.

Я передернула плечами, представив черный сверлящий взгляд кладовщицы, и поднялась с пола.

Схожу-ка я лучше к мастеру-ювелиру. Им в мастерской О'Тулла была гнома по имени Дейдрэ МакАльпин. К нам, стажерам, она с первого дня отнеслась сердечно, провела экскурсию и даже пару раз сама, без просьб с нашей стороны, приглашала, если в ювелирной происходило что-то такое, на что

будущим артефакторам было бы интересно посмотреть. У нее наверняка есть рейсшина, да и кабинет старшего мастера-ювелира расположен всего в двух шагах от кабинета мастера Шантея.

Я сначала неуверенно постучала и, лишь услышав звонкое «войдите!», просунула голову в дверь.

— Мастер МакАльпин, здравствуйте, а...

— Так, дорогая моя, еще раз назовешь меня мастер МакАльпин — и больше никаких показательных ювелирных выступлений! Я вам что говорила, когда прибыли? Дейдрэ! Можно подумать, мне все двести лет, а не каких-то шестьдесят! Я еще, может, и помоложе тебя буду по нашим меркам! — весело ответствовала гнома, едва глянув, кто появился. — Удачно ты зашла, иди что покажу!

Я торопливо приблизилась. «Что покажу» в исполнении мастера-ювелира обычно выглядело весьма впечатляюще.

— О... — только и смогла восхищенно выдохнуть я при виде огромного серого куска горной породы, который на сколе искрился молочной белизной, рассыпающейся мириадами цветов и оттенков, переливающейся и вспыхивающей при малейшем движении.

Благородных опалов такого размера мне раньше видеть не приходилось. Этот камень чаще встречался в виде тонких слоев или плоских линз, а тут такое богатство. Да он, наверное, размером с куриное яйцо будет, даже больше!

— Красавец, а? — гордо проговорила мастер-ювелир и любовно погладила камень, словно лично его создавала, отстранив от этого тонкого дела матушку природу.

— Не то слово. — Я не удержалась и коснулась кончиками пальцев сверкающего разлома. Даже неоформленный, необработанный камень отозвался на прикосновение скрытой силой, способной горы свернуть. — И куда вы его потом?

— А, Максу отдам! — Гнома улыбнулась и хитро добавила: — Если будет хорошо себя вести.

«Максу?» — едва не переспросила я, но почти сразу сообразила, о ком идет речь, припомнив табличку. Только мое замешательство от Дейдрэ не ускользнуло.

— Ох уж эта молодежь! — тоном древней старушки пробормотала гнома. — Все бы вам радикулит раньше времени другим приписывать! Мы тут стареть не торопимся, поэтому чтобы «вы» я от тебя больше не слышала!

Перед глазами мелькнул насмешливый взгляд и ехидная улыбка, и я мысленно признала, что своёское «Макс» подходит прима-мастеру куда больше, чем благообразное «мастер Шантей».

Только вряд ли я когда-нибудь осмелюсь его так назвать даже за глаза!

В Лидийской школе артефактики, превосходящей по престижу даже столичную, панибратство не поощряли. В присутствии учителей мы даже друг к другу обращались на «вы», что уж говорить о тех, кто старше. Так что могла ли я подумать, что в артефактной мастерской О'Тулла, первой в Лидии по работе с камнями и металлами, порядки царят вольные? Хотя стоит отметить, когда я узнала, что по распределению попадаю на обязательную стажировку именно сюда, я вообще не могла ни о чем думать. Ибо сложно думать, прыгая на одной ножке, радостно попискивая и вешаясь на всех попавшихся на глаза одноклассников.

Мастер Дейдрэ бережно, словно младенца, взяла камень в руки и опустила его в широкую глубокую чашу с мутной голубоватой жидкостью.

«Купель Эпаро», — опознала я. Сейчас сложный алхимический состав расщепит все инородные тела, помещенные в чашу, кроме тех, что соответствуют заранее заданному образцу. Камень очистится от лишней породы, засияет еще ярче и позволит понять ювелиру, в какую форму лучше всего облечь это чудо.

Жидкость негромко зашипела и начала выделять легкий сероватый дымок. Дейдрэ с чувством выполненного долга отряхнула руки и отвернулась — процесс займет еще немало времени.

— Вот и нечего тут придворные реверансы разводить, — подытожила мастер. — Все мы когда-то стажерами да подмастерьями были. Даже примы.

Она усмехнулась, будто знала нечто забавное о прошлом мастера Шантея, но продолжать не стала, а переспросить я постеснялась. Может быть, как-нибудь в другой раз, когда уже окончательно обнаглею.

— А ты, кстати, что думаешь? На второй категории остановишься или на третью будешь заявку подавать?

О, этот вопрос для меня никогда не стоял. Уже семь лет назад, когда мне исполнилось тринадцать и меня приняли в школу, я знала, что пятая категория для меня — абсолютный минимум, на котором я готова остановиться, и то только при условии, что в муках породить очередной шедевр, ^[2] разобью себе голову о стену. О первой, присуждаемой по окончании пятого курса, и говорить не стоило, вторую, получаемую после успешно пройденной стажировки, мама с папой, потомственные артефакторы, мне бы не простили. Третья... уже можно попасть

обычным мастером в мастерскую вроде этой. Или податься в надомники, но на сколь-нибудь престижные заказы в таком случае рассчитывать нет смысла. Для ведущего мастера даже в месте попроще нужна минимум четвертая, значит, на пятую стоит замахиваться однозначно. Две финальные категории — прима и гранд-мастер — были сродни мечте и доставались несомненным гениям. А кто знает, вдруг один такой где-нибудь во мне дремлет?

— Буду подавать на третью, — призналась я и не смогла сдержать смущенную улыбку, когда гнома одобрительно кивнула.

— Идеи для шедевра уже есть? Подержи-ка. — Мастер сунула мне в руки затянутое серебристыми нитями мелкое сито. — Поможешь звездную пыль просеять?

— Ага, — кивнула я в ответ на просьбу и вздохнула. — Идей пока нет.

— Ничего, появятся, — весело обнадежила Дейдрэ без толики сомнения в голосе. — От нас еще ни один стажер без шедевра не уходил!

Насыпая в сито искрящуюся звездную пыль, она весело рассказывала мне об одном парнишке, которого идея осенила, пока хозяин лавки, лепрекон Боллиндерри О'Тулл, отчитывал его за испорченный камень. О другом, на которого снизошло озарение, пока он драил полы, разлив по ним несмываемые чернила для начертания рун. О третьем, который вообще едва зашел в мастерскую в самый первый день, увидел ряды артефактов, выставленных на продажу в лавке, хлопнул себя по лбу и засел творить...

Закончив с пылью, я сердечно поблагодарила хозяйку мастерской за весело проведенное время и направилась к выходу.

— Нинон? — окликнула она меня, когда я взялась за ручку двери.

— А? — Я обернулась, уже наполовину погруженная в мысли о том, что после таких историй стоит непременно постоянно носить при себе бумагу и карандаш — вот и угадай, когда придет вдохновение!

— Ты зачем приходила-то? — Гнома смотрела на меня с искренним весельем в карих глазах.

— Ой! — Я отчаянно хлопнула себя по лбу и смущенно озвучила: — Дейдрэ, а у вас... у тебя!.. рейсшины не найдется?

Гениальная была идея! Вот как есть гениальная! Не могу найти в инструментах прима-мастера рейсшину? Нужно спросить у Дейдрэ!

Так думала я, зажимая упомянутую чертежную

принадлежность локтем и примериваясь, как выпутаться из объятий «стража». Подвешенный над входом амулет в отсутствие хозяина исправно сработал на удержание постороннего. Благо это были простенькие «путы», а не какой-нибудь «паралич» или и того затейливее... Это был первый положительный момент, который удалось обнаружить в ситуации. Второй — это то, что новое задание мастера Шантея срочным не было. Так, текущие дела...

Нет, ну, не сидеть же мне в «путях» до его прихода, в самом-то деле? «Страж» вроде не слишком сложный, можно попробовать подцепить управляющую нить и снять защиту. А потом восстановить — мастер и не узнает. Когда он еще полезет проверять сторожевой амулет? К тому времени следы любого вмешательства развеются!

Так рассуждала я, готовя в уме простой шепоток, в народе широко известный как «лезвие», чтобы выполнить нехитрый трюк с отсеканием одной из линий плетения и выбраться из негаданной ловушки.

И надо же быть такой идиоткой!

Так ругалась я, после того как от моих манипуляций амулет, вместо того чтобы деактивироваться, вдруг обвалился мне на голову! «Путы» тут же агрессивно сжались, впечатывая бляху амулета вместе с державшей его цепочкой мне в череп. Прямо сквозь скальп, по ощущениям. На любую попытку шевельнуться заклинание теперь отвечало ограничением отведенного мне пространства.

Оставалось только расслабиться и получать удовольствие. И надеяться, что мастер придет как можно раньше. По крайней мере — сегодня.

Повезло! И впрямь пришел сегодня! Я даже не очень долго стояла.

Увидел меня, хмыкнул, щелкнул пальцами, и «путы» опали. Мастер прошел прямо к своему столу, а я облегченно расслабила позу и сдернула с головы шайбу остохорошевшего амулета.

Слезы брызнули из глаз! Я взвыла от боли, а мастер Шантей, успевший закинуть ноги на стол и поставить стул на две задние ножки, чуть не рухнул с этого самого стула на пол.

— Что там?!

Вот хотела бы я знать, что там! Кажется, цепочка амулета звеньями запуталась в выбившихся из пучка кудряшках. Я на ощупь попыталась определить масштабы бедствия. Вроде даже ничего особо страшного. Подцепив пальцами прохладный металл, я попробовала потеревить, потянуть. Цепочка чуть поддалась — и завязла. Потянула сильнее... Больно! Нет, проблема не в освободившихся прядях, видимо, звенья сторожевым заклинанием

в пучок вдавило и они там запутались. И это... это... караул!

Не выдержав, артефактор подошел поближе. Сунул нос в проблему. То есть в мою прическу. Но на данный момент — в проблему! Похмыкал. Ухватил за хвостик тоненький металлический ручеек. Потянул в одну, в другую сторону. Цокнул языком. И, дотянувшись до ячеистого стеллажа с инструментами, ухватил ножницы по металлу. Большие, страшные ножницы по металлу. Не успела я пискнуть, что лучше потом сама аккуратно маникюрными ножничками состригу, как негромко звякнуло, и амулет с огрызком стальной змейки шлепнулся на стол. Снова звякнуло — и та часть цепочки, что болталась с другой стороны, улетела туда же.

Мужчина ухватил меня за плечи, развернул в сторону окна, и ловкие пальцы принялись высвобождать угодившие в плен бдительного «стража» кудряшки. Я покладисто сопела, почти уткнувшись носом в чужой свитер и подставляя прима-мастеру макушку. И чувствовала себя донельзя глупо...

Я вдыхала чужой, незнакомый запах, вздыхала и думала, как буду извиняться. Дело предстояло непростое, потому что нужно было, во-первых, собственно, извиниться. Во-вторых, не выглядеть при этом дура душой. Что довольно сложно — ибо чувствовала я себя именно таковой!

А спасательная операция меж тем продолжалась. И жизнь показывала, что в одиночку я бы с ней точно не справилась! Мастер Шантей выпутывал короткий кусочек цепочки и тут же скусывал его, не давая злонамеренной змейке насмерть запутаться вновь. Дело медленно, но верно двигалось к победе. Я даже успела успокоиться, расслабиться и теперь вдумчиво соображала, каким это таким парфюмом тянет от мастера. Что-то свежее. То ли древесное, то ли водное. Вкусное!

— Ладно, парень, рассказывай, как докатился до жизни такой? — пожелал узнать детали моего пленения спасатель, уже привычно проигнорировав мой женский пол.

— Я не нашла в ваших инструментах рейсшину, — начала я, так же привычно не обратив на это внимания.

— Верхняя левая ячейка стеллажа, под папками с резервными эскизами, — встрял любезный хозяин.

— Удобно! — похвалила я.

— Я ею не пользуюсь, привык обходиться на глазок, — отозвался он. — Не переживай, парень. И ты со временем так научишься!

Я скептически хмыкнула куда-то ему в грудь, переступила с ноги на ногу — тело устало от одной и той же позы — и продолжила:

— Поскольку на глазок делать чертежи я все-таки не могу, то решила спросить у мастера Дейдрэ, возможно, она сможет одолжить мне рейшину, если у нее есть.

— О, у Дейдрэ есть все! — согласился мастер Шантей. — А то, чего нет, она знает где достать. Она запаслива, как...

— Как хомяк?

— Хуже! Как гном!

Я улыбнулась ткани плотной вязки перед своим носом. Действительно, хозяйственные гномы давно уже стали притчей во языцех.

— Когда я вернулась, сторожевой амулет спутал меня заклинанием.

— Это все понятно, — кивнул мужчина, удобнее разворачивая меня к свету и наклоняя мою голову под нужным ему углом, — непонятно только, как сам «страж» у тебя на голове оказался?

— Я пыталась отсечь управляющие нити «лезвием», — призналась я, — но он почему-то оборвался с крепления! Хотя я, убей, не пойму почему...

Мастер в ответ невнятно угукнул и, отхватив ножницами еще несколько звеньев, потянул их на себя, просто-напросто стаскивая с запутавшихся волосков. Я пискнула от боли, втянула голову в плечи и аж на цыпочки поднялась. Несмотря на осторожность артефактора, чувствовала я себя так, что впору в обморок грохнуться!

— Вот поэтому, парень, я и не хотел связываться со стажерами-девушками! — выдал внезапно Максимилиан Шантей, вызвав у меня ступор и легкий шок. — Девушки — существа с тонкой душевной организацией, требующие деликатного подхода и бережного обращения! Вот разве посмел бы я оставить девушку без обеда? — продолжал вещать над моей головой мастер, одновременно вытягивая из спутанных прядок еще несколько звеньев.

Э? Это меня что, так отвлекают? Спасибо, я отвлеклась!

— И что, что заказ срочный? Это с парнем можно без церемоний! А вот с девушками — никак. Слова грубо не скажи, в сердцах при ней не ругнись, сплошные проблемы, словом...

Мастер подергал очередной кусочек цепочки. Не-а, ни туда и ни сюда. Охватил мою голову ладонями, нагнул в одну сторону, в другую. Решения не находилось. Тогда он попросту взял и вытащил из пучка шпильки!

Ну, если этот наивный человек думает, что так все станет проще, то боги ему в помощь! Кудряшки радостно рассыпались по плечам, сворачиваясь в тугие шоколадные спиральки и прыгая от благодарности к освободителю. Я обреченно вздохнула — все,

теперь только выстригать! Мастер Шантей озадаченно пробормотал: «Н-да...» — и с новыми силами взялся за дело.

— Нинон... — окликнула заглянувшая в мастерскую прима-мастера Дейдрэ. — Опа! А что это вы тут делаете?

Я смущенно отшатнулась, стараясь создать дистанцию между собой и мастером.

— Стажера моего спасаем, — буркнул мужчина сердито, за плечи возвращая меня на прежнее место. — Не видишь, что ли?

Мастер-ювелир любопытно заглянула ему в руки, огорченно присвистнула, и дальше спасательная операция продолжилась с участием уже двух мастеров.

— Дейдрэ, ты чего-то хотела? — деловито уточнил прима-мастер. — Так, ты вот сюда прядь потяни, а я звено подрежу!

— Угу, давай! — Не прекращая возиться у меня в волосах, гнома ответила: — Я сейчас отливку кольца под заготовку охранки начну с применением «холодного пламени». Думаю, Нинон такого не видела, ей интересно будет.

Ну да, нам ювелирное и кузнечное дело довольно обширно читали, но с «холодным пламенем» практики не было, только теория. Я бы посмотрела...

— Так, тут вот еще сильно запуталось. Давай вот так попробуем!

— Терпи, стажер, чуть-чуть осталось!

Я покорно терпела. Но от слов «чуть-чуть осталось» у меня разом устали ноги, заныла шея, зачесалась спина, захотелось одновременно пить и в туалет.

— А если там чуть-чуть, давайте я просто оставшееся обрежу, да и все?

— Я тебе обрежу!

— Цыц! — шикнули на меня в два голоса.

Вот так и предлагай из наилучших побуждений.

— У тебя замечательные волосы, — от души похвалила мастер-ювелир, и я вздохнула.

Нет, в общем и целом я была с ней согласна. Но момент для комплимента казался мне не совсем подходящим. Как и для рассказа о том, что в детстве я все время хотела свои волосы пожевать — они по цвету были так похожи на шоколад, что и вкус, с моей точки зрения, должен был быть весьма неплох!

Я снова вздохнула. Вот у самой гномы коса была восхитительная. В руку толщиной, насыщенного медного цвета. Длинная, ниже пояса, украшенная изумительными фигурными наконечниками в двух-трех местах. Я тайком один рассматривала — работа филигранная. Интересно, это мастер сама делала?..

Боги, о чем я думаю!

— Ну, так что, ты пойдешь ко мне смотреть? — вмешалась в мои мысли гнома.

— Нет. — Я с сожалением отказалась от любезного предложения. — Я задание мастера Шантея только начала.

Признаться, вот за это я ожидала нахлобучки, но сверху только неопределенно хмыкнули и тему развивать не стали. А совсем скоро я была наконец свободна!

Мастер Шантей торжественно вручил мне ножницы и вернулся на свое рабочее место, а я принялась устранять последствия возни. По намертво вбитой за годы обучения привычке не разбрасывать где попало частички себя я собрала случайные волоски, смела в совок оказавшиеся на полу остатки цепочки. Выбросила в урну, постеснявшись при мастере сыпать все это на листик, заворачивать и прятать в сумку, чтобы потом сжечь. В ответ на это медная урна полыхнула бесцветным пламенем, которое тут же опало, оставив после себя пустоту — ни копоти, ни сажи...

Ну, ничего ж себе, предмет интерьера! А если б я туда руку сунула?! То-то я удивлялась, чего это она такая толстостенная, массивная. Попробовала посчитать, что там должно быть нанесено и как, сбилась, запуталась и плюнула. Только головой покачала — не лень же кому-то на такое силы тратить! Кудряшки весело запрыгали, согласные с моим недоумением.

Так, где там мои шпильки? В несколько привычных движений свернув волосы в тугой узел, я подошла к столу, где валялись остатки амулета. Сам амулет в порядке и не пострадал, а вот цепочка покровсана изрядно. Я задумалась, что делать с коротким, не больше двух дюймов, обрезком.

— Мастер Шантей, а что делать с... — Я за кончик ухватила ту часть цепочки, которая раньше крепилась к потолку. А чем, кстати, она крепилась? Ни кольца, ни вырванного из потолка крепления я что-то здесь не вижу...

Я оглянулась на потолок над дверью — там тоже никакого крепления. И вообще, никаких следов, что оно там было! Еще раз внимательно осмотрела ту часть подвеса, что была у меня в руках.

Мастер с интересом наблюдал за моими переглядками.

Это... Подождите, он что... Он амулет на шепоток подвесил?! Это получается — я час простояла, спеленатая заклинанием, только потому, что один разгильдяй поленился повесить амулет по правилам?!

Я медленно-медленно подняла на него взгляд. Мои зеленые возмущенные глаза встретились с его бессовестными серыми, и я точно поняла — да, все так и есть. Неудивительно, что «лезвие»

неуправляющую нить срезало, а крепление снесло!

Да я как дурочка там стояла! Я чуть со стыда не сгорела, когда меня, как младенца неразумного, два мастера из силков выпутывали!

Жажда крови и мщения захлестнула с головой...

Так, спокойно, Нинон! Это прима-мастер, и он нам в будущем еще пригодится! Потом убьешь.

Я выдохнула. Осторожно положила стальной ручеек на стол.

— Мастер Шантей, там мастер МакАльпин собирается отливку с «холодным огнем» делать! Я пойду посмотрю? — самым сладким из всех возможных голосов спросила я, ласково глядя на эту бесстыжую физиономию.

— Да, иди, конечно, — светло отозвался мастер, не испытывая, по-моему, ни малейших угрызений совести.

Я еще побуравила его взглядом, потом крутанулась на пятках и ушла. Решая по пути непростой вопрос: могу ли я сейчас пожаловаться на него Дейдрэ? С одной стороны, неуместно стажеру ябедничать на ведущего мастера...

А с другой — если я сейчас с кем-нибудь не поделюсь, лопну, к демонам, от смеха!

Рабочий день уже подходил к концу, когда я, в очередной раз не сдержав любопытства, покосилась на работу прима-мастера и с удивлением обнаружила, что он с крайне задумчивым выражением на лице царапает гвоздиком стоящий рядом с его столом массивный сейфовый шкаф. За практически бесшумно скользящим острием оставался красивый ровный след, на пол падала металлическая стружка.

Боги! Что надо с гвоздем сделать, чтобы он так легированную сталь царапал?!

— Что у вас там хранится? — не выдержав, полюбопытствовала я.

— Где? — не понял мужчина.

Я молча кивнула на шкаф. Мастер призадумался.

— Всякий хлам.

Кажется, ответ вполне честный.

— Какие-нибудь дорогие материалы? Ценные ингредиенты? — продолжала допытываться я.

Мастер фыркнул.

— За этим к Кайстен. Все у нее — и дорогое, и редкое, и опасное... — пояснил он мне, не прерывая своего занятия.

— Тогда, может, что-то ценное лично для вас? — Я не теряла надежды узнать правду.

— Нет, точно нет! — Он засмеялся. — А почему ты

спрашиваешь?

Я молча и с интересом рассматривала этого потрясающего человека.

— Потому что вы чертите вирийскую защиту. Если вдруг какой-нибудь незадачливый грабитель вздумает влезть в ваш сейф, от несчастного даже тапочек не останется!

Мастер слегка смутился.

— Ну... почему же, тапочки останутся!

— Вы излишне оптимистичны, — не удержалась от шпильки я. — При таком сочетании размеров шкафа, качества основы и соседствующих охранных символов тапочек определенно не останется!

Мастер Шантей изучил бок собственного сейфа. Вдумчиво. Как будто впервые увидел. Сложные многоуровневые символы вирийской защиты гармонично вписывались между традиционным для сейфов плетением «Разряда» и гномьим «Капканом». Над ними, на самом удобном месте, причудливой вязью уходила вверх «Сторожевая лоза» — эльфийская разработка, адаптированная под человеческую силу, — и заканчивалась уже в правом верхнем углу, беря в изящную петлю очередной охранный символ вполне себе человеческого «Скорпиона». Ниже уровня стола мне было плохо видно, но то, что попало в поле зрения, подозрительно напоминало островную клинопись... Ребята с островов издревле славились негуманным и нетерпимым отношением к посягающим на их собственность. Так что вора, покусившегося на эту цитадель безопасности, было жаль.

Но не очень сильно.

Я прилежно выполняла порученное мне задание, ухмыляясь от уха до уха. Нет, мне, конечно, не полагается так радоваться удачной шпильке, но... Я ведь спиной к нему сижу, верно? Значит, он не увидит!

— Стажер Аттария!

— Да, мастер Шантей?

— Поручаю вам посчитать, какое наполнение силой потребуется защитным символам, с одной стороны, а также массу тела и качество обуви — с другой, чтобы в случае несанкционированного проникновения в мой сейф от взломщика не осталось и тапочек. Таблицу итогов предоставить к концу часа!

Ой... Увидел...

Но заняться порученным заданием я не успела. Прямо над моей головой раздался громкий дробный стук, в котором с легкостью можно было узнать ритмы «Марша веселых попугайчиков», песенки, которую пару лет назад распевали по

всем углам королевства. Я изумленно втянула голову в плечи, а прима-мастер ухмыльнулся, поднялся и распахнул дверь мастерской.

— Макс, посылку прими! — тут же раздался пронзительный женский крик с третьего этажа, где находился кабинет господина О'Тулла и его секретаря, делопроизводителя, специалиста по связям с общественностью и начальника отдела поставок в одном прекрасном лице дриады Абиес Пинацэ.

— Бегу! — рывкнул мужчина в ответ и тут же с улыбкой повернулся в мою сторону. — Вперед, стажер, посылку надо принять!

Можно было бы поинтересоваться, как связано его «бегу» с тем, что принять надо мне, но, кажется, сегодняшний лимит язвительности в адрес начальства я уже исчерпала. Так что пришлось снова отрываться от расчетов.

— А если спросят, почему я? — Вопрос этот назрел уже в дверях.

— Скажешь, что ты мой подмастерье. Вперед! — скомандовал мастер, возвращаясь к работе.

Ура-а! Меня только что официально повысили!

Так что вниз я полетела, сияя, как идеальной огранки алмаз в свете лампы.

На первом этаже, помимо общей мастерской, находилась еще и небольшая лавка, в которой бойко вела торговлю ведьмочка Марта Нилс в компании с охранником — орком по имени Шаен. Парочка колоритная: она — вся в многочисленных фенечках и браслетах, ожерельях и амулетах, которые были вплетены даже в волосы множеством разноцветных нитей, он — огромная татуированная гора мышц, рядом с которой я себя чувствовала горошинкой, которую при желании можно отправить в полет щелчком пальцев. Честно говоря, глядя на них, я задавалась двумя животрепещущими вопросами: как Марта умудряется не звенеть при ходьбе, словно праздничная лошадка с бубенцами, и как Шаен проходит в двери, потому что визуально он превосходил проемы раза в полтора...

При моем появлении ведьмочка удивленно вскинула брови, а стоящий по другую сторону прилавка мужчина в форме курьерской службы градоправителя Лидия нетерпеливо побарабанил пальцами по отполированной дубовой столешнице.

— Я от мастера Шантея. — Пришлось пояснить: — За посылкой.

— Вообще-то я должен вручить ее лично, — недовольно произнес посылный. — Это заказ на государственную экспертизу.

— Раз так, — хихикнула Марта, — я даже разрешу вам лично подняться в его мастерскую в моем сопровождении, чтобы посмотреть, какое у вас будет лицо, когда Макс посоветует вам отправиться обратно и вручить все тому, кого он за этим послал, потому что сам он занят и ему не до мелочей.

Мужчина помрачнел, но без лишних разговоров водворил на прилавок средних размеров стальную шкатулку, разрисованную гасящими магические излучения артефакта символами, сунул мне в руки стопку бумаг и ушел, буркнув напоследок «всего доброго!». Искренности я в его голосе, как ни странно, не различила.

— Что-то он легко сдался, — неуверенно отметила я, подходя ближе.

— Ха! Да это наверняка очередное рутинное поручение по соцконтракту. У Макса, например, это контракт с управлением стражи, так что что он их, что они его знают как облупленного. Правда, это не мешает стражникам периодически пытаться делать вид, что работающий на них прима — это не невероятная удача, а их заслуга, — рассмеялась Марта, запрокидывая голову и демонстрируя красивую жемчужную улыбку.

Я понимающе кивнула. Социальный контракт с государством заключали все артефакторы начиная с третьего ранга и все артефактные мастерские независимо от статуса и размера. Сумма контракта и расценки на услуги были строго регламентированы для каждого ранга и не зависели от действительных доходов мастера. Но если к мастерам с третьего по пятый ранг могло обратиться любое государственное учреждение (прима-мастера были приписаны каждый к определенному крупному ведомству), то мастерские получали заказы по соцконтракту от Гильдии в порядке очередности.

Подхватив шкатулку под мышку, я сгребла бумаги, но ведьмочка вдруг ухватила меня за локоть.

— На всякий случай: ты же не потащишь сейчас всю эту макулатуру Максусу?

— Э... — Я озадаченно перевела взгляд со множества совершенно незнакомых мне бланков и форм на продавщицу.

Та всплеснула руками:

— Ну, ты же не думаешь, что он сам будет все это заполнять? — Она не уловила в моем взгляде проблесков понимания, а потому выхватила у меня из рук бумажки и выудила из-под прилавка перо и чернильницу. — Давай помогу! Одна ты с ними до ночи провозишься. А у меня пока все равно клиентов нет.

Сидящий на стуле у входа Шаен согласно всхрипнул. Орк

вообще мастерски умел притворяться спящим и один раз чуть не довел меня до инфаркта вопросом «а чего это мы крадемся?», когда я, придя как-то чуть раньше, на цыпочках, чтобы его не разбудить, пробиравась в мастерскую. Наверное, это была особая тактика усыпления бдительности возможных злоумышленников.

Марта торжественно вручила мне перо и тут же начала бодро тыкать в нужные листы:

— Здесь, здесь и здесь пусть поставит автограф, один экземпляр приткни куда-нибудь в мастерской, два других отнесешь Абиес. Так, это надо заполнить... имя-фамилия... твои, ага. Ой, какая она у тебя прелестная!

Я невольно поморщилась. Может, и прелестная, но в комплекте с именем для большинства получалось что-то труднопроизносимое.

— Кстати, а прима-мастер Юлий Аттерий не родственник тебе, нет? Звучит похоже... — Я не была уверена, заметила ли говорливая ведьмочка мое отрицательное мотание головой, потому что продолжила она, не прерываясь даже на дыхание: — Я недавно в газете читала такой ужас, такой ужас!

— Какой?

— Умер! — трагически припечатала Марта.

— Убили? — удивилась я. Просто «умер» для меня не очень-то походило на определение «такой ужас, такой ужас».

— Типун тебе на язык! — Девушка трянула разноцветными косичками. — Просто умер! Ему годков-то уже было, мне в прадедушки годился... так, здесь должность... тебя Макс сюда как кого послал? Подмастерье? Так и пиши! А здесь все то же самое, только еще описание коробки подробное, ага... зато ты представляешь, умер без единого наследника, все состояние казне ушло. Эх, не повезло мне с фамилией... кстати, ты слышала, что король принца женить надумал? Поедут по всем крупным городам — в каждом прием среди знати. Невесту искать будут!

— Вот тебе и шанс сменить фамилию, — хихикнула я, за что тут же была награждена суровым черным взглядом Шаена, который ради этого даже «проснулся».

Ведьмочка послала ему воздушный поцелуй.

— Ну вот вроде и все. Запомнила, что-куда-зачем? И главное — заставь его прямо сейчас подписать! С Максом, как с дрессированным тигром, нельзя показывать, что ты готова идти на уступки. Сожрет и кудряшки выплюнет! — хихикнула она.

Я кивнула, сердечно поблагодарила Марту и через ступеньку поскакала обратно вверх — не терпелось вернуться в мастерскую.

Мастер Шантей как раз отвлекся от работы и отдыхал,

покачиваясь на стуле и разглядывая потолок. Шанс упустить было нельзя, поэтому я торопливо водрузила на стол перед ним и шкатулку, и бумажки.

— Вот. И здесь, здесь и здесь распишитесь!

— Потом, — отмахнулся мужчина, прикрывая глаза.

— Сейчас. — Я насупилась, искренне веря, что такая милая девушка, как Марта, мне плохого не посоветует, но не очень понимая, как именно я должна заставить приму и при этом не лишиться только-только обретенного места.

Мастер, прищурившись, одарил меня долгим взглядом. С легкой руки продавщицы мне мгновенно вспомнилось, что со страшными хищниками главное не разрывать зрительный контакт, а то почуют слабинку и мигом набросятся. Поэтому вместо того чтобы потупиться, я еще больше насупилась, непроизвольно надувая губы, но взгляда не отвела. А спустя несколько мгновений мужчина хмыкнул себе под нос, качнулся на стуле вперед, и разложенные перед ним листы украсили три размашистые подписи. Я поспешно их сгребла, освобождая рабочее место.

Прима отодвинул шкатулку в сторону, даже не открывая, и явно вознамерился вернуться к прерванному занятию.

— А что там? — не утерпела я, ткнув в нее пальцем.

— А что написано в документах?

— Артефакт на экспертизу. Информация о создателе — скрыто. Информация о свойствах — скрыто. Срок — полгода, — отбарабанила я вычитанные в бумажках сведения.

— Значит, там артефакт на экспертизу, — ухмыльнулся мастер.

— А какой?

— Вот через полгода и узнаешь! — По голосу было слышно, что мое любопытство его не раздражает, а только забавляет, а потому я все-таки решилась пробормотать:

— Через полгода меня уже здесь не будет.

Спустя мгновение выяснилось, что не все коту масленица и новых уступок я от этого человека не дождусь.

— Стажер Аттария!

— Да, мастер Шантей?

— Я, кажется, поручил тебе некоторые крайне важные расчеты — и где они?

— Вы про конус? Я еще не успела. Там...

— Нет, — перебил мужчина. — Я про тапочки.

Мне оставалось только захлопнуть рот и двинуться на свое рабочее место. Эх, обманула меня Марта. Сожрет вместе с кудряшками!

— Так, дорогие коллеги! На следующей неделе Школа артефактики пришлет нам стажеров, — торжественно объявил господин О’Тулл на еженедельной планерке.

Присутствующие загомонили в голос.

— Опять?! Да сколько можно... — проворчала кладовщица Кайстен.

— О, а нам как раз крупную партию малахита обработать надо... — вдумчиво прикинул старшина МакКиннон.

— А, ну меня это не касается, я пошел! — Максимилиан Шантей бодро подскочил со своего стула.

— Куда?! Макс, стоять! Стоять, ты куда пошел!!! Ты бы им хоть экскурсию провел, прима, етить его в качель...

— Да ладно, я проведу, мне не трудно... — вздохнула Дейдрэ.

— Ну, тогда тебе их и нянчить, раз не трудно!

— Боги, опять из лавки и на минутку не отвлечешься... — Марта с Шаеном обменялись печальными взглядами.

Голоса множились, наслаивались друг на друга...

— Так! — громогласно объявил лепреккон, разом перекрыв все звуки. — Планерка закончена, идите вы все... работать!

Глава 2

Тонкие девичьи натуры, или О стрессе и его последствиях

Третья неделя сентября в Лидии радовала самым настоящим бабьим летом. Яркое солнце празднично подсвечивало разноцветную листву высаженных по проспекту кленов. Ветер осторожно касался то одного, то другого дерева, не зная, как к ним подступиться, чтобы не уронить на землю их сияющее богатство, и затихал, стоило листьям отозваться возмущенным шелестом. Теплые, мягкие порывы тогда оставляли в покое хрупкое золото и бросались к прохожим, ероша волосы, развевая цветные шелковые платки женщин, срывая шляпы с мужчин и так и норовя заиграть салфетки на столиках кафе «Чудесный горшочек», на террасе которого ввиду хорошей погоды мы расположились на обед.

Заведение это, помимо того что славилось на весь Лавочный Квартал горячим шоколадом и не слишком дорогими, но сытными и вкусными обедами, обладало неоспоримым преимуществом перед всеми остальными подобными кафе — оно располагалось наискосок через дорогу от артефактной мастерской О’Тулла. И, наслаждаясь заслуженным перерывом, мы имели возможность видеть здание мастерской со стороны фасада вместе с парадным входом — три солидные ступеньки, массивная дубовая дверь с металлическими накладками и широкий козырек в ажурной ковке с подвешенной под ним на цепях массивной дубовой вывеской. С веранды «Горшочка» я с удовольствием созерцала нашу мастерскую.

Надо же, «нашу»! Я улыбнулась и продолжила рассматривать каменное здание. Вот не первый раз вижу, а все равно смотрю с удовольствием... На мой вкус, трехэтажная мастерская с окнами в надежных свинцовых переплетах, укрытыми для верности еще и ажурными решетками, и черепичной крышей цвета киновари изрядно походила на своего хозяина, господина Боллиндерри О’Тулла, и вид имела солидный и респектабельный. А может, я и сама все это придумала, не спорю — но мне все равно нравилось так думать. И смотреть. И слушать Марту. И сидеть за столиком, ожидая заказанный обед. И вообще, день выдался замечательный, мне нынче все нравилось, и я была спокойна и благодушна.

Мы — это я, Дейдрэ, Абиес и Марта, немногочисленный, но прекрасный и, несомненно, очень грозный женский состав

работников мастерской Боллиндерри О'Тулла. Конечно, была еще Кайстен, которая в теории тоже женщина, но многие любили шутить, что раз уж расу кладовщицы определить никто не в силах, то и в поле уверенными быть нельзя. Шутили так правда только шепотом и отойдя от мастерской на приличное расстояние — во избежание. Да и представить суровую даму попивающей горячий шоколад и жмуращейся от улыбки, глядя на солнце, у меня, хоть убей, не получалось.

Марта встретила нашу спустившуюся троицу с видом самым что ни на есть загадочным и, пробормотав «идемте скорее, я вам такое расскажу!», первой вылетела за двери. И вот теперь, едва мы успели рассестись и сделать заказ, как она заговорщически наклонилась вперед, чтобы сообщить:

— Ой, девочки, у нас сегодня утром тут такое бы-было!

— Какое? — Дейдрэ, наоборот, откинулась на спинку стула, едва слышно отстукивая пальцами незатейливый мотив.

Ведьмочка нетерпеливо поерзала.

— Все началось несколько дней назад. Появился у меня тут ухажер...

— Дай угадаю, история носит название «Как сегодня ночью я помогала Шаену прятать труп»? — улыбнулась дриада.

— Почти! — даже не стала возражать Марта, судя по всему, уже давно смирившаяся с шутками на тему чрезмерного чувства собственности, помноженного на недюжинную физическую силу своего кавалера. — Но дело было так. Зашел на днях мужчина, весь из себя благообразный, такой преуспевающий лавочник по виду. Нужны ему были амулеты от сглаза. И уж так он долго со мной о них беседовал, что я было решила, что дело провальное — ничего не купит. Либо из-за чрезмерной придирчивости, либо денег жаль, а амулет хочется.

— И что? Купил?

Нам принесли заказ, и я с удовольствием втянула носом аромат «лосося по-венуэльски в сметанном соусе» и сглотнула набежавшую слюну.

— Представляете, купил! Но нехотя и только когда я вопрос ребром поставила: брать будем или нет? Ну, купил, я про него и забыла, а на следующий день едва успела за прилавок встать — опять он. Я было подумала, что пришел или возвращать, или жаловаться и требовать компенсаций — а он ко мне с комплиментом! Мол, девушка-красавица, вчера вы мне так помогли, подскажите-ка, а какие у вас защиты от воров имеются в продаже?

— А еще лучше — стоят на окнах, — хмыкнула скептично-практичная Аби. — И одолжите ключ от лавки, если вас не

затруднит!

— Да нет же! — Марта оскорбленно надула губы, обидевшись на мнение, что ее красота меркнет на фоне сокровищ магазина. — Он потом начал про меня расспрашивать, про мои увлечения, звал в театр даже! Хорошо, что Шаен не слышал, а то — ой-ей! — прямо в лавке бы ему голову открутил, и получай потом нагоняй опять от нашего «высокого начальства».

Это словосочетание в адрес лепрекона, который ростом был, как говорится, метр с цилиндром, особенно забавляло всех работников мастерской. А самое забавное заключалось в том, что сам господин О'Тулл не видел в нем ничего смешного и важно и с гордостью считал, что таким образом работники благоговейно оценивают его талант руководителя.

— Тогда он ничего не взял, но обещал вернуться. Потом забегал еще пару раз, но не надолго, интересовался новинками. И вот сегодня, представляете, пришел с букетом! С во-от такенным букетищем. — Для наглядности Марта даже руки раскинула, откинувшись на две задние ножки стула. — И пригласил меня на свидание.

— У-у-у-у, — в один голос протянули Аби и Дейдрэ, а я недоуменно хлопнула ресницами.

— Я не знала, плакать или смеяться, девочки! Вы бы видели лицо Шаена! И вы бы видели лицо этого мужчинки, когда он увидел лицо Шаена!

— Я даже боюсь спросить, куда именно он ему этот букет засунул, — хмыкнула Дейдрэ, ювелирно накалывая на вилку горошины.

— На голову надел, — хихикнула в ладошку ведьмочка.

— Надеюсь, там были не розы, — с видом знатока добавила дриада, щуря ярко-зеленые миндалевидные глаза.

— Астры, — сказала Марта и вздохнула.

То ли по поводу того, что незадачливый ухажер не расщедрился на что подороже, то ли ей его все-таки было немного жалко, то ли она вспомнила о каком-нибудь платьишке с рисунком из астр, которого в магазине не нашлось нужного размера. Кто нас, девушек, разберет.

— А у тебя, Нинон, как дела? — полюбопытствовала Дейдрэ в ожидании чая. — Макс не обижает?

— Обижает! — поспешила наябедничать я. За прошедшее время я уже успела убедиться, что разговоры «между нами девочками» таковыми и остаются, поэтому не стеснялась высказывать все, что накипело, а накипело много! — Он дергает меня за волосы!

— Как это? — удивилась Абиес, приглядевшись к моей

прическе.

— А вот так. Стоит кудряшке какой-нибудь выбиться, так он тут же дергает и еще и приговаривает при этом дурацкое «боммм-к!».

Марта неожиданно протянула руку, ухватила за кончик одну из прядей, выбившихся из пучка в неравном бою с ветром, и дернула, не забыв проговорить волшебное слово. А потом захлопала в ладоши, пронаблюдав, как волосы вновь закрутились в возмущенно подпрыгивающую спираль. Я надулась как мышь на крупу и заправила непокорную кудряшку за ухо.

— В этом определено что-то есть, — сделала вывод ведьмочка, широко улыбаясь.

— Ага! Только он меня мальчиком назначил. А за волосы дергает, как будто бы девочку!

— Терпи, юнга, капитаном будешь! — гнома от души похлопала меня по плечу.

— Терплю, — покорно вздохнула я, заказывая горячий шоколад навынос. — Только можно я буду подмастерье, который мастером станет? Мне так легче терпеть, а то к плаваньям я совсем равнодушна!

Эта мода — дергать за кудряшки — появилась у мастера Шантея всего пару дней назад, но за это краткое время успела мне надоесть хуже горькой редьки. Приму в отличие от меня подпрыгивающие кудряшки приводили в абсолютный восторг, а мне оставалось только оскорбленно пыхтеть и сопеть, потому что открыто высказывать недовольство я пока не решалась.

Впрочем, польза от «распускающего руки» начальства тоже была. Все работники мастерской щеголяли в специальных рабочих халатах — ремесло артефакторов не самое чистое занятие. Нам же, стажерам, такого счастья не перепало. Настоящая рабочая одежда стоила недешево, так что мы одевались кто во что — чтобы не жалко было испачкать. Мастеру, видимо, надоело созерцать меня в потрепанном жизнью и работой старье — и, придя однажды на работу, я обнаружила на спинке своего стула халат, который мастеру подошел бы по размеру только при условии, что тот усохнет раза в полтора... причем не только вширь, но и ввысь! Самое любопытное, что сам мастер рабочей одеждой чаще всего пренебрегал. То ли пижонил, то ли ленился переодеваться. А обо мне, гляди-ка, позаботился.

...Мы уже подходили к мастерской, когда из дверей выскочил, чуть не сбив нас с ног, Юджин и обрадованно уставился на дриаду.

— Госпожа Пинацэ, вас там господин О'Тулл обыскался, какие-то бумаги найти не может...

— Мама, — тихо произнесла я, вжимаясь в перила.

Цветок в горшке, стоящем на окне возле лестницы, который еще недавно был безобидной фиалкой, согласно клацнул зверскими челюстями и угрожающе растопырил во все стороны листья, словно думал наброситься.

За какой-то час обычная артефактная мастерская превратилась в зачарованные джунгли, где опасность подстерегала на каждом шагу. А все потому, что из сейфа Абиес пропала текущая документация.

Блистательная дриада была в мастерской правой, а заодно и левой рукой нашего рыжего хозяина, а также его гласом и памятью. И совестью. Потому как своей у лепрекона отродясь не водилось. Авторитет ее был непререкаем, но я только сейчас в действительности поняла почему. Обойдя по широкой дуге агрессивную фиалку, я едва не угодила в заросли непомерно разросшегося плюща и, наконец, вывалилась в лавку, чудом не споткнувшись о вздувшиеся, расползшиеся по всему полу корни пальмы, пробившие глиняный горшок.

Там было на удивлениелюдно, несмотря на висевшую на двери внушительную табличку с надписью «Закрыто». Один из стражников в темно-серой форме опрашивал Шаена, другой беседовал с Мартой, а третий, присев на корточки, внимательно изучал пол, словно надеялся разглядеть сквозь переплетения корней следы злоумышленника.

— Нинон? — ведьмочка оторвалась от разговора, окликнув меня. — Что ты хотела?

Стражник мгновенно смерил меня профессионально подозрительным взглядом, но Марта мгновенно заверила его, что в момент, когда произошла кража, я отсутствовала, как и она сама.

— Меня Ма... мастер Шантей послал, — торопливо исправилась я: все-таки девичьи посиделки дурно влияют на субординацию. — Он сказал, что если активировать все имеющиеся у нас стабилизаторы магического фона и расставить по мастерской, то, возможно, удастся избавиться от этого, — короткий кивок в сторону оскорбленно подобравшей шипы фиалки, — и до того, как Абиес успокоится.

— Отличная идея! — Марта расцвела улыбкой и нырнула в кладовую за прилавком, где хранились амулеты и артефакты на продажу. Индивидуальные заказы мастера обычно держали в собственных сейфах или сдавали Кайстен.

Ассортимент лавки О'Тулла на самом деле был не так уж широк. Мастерская специализировалась в основном на амулетах

и артефактах на базе камней и металлов, что мгновенно переводило ее в разряд удовлетворяющих не самые дешевые запросы, но зато славилась качеством изделий. Хотя, конечно, любой каприз за ваши деньги — наше «высокое начальство» за хороший гонорар могло принять заказ хоть на тысячу простеньких фенечек с узелками на удачу, которыми куда больше промышляли как раз ведуны вроде Марты, чем артефакторы. И вязать нам потом эти узелки не перевязать...

Ведьмочка вернулась из подсобки со стопкой из шести коробок.

— Все, что есть. Как думаешь, хватит? Если что, можно в мастерской спросить, вдруг кто-то просто еще не сдал партию?

Я прикинула — два на каждый этаж — и кивнула. Хватит.

Пальмовый горшок вдруг взорвался, осыпав фонтаном земли ползающего по полу стражника и только чудом никого не задев осколками, а пальма вздыбила корни и потянулась ими к Шаену. Орк недолго думая перехватил их и без видимых усилий связал в тугой узел. Растение задергалось как припадочное, пытаясь высвободиться, и чуть ли не заскакало по помещению.

...Или не хватит.

— Сейчас отнесу в общую. — Марта передернула плечами и прижала коробки к груди, как спасательный круг. — Пусть кто-нибудь из мастеров займется. И поскорее бы, пока нас тут не сожрали.

Фиалка согласно хлопнула челюстями.

— А давай я сделаю? — неожиданно для самой себя вызвалась я.

Вообще-то мастер Шантей послал меня просто сообщить об идее, сам он плотно завяз наверху с капитаном стражи, господином О'Туллом и Абиес, а меня позвал местным самым проверенным способом — рывкнув с третьего этажа на второй. И, честно говоря, я возрадовалась, что мне не нужно находиться рядом с ними.

Потому что в кабинете дриады под ее бдительным оком и ласковой рукой растений было значительно больше. Уставший пугаться и шарахаться капитан даже не обращал внимания на питонообразный стебель, ползущий по его плечам. А господин О'Тулл то и дело отмахивался изумрудным цилиндром от так и норовящих забраться ему за ворот листьев очень любопытной драцены.

Один только мастер Шантей не испытывал от происходящего никакого видимого неудобства. Он сидел на диване, закинув ногу на ногу, модные, начищенные до блеска туфли почти сияли в сгустившемся от многочисленной листвы полумраке, а на

коленях у него лежал кактус! Трихоцериус белеющий, точно такой же, что стоял у меня дома, совершенно не оправдывал свое грозное название. Длинная густо-зеленая мясистая палка свернулась на коленях у мужчины в каральку и блаженно потряхивала иголочками всякий раз, когда мастер рассеянно между ними почесывал. Утончающийся кверху кончик, представляющий теперь подобие хвоста, блаженно подрагивал и периодически злобно хлестал конкурентов, возжелавших дармовой ласки.

Оторвать взгляд от беспечно скользящих меж сантиметровыми иглками пальцев удалось с трудом...

Абиес сидела на стуле, закинув ногу на ногу. Идеально прямая, горделивая осанка, вскинутый подбородок, едва заметно постукивающие по коленке пальцы, изящные кисти цвета темного дерева. Темно-зеленые волосы забраны в низкий пучок на затылке, уложены идеально — волосинка к волосинке — не растрепались от нервного бега или мерения шагами кабинета. При беглом взгляде на дриаду казалось, что она каменно спокойна и все происходящее ее нисколько не волнует. И совсем непонятно, почему шефлера с остервенелым рычанием грызет стул для посетителей и все вокруг уже усеяно мелкими щепками.

Зато голос... о, от того, с каким шипением и ядом Аби отвечала на вопросы, от одного только пониженного тембра по спине пробегали неприятные мурашки, заставляющие втягивать голову в плечи и мечтать убраться отсюда, и поскорее.

С одной стороны, Абиес вполне можно было понять. Пропажа всей текущей документации — это не досадная неприятность. Это катастрофа. Сентябрь уже перевалил за середину, а значит, бумажек там накопилось немало — неоплаченные счета, квитанции уже оплаченных заказов, договоры в работе, заказы мастеров по соцконтрактам для общей годовой отчетности... теперь проще застрелиться, чем это все восстановить. А ведь близится конец года, а с ним — отчетный период.

А вот кому могло понадобиться все это добро — непонятно. Денег в сейфе не было, а все бумаги имели величайшую ценность только для мастерской и даже никак не повлияют на работу мастеров, лишь создадут нескончаемую головную боль несчастной Аби и господину О'Туллу, так что на происки конкурентов списать пропажу тоже было сложно. Но задерживаться в кабинете и подслушивать, какие выдвигаются версии, желания не возникло. Слишком уж плотноядно на меня смотрело алоэ вера. Клянусь богами, оно даже облизнулось!

Я поторопилась узнать у примы, зачем он, собственно, желал меня видеть, и торопливо ретировалась с благой вестью к Марте.

Мастерскую в пору было спасать от нашествия зеленой братии.

И вот теперь мне пришла в голову мысль, что, вместо того чтобы отвлекать от работы мастеров, которые сегодня из-за происшествия и так сбились с графика, я могу и сама заняться установкой амулетов. В конце концов наполнять силой простейшие конструкции умеет и третьеклассник, а я как-никак выпускница и уже почти что мастер второй категории!

Но ответственная Марта все же не отпустила меня одну, попросила выделить кого-нибудь из общей мастерской — и неожиданно отозвался старший мастер. Шон МакКиннон приходился родственником Дейдрэ, каким-то там семиюродным братом. По гномьим меркам вполне себе близкая родня.

Это был плечистый, невысокий и во всех отношениях солидный мужчина в самом расцвете сил. Огненно-рыжая борода собрана в короткую, в ладонь, косицу, не мешающую в работе, и закреплена серебряным кольцом, испещренным густой вязью узоров оберегов, чтобы случайная искра беды не наделала. Чтобы косица не впитывала запах гари, смазки и реактивов. Чтобы едкие алхимические соединения не разрушали структуру волоса. Очень здравая предосторожность, надо бы и себе такой амулетик завести... Только мне бы еще добавить чары на послушность или на выпрямление!

— Когда человек злится — он теряет контроль над собой. Когда злится дриада — она теряет контроль над своей силой. Даже если это такая сдержанная и разумная дриада, как наша. Ну, в смысле — как Абиес Пинацэ, — вещал по дороге об особенностях дриадской магии старшина общей мастерской.

Сейчас Аби, выдержанная, безупречная Аби, непроизвольно фонила силой и ничего не могла с этим поделать. Энергия сочилась из нее, разливалась в пространстве. Живые растения поглощали ее, впитывали дармовую кормежку и использовали для изменения. А если учесть, что эмоциональный настрой дриады, питавшей процесс, задавал тон изменениям, то сами понимаете...

Частично я и так это знала из школьных лекций, а частично меня просветил мастер.

Слава всем богам, что дриадская особенность на мертвые растения никак не влияла, философски заключила я, шагая в компании мастера Шона устанавливать первый из шести артефактов-стабилизаторов магического фона. Потому как встречи с агрессивной магазинной стойкой моя тонкая творческая натура просто не выдержала бы!

— В принципе можно и не вмешиваться, а просто подождать, — продолжил развивать свою мысль мастер, — Аби

успокоится, приток энергии, питающей и поддерживающей изменения, прекратится, и наша флора, ведущая себя как фауна, вернется в нормальную форму. Но...

Мы понимающе переглянулись. Вот именно «но»!

Ситуация в мастерской усугублялась тем, что всем растениям здесь хозяйкой была дриада. Даже тем, которые купил-принес кто-то другой. Она приглядывала, заботилась, создавала наиболее благоприятные условия всей зелени в мастерской, не деля на свою и чужую. Как итог — трансформированные растения, обзаведшись псевдоразумом, в упор никого, кроме нее, видеть не видели и других хозяев знать не желали.

Марта, например, покусанная при попытке усмирить собственную настольную орхидею, обиделась на нее насмерть и пообещала выбросить неблагодарную тварь на помойку при первом удобном случае! Разломана кадка пальмы, изгрызена стойка, покусаны стражники.

Фиалки поудирали из горшков и расползлись по мастерской.

Кусачая же орхидея, наоборот, оказалась дивно усидчивой — пыталась цапнуть всех, до кого могла дотянуться, а до кого дотянуться не могла, в тех плевалась едкой вязкой слюной-соком, но своего места не покидала. Шипела, свивала ставшие змеино-гибкими стебли в гадючьи кольца... В результате касса и учетные книги магазина оказались недоступны.

Нет, с одной стороны, в этом были и плюсы — дневная выручка теперь была вне опасности. А с другой стороны, вряд ли на нее покусились бы заполнившие лавку стражи порядка!

На третьем этаже, в присутствии дриады, этот паноптикум вел себя куда приличнее. Максимум — аккуратное прощупывание окружающего пространства. Ну, за исключением психованной шефлеры! Да и от нее, кроме стула, никто не пострадал. А кактус и вовсе оказался вполне милым... Я вздохнула, вспоминая сюрреалистичную картину: прима-мастер чешет псевдоразумное растение меж колючками, а оно в ответ урчит от удовольствия...

На первом же этаже, вдали от сурового хозяйского ока, измененные позволили себе некоторые излишества. Некоторое буйство, я бы даже так сказала!

Вообще я была рада, что мастер МакКиннон предложил помощь. Не то чтобы я сомневалась в своих силах, но все надежнее, когда рядом есть опытный... гном, который, если что, направит и подскажет. Мы решили установить по амулету в разных концах коридора на каждом этаже. Так получится охватить гасящим излучения полем всю мастерскую, и даже если кто-то из дриадских питомцев схоронился по углам, действие амулетов их все равно настигнет. И не придется потом

загулявшую фиалку по всем мастерским отлавливать.

— Как тебе с нашим примой работается? — с живым интересом спросил мастер МакКиннон, пока я открывала первую коробку и осторожно разворачивала коричневатую упаковочную бумагу, в которую был бережно завернут амулет — продолговатая металлическая бляха с причудливой вязью чеканки и вкраплениями оникса.

Я бросила на старшину неуверенный взгляд. Может, обиделся, что сбежала из его ведомства к другому мастеру? Но нет, смотрит благожелательно и даже с крохотной долей сочувствия. Ну, еще бы, над этой историей с «мальчиком» вся мастерская по углам хихикает.

— Хорошо, — иронично отозвалась я. Это вам не Дейдрэ с Мартой, тут на кудряшки не пожалуешься.

Хотя работалось-то и правда хорошо. Задания мастер давал если и не всегда интересные, то всегда полезные, охотно отвечал на вопросы по делу, давал необходимые пояснения и даже прощал мелкие шпильки. А в свете того, что некоторые однокашники жаловались, что им на стажировке не камни полировать приходится, а столы мастеров вместо уборщиц, грех было возмущаться и обращать внимание на временами повышенную язвительность и общую обаятельную ядовитость Максимилиана Шантея.

— Ну и замечательно, — отозвался гном, внимательно наблюдая за моими действиями, но стоя чуть в стороне, всем своим видом демонстрируя, что установка на мне, а он тут чуть ли не просто так, погулять вышел.

Итак. По инструкции.

«Разместите на плоской поверхности».

Я положила амулет на подоконник.

«Убедитесь, что в радиусе полутора метров не существует никаких помех действию амулета».

Я бдитительно огляделась. В конце концов, надо помнить, где мы находимся, мало ли что за мусор у них тут по углам валяется! А вдруг какая-нибудь мышеловка-артефакт — гений артефактной мысли?! Стоит же у мастера Шантея чудо-урна...

«Прощупайте амулет на предмет изъянов».

Короткий, непродолжительный выброс энергии, недостаточный для того, чтобы задействовать заключенную в амулете силу, иголочками пробежался по линиям, заставил полыхнуть зеленоватым отсветом ониксов и отозвался в ощущениях звонким переливом, похожим на бречание колокольчиков. Все в порядке, рисунок создан правильно, микротрещин и повреждений нет.

«Активируйте».

На этот раз сила полилась из кончиков пальцев медленной тонкой струйкой. Главные ее накопители и источники — ониксы — начали наливаться глубинным светом, разгораясь все ярче и ярче, пока не засияли ровным, интенсивным светом.

— Отлично, — похвалил старшина. — Хорошо ты с энергией работаешь, уверенно. Давай еще один посмотрю, а дальше ты на втором поставишь, а я на третьем — и угомоним наконец этот зверинец.

Мы зашагали в противоположный конец коридора, мимо двери в общую мастерскую, к окну возле лестницы, откуда согнали метлой сердито ворчащую упитанную фиалку.

И все по новой: распаковать, разместить, прощупать...

Вот только мы не учли коварство и злопамятность местной флоры и фауны.

Я с тонким визгом отдернула руку, когда фиалка шлепнулась на нее сверху, пытаясь обхватить многочисленными мелкими корешками, и от расстройства, что добыча ускользнула, эта многоножка листовая взяла и... сожрала амулет! Распахнула, как можно шире, фиолетовую пасть, проглотила в один присест и довольно встопорщила листья, глядя на нас двумя другими цветками с величайшим удовлетворением.

Мы с мастером МакКинноном в первые мгновения опешили, а затем разом озверевший гном — какая-то зеленая дрянь посмела при мастере-артефакторе покуситься на святое?! — с боевым кличем шлепнул метлой по подоконнику, собираясь расплющить мерзавку в травяную лепешку.

Фиалка рванула в сторону с неожиданной для такого неповоротливого на вид растения прытью и, sporo перебирая корешками-ложноножками и балансируя толстенькими круглыми листьями, помчалась вперед по коридору. Старшина кинулся за ней, а я за гномом, бдительно прижимая к груди оставшиеся четыре амулета, чтобы их, пока мы отлавливаем пакостливое растение, еще кто-нибудь не сожрал.

Почувяв погоню, фиалка начала петлять, так что удары метлы всякий раз с громким трескучим хлопком приходились на пустое место. Гном от этого зверел еще больше, а широкая, вполне добродушная физиономия начала равняться цветом с бородой.

В какой-то момент шустрая обжора решительно метнулась в обратную сторону, проскочила между ногами мастера, и вот тут-то метлой уже чуть не схлопотала я. Только чудом успела вжаться в лестницу, когда она просвистела мимо с разворота и едва не переломилась от очередного удара об пол. А в следующее мгновение распахнулась дверь в общую мастерскую...

Фиалка от восторга подпрыгнула на полметра и рванула туда, так что открывший эту дверь мастер успел заметить лишь смазанное зелено-фиолетовое пятно и, поди, едва не поседел, когда следом за этим пятном в его сторону кинулся старшина с перекошенной физиономией и метлой наперевес.

Я обреченно зажмурилась. Ну все. Тушите свет. Ловля шустрой фиалки в общей мастерской однозначно закончится или смертоубийством, или порчей о'туллового имущества. И, как следствие, смертоубийством.

— И что это у вас тут происходит? — раздался над головой голос мастера Шантея, спускавшегося вниз в сопровождении капитана стражи.

— Фиалку ловим, — честно призналась я.

Следом за этим из мастерской донеслось сдавленное ругательство и очередной звук удара метлой. Судя по продолжившемуся топоту, вновь безуспешного.

Капитана это заявление, очевидно, не заинтересовало, потому что, пожав на прощание руку прима-мастеру, он удалился в лавку, и до меня отчетливо долетело усталое бормотание «дурдом какой-то». Даже возмутиться захотелось! Что значит «какой-то»?! Между прочим, один из лучших дурдомов в городе, а значит, и в королевстве!

А вот мастер Шантей наверх возвращаться не спешил, а вместо этого облокотился рядом на перила, с интересом прислушиваясь к происходящему в мастерской.

— Я, кажется, советовал установить стабилизаторы.

— Мы и устанавливали, — поспешила оправдаться я, кивнув на прижатые к груди коробки. — Вместе с мастером МакКинноном. Их всего шесть, впритык. И когда устанавливали второй, его... — я на мгновение замаялась под заинтересованным взглядом, — фиалка съела.

Прима-мастер совершенно не по прима-мастеровски фыркнул от смеха.

— Что вы, учитель?! Я сделал домашнюю работу, но ее собака съела! — прокомментировал он, и я невольно прыснула. Похоже!

В мастерской вдруг воцарилась полная тишина.

Я любопытно вскинулась, вытянула шею, но от лестницы ничего не было видно. А потому пришлось оторваться от перил и осторожно, на цыпочках, приблизиться к распахнутой двери. Мастер, кажется, последовал за мной.

Тишина.

Нетерпеливо прикусив губу, я подалась вперед, чтобы заглянуть в мастерскую...

А в следующий момент едва успела отшатнуться, когда мимо

меня сначала пронеслась затаившаяся до сих пор фиалка, а следом мастер МакКиннон с растрепанной бородой и вставшими дыбом усами. Я шарахнулась с перепугу, запнулась пяткой, потеряла равновесие и уже представила, как красочно плюхнуться на пятую точку — но амулеты не уроню!.. — а вместо этого врезалась во что-то спиной и была крепко ухвачена за талию.

Мастер Шантей без особых усилий чуть приподнял меня, как куклу, помогая встать на ноги, потом встряхнул за плечи, словно проверял на устойчивость, а когда я обернулась и уже открыла рот для смущенных извинений и благодарности, вскинул руку, мгновенно подцепил кончиком пальца кудряшку и дернул!

— Боммм-к, — удовлетворенно озвучил он, и уронить амулеты мне все-таки захотелось. Кому-то на голову!

— Ну все, мое терпение лопнуло! — рывкнул вдруг мастер МакКиннон, останавливаясь и тяжело опираясь на метлу. А затем, еще более громогласно — да-да, с первого на третий: — АБИ!!! Иди призови свой дендрарий к порядку, иначе я за себя не отвечаю!!!

Не прошло и пары секунд, как послышался неторопливый размеренный стук каблуков по ступенькам. Абиес показалась на лестнице, гордая и прекрасная, спустилась, изящно придерживая подол длинной юбки, и замерла на самых нижних ступеньках, окидывая коридор таким строгим взглядом, что мне захотелось соорудить глазки послушного щенка и завилать кудряшками.

Послышалось глухое ворчание. Слегка потрепанная, но по-прежнему бодрая и пухленькая фиалка медленно выползла из-под лестницы, приблизилась, выплюнула измазанный в зеленой слизи амулет под ноги дриаде и, круто развернувшись, поползла обратно.

Абиес надломила бровь, не сводя с растения взгляда. Фиалка остановилась. Помедлила и... жалобно заскулив, вернулась к хозяйке, бережно протерла амулет листиками и, ухватив его фиолетовой пастью, поднесла мастеру МакКиннону, едва ли не виляя хвостом. После чего она вернулась в свой горшок и там и окопалась, надувшись и отвернувшись цветами к окну.

Не прошло и четверти часа, как вся растительная живность в мастерской угомонилась. И если и не перестала быть живностью, то по крайней мере больше не бросалась на работников. Марта умиленно обнималась со своей орхидеей, которая извивалась и терлась об нее, как кошка. Пальма пристыженно сгребла корнями разбросанную по лавке землю и, прикрывшись осколками горшка, притихла в углу, понуро повесив листья. Даже все чересчур прыткие фиалки расползлись по местам. Только одной, той самой амулетожорливой, надоело сидеть в горшке, она заявила в

лавку и теперь развлекалась тем, что восторженно таскала к нашим ногам брошенный карандаш.

Амулеты были благополучно активированы и расставлены, так что до того момента, как растения вновь станут растениями, ждать оставалось не так уж долго.

— Даже жалко, — вздохнула ведьмочка, сгружая под прилавок принесенные мной коробки от стабилизаторов, и вновь кинула карандаш. Фиалка бросилась за ним, вывалив набок фиолетовый язык.

— Попроси Аби, пусть она тебе ее оставит, — хихикнула я.

— Ага, а потом господин О'Тулл меня убьет и уволит! Да, именно в таком порядке, — фыркнула она, опережая мой вопрос. — И все-таки интересно, кому могла понадобиться куча бумажек из разных мастерских.

— Из разных?

— Ага, — ведьмочка кивнула, а карандаш снова отправился в полет. — Мне стражник по секрету сказал, что не только у нас бумаги пропали, а еще у парочки коллег.

И правда, странно. А может, действительно конкуренты чуют? Подгадили таким образом, прибавили головной боли...

Остаток дня, слава богам, прошел без приключений. А вернувшись вечером в свою квартиру на пятом, чердачном, этаже дома № 37 по улице Зеленщиков, я подошла к окну, окинула взглядом крыши домов и внезапно зацепилась им за стоящий возле подоконника кактус. Подумала-подумала и, поддавшись внезапному порыву, почесала ему между колючками.

Довольное урчание мне, конечно же, примерещилось.

Тем же вечером

— Ну, хлопнули!

Кружки взлетели, столкнулись крутыми боками и одним махом ополовинились.

— Ребята, чтоб я еще хоть раз к этим сумасшедшим артефакторам на вызов отправился... Да пусть меня Бездна пожрет!

— Угу! — поддакнул другой стражник, закусывая пиво жирной вяленой рыбкой. — А то вот так явишься — а тебя ам, и нет! И не Бездна, а вшивая пальма...

— Жуть. Натуральная жуть! Ну, парни, будем!

В конце рабочего дня в кабачке на площади Дарованной Любви обмывали минувший день стражники. Следует признать, что вызов в мастерскую О'Тулла и его обитатели, разумные и не очень (да они все там чокнутые!), произвели на бравых ребят

очень сильное впечатление...

Глава 3

Великая сила взгляда, или О любви к городу, работе и сосискам

Я сидела на широком низком подоконнике в своей скромной квартирке под крышей в доме № 37 по улице Зеленчиков, пила мелкими глотками ароматный горячий кофе и смотрела на город.

Умытое, недавно проснувшееся солнце всплывало из моря, неспешно поднималось над мачтами кораблей в городском порту. И словно замирало.

И у меня сладко замирало сердце: а вдруг сегодня оно не захочет подниматься выше?..

Но нет, вот солнечные лучи становятся длиннее, а тени — самую малость короче. Солнце чуть-чуть отрывается от корабельных мачт, и я облегченно выдыхаю — сегодня обошлось! Солнце не передумало.

О, я получила прекрасное образование и легко могу объяснить механизм процесса с точки зрения астрономии, геологии и еще пары-тройки хитрых наук. Но сейчас не время прагматичному мышлению и точным расчетам. Это время только для меня, города и свершившегося чуда.

Я мечтательно щурилась, смаковала обжигаяще горячий кофе и была абсолютно счастлива.

Такое умиротворение, ощущение гармонии и единства со всем миром удастся испытать нечасто. И мне его приносит утреннее свидание с городом.

Лидий — замечательное место. Он спокойный и несуетливый, но улыбчивый.

И у меня с ним взаимная любовь. Я влюблена в булыжные мостовые и черепичные крыши. В соленый, пахнущий йодом и водорослями ветер.

У меня романтические отношения со скверами и уютными кофейнями. С иглой ратуши, что видна отовсюду, и шпилями университетов — пусть ниже, но зато разноцветными и гораздо более многочисленными. С часовой башней, что знаменита на все королевство, и храмом Всех Богов на Старой площади.

Позже я вернусь в свой маленький провинциальный Берконе и займу положенное мне место в родительской лавке, продолжу по традиции семейное дело, во благовремени создам семью с достойным человеком...

Но сейчас — у меня роман с этим городом.

Я сидела, забравшись с ногами на подоконник, и сквозь приоткрытое окно любовалась ясным прохладным сентябрьским утром. Мои ноги грела старая шкура, руки — чашка, а душу — кофе.

Чудесно все же иногда без особых причин проснуться ни свет ни заря. Теперь у меня было двадцать минут — целых двадцать минут наедине с собой, а потом нужно будет собираться на работу.

Вообще Лидий — город мастеров в отличие от Арданны, надменной и суетливой столицы, где бал правят знать и торговцы. Здесь находятся самые прославленные университеты — и в их числе известная на всю страну (да и за ее пределами!) Школа артефактики. Здесь, в Старом центре, находятся знаменитые мастерские — и самые именитые мастера!

И это накладывает свой отпечаток. Здесь на многое смотрят иначе. И иначе расставляют приоритеты.

Ту же Марту из артефактной мастерской, которая не скрывает своих очень близких отношений с орком-охранником Шаеном, в столице сочли бы распутницей, и общественное мнение поставило бы ей клеймо гулящей. А в Лидии она — свободный мастер и вольна сама решать, с кем делить жизнь (и постель).

Вообще темпераментная парочка в мастерской уже стала легендой, а их стремление при случае уединиться — притчей во языцех. Их не раз заставляли в самый пикантный момент в неподходящем месте, грозились страшной карой и — ничего не делали.

Я сама чуть ли не на второй день стажировки наткнулась на них в кладовке с уборочным инвентарем и с придушенным писком захлопнула дверь. А потом долго еще ходила с пунцовыми щеками и, как подозреваю, ушами!

Да и не упоминая тот случай — про который я, кстати, никому не рассказывала, — мне пару-тройку раз доводилось слышать возмущенные вопли коллег на ту же тему:

— О боги, ребята! Не на рабочем же месте!

— Слушайте! Да вы затра... Достали!!!

— Так. Еще раз застукаю — прокляну на нестойание! И не хихикать! А то тебя — на недержание!

Я ухмыльнулась, одним глотком допила оставшийся кофе, помотала головой, отплевываясь от кофейной гущи, и соскочила с подоконника.

Пора на стажировку.

Я ураганом промчалась по комнате, закрутившись в ритуальных утренних действиях и привычно пригибаясь где следует, чтобы уберечь голову. Квартира находилась на чердаке,

и покатая крыша ее была для меня как неким божественным символом свободы, так и по первости источником шишек, которые благо скрывала объемная шевелюра. Кровать приткнулась в нише у самой стены. В душевой, отгороженной застиранной шторкой, даже я едва умещалась. На кухне было тесно вдвоем. Но зато посередине потолок возвышался надо мной в добрых два, а то и два с половиной роста, а уж окно — о, это божественное полукруглое окно с широким подоконником, на котором лежали подушки, — было просто пределом мечтаний.

Вприпрыжку скатившись со своего пятого этажа, я радостно вдохнула свежий солоноватый воздух, поежилась от утреннего холода и, сунув руки в карманы куртки, поспешила на работу.

Там все шло по ставшему уже привычным порядку — лавка, улыбчивая Марта, «спящий» Шаен. Заглянуть в общую мастерскую, поприветствовать однокашников и мастеров, с которыми работала в начале стажировки, выслушать насмешливые пожелания удачи, показать язык Юджину, предложившему переименовать меня из Нинон в Николаса. А потом лестница на второй этаж — через ступеньку вприпрыжку, походя пощекотав листья фиалки. «Доброе утро, Дейдрэ! Ух ты! Да, я обязательно загляну к тебе, как выпадет минутка, посмотреть на заготовки заказа для городской ратуши».

Неожиданность приключилась только в дверях мастерской мастера Шантея, когда я, распахнув дверь, налетела на собственно мастера, в этот самый момент выходившего. Прима озадаченно вскинул брови, а я, поддавшись шальному веселому настроению, не придумала ничего лучше, чем отрапортовать:

— Здравствуйте, мастер Шантей! Стажер Аттария для прохождения стажировки прибыла! Какие будут распоряжения?

И вытянулась по стойке «смирно», щелкнув каблуками.

Искреннее недоумение и даже, не побоюсь этого слова, ошеломление на лице мастера были мне настоящей наградой. Первую пару секунд. А потом мужчина смерил меня насмешливым взглядом с этих самых каблуков до выбившихся локонов, которые я мгновенно пригладила, и расплылся в усмешке:

— Значит так, стажер Кудряшка, я уезжаю, вернусь во второй половине дня, список поручений на столе.

Я открыла рот, чтобы в который раз возмутиться насчет «Кудряшки», которой он взял за привычку меня величать последние несколько дней, но мастер перебил суровым командирским:

— Приступить к исполнению!

— Есть приступить к исполнению, — недовольно проворчала

я. Раз уж сама начала игру, отступить негоже.

Впрочем, стоило двери закрыться за спиной, настроение вновь взлетело в мгновение ока, я едва удержалась от того, чтобы попрыгать, хлопая в ладоши. Целых полдня в гордом одиночестве в мастерской прима-мастера! Никаких подколов и покушений на мои волосы! И можно повоображать, что я уже в своей мастерской, сама себе хозяйка!

День определенно обещал быть удачным.

Чуть позже я свято уверилась в мысли, что мастер Шантей обладает даром предвидения и заранее решил наказать подмастерье за излишнее остроумие, потому что список оставленных мне заданий поражал разнообразием скучнейших занятий, венцом которых было составление перечня необходимых для грядущих заказов реактивов и материалов. Нужно было ознакомиться с предварительными сметами, выписать, что требуется, проверить по внутреннему каталогу. А за ним надо еще сходить к Кайстен, чего я откровенно опасалась. После того как прима-мастер взял меня в подмастерья, она, очевидно, записала меня в соучастницы по делу о краже тех несчастных двух сапфировых каратов, и каждый поход за материалами превращался в настоящую пытку... После проверки следовало составить список недостающего и акты запросов — по одному на каждую позицию.

...Интересно, кто занимался этим до меня? Ни в жизнь не поверю, что Макс Шантей сам возился с подобной рутинной нудятиной!

В итоге это задание, хоть оно и значилось где-то в середине списка, я откладывала как могла. И не зря! Потому что на обеде выяснилось, что каталог сейчас лежит у Дейдрэ и она с радостью мне его одолжит, что позволит мне минуть мучительную стадию общения с вьедливой кладовщицей. Звезды сегодня на моей стороне, не иначе.

Мастер Шантей вернулся за пару часов до окончания рабочего дня, мимоходом поинтересовался, как продвигается «боевое задание», удовлетворился отчеканенным ответом «планомерно, согласно выданным инструкциям» и с головой ушел в работу, уже не обращая на меня внимания.

Я же, вооружившись каталогом и обложившись сметами, набрасывала пока что черновой вариант списка. Работа шла на удивление бодро, и я ею даже невольно увлеклась, мимоходом оценивая имеющиеся в распоряжении мастерской редкости и дорогостоящие материалы. Да если кому-то удастся ее ограбить, то это не только самому можно всю жизнь жить припеваючи, но и

внуков обеспечить. Либо и вовсе лишиться необходимости думать о пропитании и завтрашнем дне — на плаху за подобное, может, и не отправят, а вот к каторге пожизненно приговорят как нечего делать... Так или иначе, а вопрос хлеба насущного будет решен!

Одной рукой я придерживала каталог, норовящий соскользнуть со столешницы, площади которой для такого количества бумаг явно не хватало, другой делала записи, то и дело засовывая карандаш в зубы, когда требовалось перевернуть страницу или притянуть новую смету. После того как я добрых пять минут искала его, когда он закатился в бумажки, и чуть не вернула тщательно разобранные документы к первородному хаосу, из виду я старалась этот коварный предмет не выпускать. Потому что карандаш мой был последний, а таскать их у мастера Шантея, после того как увидела, что у него гвозди могут делать, я опасалась.

...Вот кстати, надо еще запросить у Аби карандаши...

Я щелкнула ногтями по боку большой глиняной чашки, активируя прикосновением цепочку рун, а те, в свою очередь, неторопливо подогрели напиток. Холодный горячий шоколад — большей гадости не придумаешь, а давать ему остывать, заработавшись, — неуважение к такому восхитительному напитку. Именно такое заявление сделал мастер Шантей, когда после очередного моего возвращения из «Горшочка» не с пустыми руками водрузил эту кружку на стол передо мной. Нет, он над ней, конечно, не сам корпел сумрачными осенними вечерами — на донышке значилось клеймо одной из артефактных мастерских, но столь неожиданная забота о временном подмастерье меня озадачила. Хоть она и была приятна.

Я поднесла ароматный напиток к лицу, мысленно помянула беса — карандаш в зубах здесь определенно некстати. Не глядя сунула его в пучок и откинулась на спинку стула, поводя затекшими плечами и подпирая каталог коленом.

Чашка приятно грела ладони, а я мысленно уже перенеслась к окончанию рабочего дня. Что бы такое сегодня приготовить на ужин? Может, забежать по дороге в мясную лавку, которую нахваливала мне Марта? И купить там большущих сосисок! Они будут весело шкворчать на сковороде, а мне будет вкусненько-о...

Я блаженно зажмурилась в предвкушении, поставила чашку на отведенное ей место и по привычке покосилась в сторону прима-мастера — чем он там занимается? На одно короткое мгновение мой взгляд встретился с задумчивыми серыми глазами зачем-то обернувшегося артефактора. Он едва заметно улыбнулся мне и каким-то своим мыслям. Я ответила ему улыбкой и

качнулась вперед, чтобы снова приняться за работу.

Пальцы безуспешно хватанули воздух над бумагами. Так. А где карандаш?

Я сунулась в каталог. Под список. В сметы. Озадаченно поскребла макушку. Окинула стол рассеянным взглядом. Снова перевернула все листы, стараясь не перемешать уже наметившиеся стопки — отработано, не отработано, требует уточнения.

Вот гад! Зарекалась же упускать из виду эту заразу!

Снова пролистала каталог. Подняла его. Потрясла вверх ногами. Из страниц вывалился исчерченный ювелирными расчетами лист и линейка. Карандаша нет.

Лист я отложила в сторону, чтобы потом занести Дейдрэ: мало ли что там. Побарабанила пальцами по столешнице. Заглянула под стол. Ничего там не увидела. Вдохнула и полезла целиком, а вылезая, пребольно стукнулась макушкой. Раздраженно потирая ее, выпрямилась и изумленно уперлась взглядом в не пойми как оказавшегося рядом мастера Шантея.

Я открыла было рот, чтобы поинтересоваться, чего изволит высокое командование, но мгновенно, с благоприобретенным рефлексом шарахнулась в сторону, когда мужчина вскинул руку, потянувшись к моим волосам.

Артефактор, судя по всему, кое-какие рефлексы тоже приобрел, потому что цели своей все-таки достиг. Выхватил из пучка карандаш и вручил мне с лицом, полным праведного негодования.

— О чем ты только, позволь узнать, думаешь, Кудряшка? — назидательно проговорил он.

Нет, честно, я даже хотела извиниться. Правда хотела. Ровно до того момента, как меня, потерявшую бдительность, в который раз уже дернули за локон. И мастер Шантей, покровительственно ухмыльнувшись, вернулся к себе за стол.

И вот тогда я ка-а-ак кинула в него каталогом!

...Мысленно.

Вместо этого пришлось удовольствоваться сердитым взглядом в спину, обтянутую светло-голубым свитером. Вот бы он красиво между лопатками влетел. Или выше.

В затылок с коротко стриженным ежиком темно-русых волос. У-ух, было бы здорово!

Я плюхнулась обратно на стул. Задорная злость внутри сидеть не хотела и требовала отстаивания моих нерушимых прав на самоидентификацию.

— Мастер Шантей, — с достоинством произнесла я. — Мое имя Нинон Аттария, можно стажер Аттария, и именно так я и

прошу меня называть!

— Хорошо-хорошо, — на удивление покладисто согласился мужчина, но добавил прежде, чем я успела поверить своим ушам: — Стажер Кудряшка.

Я даже зубами закрипела с досады. И не обзовешь же его в ответ! И вовсе не потому, что страшно получить втык, а потому, что в голову не приходит ничего столь же метко-язвительного, а размениваться на мелочи в такой момент не хотелось, ибо возможность высказаться у меня скорее всего будет всего одна. Нет, не выгонит. Хуже. Завалит какими-нибудь совершенно дурацкими заданиями.

— Знаете, мастер Шантей, — все-таки не утерпела я. — Однажды я все же одолжу у мастера-ювелира ее фамильное кайло!

— И она даже тебе его даст, — благодушно отозвался мой личный доставатель, нимало не озаботившись нависшей над ним угрозой моего возмездия.

— Думаете? — Здесь явно чуялся подвох, но любопытство — страшная вещь, и я покорно заглотила наживку.

— Конечно! Ты ей нравишься. Мелкая, нахальная и с зубодробительным именем. Ну, просто гнома!

Я задохнулась от возмущения, а затем отвернулась и зло вгрызлась в кончик свеженайденного карандаша, возвращаясь к прерванному делу. В этот самый момент раздался стук в дверь.

На громкое шантеевское «войдите» в дверях показалась Абиес в сопровождении некоего представительного господина. В одной руке он держал шляпу, в другой — богато украшенную трость, а из кармана сюртука свисала толстая золотая цепочка карманных часов.

— Мастер Шантей, — церемонно произнесла дриада, соблюдая безупречную дисциплину в присутствии постороннего. — Господин Голден желает заказать у нас артефакт, но исключительно в кратчайшие сроки, и упорствует в своем желании, несмотря на то что свободных мастеров, способных выполнить его заказ, у нас сейчас нет. И поскольку господин очень сильно настаивал, я взяла на себя смелость привести его к вам, чтобы вы с ним самостоятельно решили, брать или не брать сверхурочную работу.

Что-то мне подсказывало, что, не стой этот многоуважаемый господин рядом, вся эта речь выглядела бы примерно так: «Макс, там какой-то хлыщ требует артефакт, да побыстрее, возьмишься или мне его послать куда подальше?» И оралась бы она с третьего этажа на второй, после трели гаечным ключом.

— Если вы его убедите, подниметесь, мы оформим заказ. —

Это предназначалось уже клиенту, и, плавно и неторопливо развернувшись, Абиес зашагала обратно в свой кабинет.

С некоторых пор надолго оставлять его пустующим дриада не любила.

Макс повернулся на стуле, окинул возможного клиента беглым взглядом и поднялся, протягивая ладонь для рукопожатия, после чего пригласил мужчину за небольшой столик возле стены, на котором лежала лишь стопка чистой бумаги да карандаши — для набросков, а рядом стояли два стула. Мастер периодически принимал клиентов для обсуждения проектов, и этот уголок для бесед с ними и был отведен.

— Видите ли, — уверенно начал господин Голден, не дожидаясь наводящих вопросов. — Я собираюсь сделать предложение одной замечательной особе, и в честь этого мне хотелось бы преподнести ей необыкновенный подарок. Я долго размышлял, что именно может им стать, пока меня не осенило — артефакт! Ценная вещь, которая одновременно может быть изысканным украшением и приносить пользу. Вашу мастерскую мне рекомендовали как лучшую в городе по работе с драгоценностями, а мне требуется именно драгоценность.

— А к чему спешка, милейший? — энтузиазма в голосе мастера слышно не было.

И впрямь, если судить по сметам, которые я обрабатывала (вернее, в данную конкретную минуту делала вид, что обрабатывала, с любопытством прислушиваясь к разговору), то заказов у примы накоплено прилично. Уже имеется с пяток текущих, не говоря уже о плановых на месяц и долговременных вроде той самой экспертизы по соцконтракту, для которой я сейчас как раз выписывала необходимые реактивы.

— Через три дня я устраиваю большой прием, на котором и планировал сделать предложение, а затем дела вынуждают меня уехать из города на несколько недель. Мне хотелось бы все устроить до отъезда.

— Три дня — это очень короткий срок. — Я покосилась на мастера, тот крутил в пальцах карандаш, задумчиво глядя на пустой лист бумаги перед собой. — И какое именно предназначение должно быть у артефакта?

Лицо у господина Голдена сделалось неуверенное. Осенившая его гениальная идея, кажется, не включала в себя такие подробности.

— Что-нибудь... такое... хорошее.

Зная, что видит меня только прима, потому что клиент сидел ко мне спиной, я невольно понимающе ему улыбнулась. Заказчик, сам не знающий, чего хочет, — любимая тема для шуток,

подколов и «теплых» пожеланий меж мастерами.

— Здоровье, долголетие, благополучное материнство, защита от порчи и сглаза, душевное равновесие, защита от злых чар, — невозмутимо перечислил мастер. — Хотя нет, на материнство не успею в любом случае, там неделю надо, не меньше... Продолжать?

— Здоровье и долголетие было бы прекрасно, — уверенно произнес мужчина.

Я навестила уши. Вообще-то мастер Шантей перечислял разные типы артефактов, и совмещение двух свойств в одном — задача непростая. И интересная-а-а.

Сметы и каталог были окончательно забыты, я подобралась, как заметившая пичугу кошка, ожидая, что же скажет мастер.

Тот не торопился. Чуть нахмурился, что-то прикидывая в уме. Карандаш пришел в движение — скользил по бумаге, вырисовывал, зачеркивал, штриховал и, наконец, замер. Мастер задумчиво потер подбородок. Ох, как бы мне хотелось знать, что сейчас происходит в этой голове! Чисто теоретически здоровье и долголетие — типы близкие, а значит, совместить их чуть менее сложно, чем, например, то же материнство и защиту от злых чар. Но вот практически... о-о-о, я хочу на это посмотреть! Пожалуйста-пожалуйста, пусть он согласится.

Я не смогла побороть желания забраться на стул с коленками, вцепившись в спинку, и уставилась на мастера взглядом преданного щенка, мгновенно забыв все кипевшее буквально пару минут назад праведное негодование.

— Нет, — наконец выдал Макс.

Я почувствовала себя лопнувшим мыльным пузырем и огорченно надула губы. Ну-у, так нечестно! Я так хотела понаблюдать за этой работой! Ну, передумай! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

— Во-первых, чтобы успеть, придется работать сегодня полночи, потому что еще день, а лучше полтора после этого заряжать артефакт нельзя, камни должны «привыкнуть» друг к другу. Во-вторых... — взгляд его рассеянно скользнул по мастерской, остановился на мне, и мастер неожиданно запнулся.

Господин Голден вцепился в эту паузу мертвой бульдожьей хваткой.

— Я согласен на любые условия, на любую цену! Раз это в принципе возможно, то я готов абсолютно на все!

Макс почему-то продолжал неодобрительно смотреть на меня. Я торопливо села как подобает и умоляюще сложила бровки домиком. Неодобрение из взгляда примы все равно никуда не делось, он коротко, как-то даже зло выдохнул, стиснув

зубы, и отрезал скороговоркой:

— Хорошо. Но форму я выберу сам из уже имеющихся заготовок, потому что отливать индивидуальный заказ времени нет. Огранку, размер камней и их рисунок в изделии я тоже оставляю на свое усмотрение. Нинон! — Я даже вздрогнула как от неожиданно прозвучавшего в мой адрес окрика, так и от того, что окрикнули меня по имени. — Сопроводи почтенного господина к Абиес, и оформите заказ, мне некогда тут с вами ерундой страдать! Не забудь напомнить, что надбавку за срочность и ночные следует учесть в двукратном размере.

Мастер стремительно вернулся за свой рабочий стол, а я подскочила чуть ли не до потолка от радости, совершенно, правда, не понимая, на что он злится. Аби своего не упустит, и клиенту придется раскошелиться, а работать с уже имеющимися у ювелиров заготовками — куда проще, чем возиться еще и с индивидуальным эскизом... ну не мог же он так разозлиться только из-за того, что я как-то неправильно села?

— Да и еще, раз нам дополнительная работа привалила, — пробубнил мастер, не оборачиваясь, — доделывай быстрее уже все сметы и бегом к Кайстен за материалами. А когда я рассчитаю, что нужно для этого заказа, сходишь еще раз.

Я усталилась на спину мастера с немим ужасом. Два раза к Кайстен? Да что я ему сделала?!

Спина была пряма, непреклонна и ужасающемуся взгляду не вняла. Поэтому, и поднимаясь к Аби, и краем уха слушая, как они составляют контракт, и провожая господина Голдена к выходу, я мучительно размышляла, за что именно мне сейчас мстит прима-мастер.

К выводу так и не пришла.

— Как так вообще получилось, что Макс взял этот заказ? — неожиданно спросила меня Абиес, когда я занесла ей сметы после первого мучительно выматывающего похода к Кайстен. — Да я этого хлыща отвела к нашему приме только для того, чтобы он его отшил как следует, а то меня он слушать отказывался, упертый как баран. А Макс это умеет делать виртуозно.

— Не знаю, — неуверенно отозвалась я, сортируя сметы по папкам. — Он сначала и хотел отказаться. А потом передумал. Может, пожалел его? Все-таки такое событие.

— Ха, Макс? Расскажи это моей шефлере.

— Не-не! Я отказываюсь общаться с твоей шефлерой. У нее характер хуже, чем у Макса. Если ты очень настаиваешь, могу поговорить с кактусом или драценой!

Аби хихикнула и трагическим шепотом сообщила, будто нас могли подслушать:

— Он вообще жалости не знает.

Вот тут я согласно покивала.

— Ой, Аби, он там такой злой, такой злой... и самое страшное — непонятно с чего! Обычно всегда ясно, почему он бесится, если бесится. Но сейча-ас... сам же согласился!

— Терпи, подмастерье...

— Мастером станешь, — со вздохом закончила я ставшую уже привычной присказку.

— Удачи тебе сегодня ночью, Нинон. — Дриада приподняла уголки губ в улыбке. — Надеюсь, утром мы обнаружим тебя целой и невредимой, а не в виде обглоданных Максом косточек.

Мне оставалось только снова вздохнуть.

Впрочем, обиды на странное поведение мастера быстро забылись, смывшись волной энтузиазма. Во-первых, я еще никогда не видела своими глазами, как делаются спаренные артефакты, во-вторых, я увижу это в исполнении прима-мастера, в-третьих, это будет моя первая ночевка в мастерской. Даже по отдельности эти события были достойны того, чтобы отпраздновать их, хлопая в ладоши, а уж все вместе...

Проводить ночь за работой не такое уж удивительное дело для мастера-артефактора. И не только потому, что бывают срочные заказы. Есть такие артефакты, которые требуют работы при лунном свете. А есть такие, которыми можно заниматься только с заходом солнца. И такие, для создания которых высчитывается подходящий момент, а уж камни совершенно не трогают, если момент приходится на три часа ночи. А иногда просто-напросто требовалась непрерывность процесса, и пусть там за окном хоть государственный переворот совершается, а артефакт бросить нельзя.

И хоть сегодня дело было именно в сроках, что несколько умаляло важность момента, все равно мне предстояло провести целую ночь в мастерской в компании восхитительного артефакта. Ну и прилагающегося к нему прима-мастера...

В мастерской О'Туллы любой мастер, задерживающийся на работе даже на пару часов, обрекал себя на ночевку, потому что защита здания полностью соответствовала хранящимся в нем сокровищам. Солидные гномьи механические замки на дверях и тонкие ажурные, но невероятно прочные решетки на окнах подкреплялись группой сторожевых артефактов, а венцом неприступной крепости становился многоуровневый охранный периметр, который по окончании рабочего дня замыкал наш штатный маг. Поверх всего этого счастья набрасывался сигнальный контур с выведением на ближайшее отделение

стражи.

Преодолеть защиту, не поднимая паники, мог либо сам маг, либо тот, кто имел артефакт-ключ. Их было всего три. Один у Марты, которая приходила на работу первой и наводила порядок в лавке, готовила ее к приему покупателей и посетителей, — он отпирал входную дверь и торговый зал, а на общий периметр никак не воздействовал. Второй у Абиес — для общего периметра и приемной. Счастливым обладателем третьего «ключа от всех дверей» являлся сам господин О’Тулл.

Так что после замыкания периметра ни пробраться в мастерскую, ни покинуть ее было невозможно. Даже внутри ее передвигаться без риска вызвать на свою голову отряд злых от недосыпа стражников можно было лишь в ограниченном пространстве. Например, нам будет доступен лишь второй этаж без кладовой да коридор первого.

Закончив с бумагами, я поспешила вниз, чтобы не нервировать лишний раз прима-мастера своим отсутствием (или его мое присутствие сейчас нервирует?). И едва прокралась к своему рабочему месту и села, собираясь рассортировать полученные у Кайстен материалы, как передо мной плюхнулась пара книг и припечаталась сверху листом бумаги, исписанным твердым размашистым почерком.

Я изумленно вскинула глаза на возвышавшегося надо мной мужчину.

— Здесь вся необходимая для создания подобного рода артефактов информация. И список того, что для этого понадобится, — невозмутимо пояснил он. — Приступай к работе, стажер.

— Я?! — вместо удивленного вопроса вырвался какой-то мышинный писк.

— Ты же хотел узнать, как это делается. — В мою голову начало закрадываться жуткое подозрение, что двойной поход к Кайстен — это еще цветочки, а мастер продолжал как ни в чем не бывало: — Вот и узнаешь. Кстати, не забудь, что кладовая закрывается через полчаса.

После чего он спокойно подхватил свою куртку, натянул ее и направился к двери. Я вздрогнула от щелчка, с которым она закрылась. Изумленно перевела взгляд с двери на книги и список. Потом обратно.

Погодите-ка...

Он что, ушел?

Совсем-совсем ушел?!

Я пялилась на дверь еще добрую минуту, но так и не дождалась, что мастер вернется в мастерскую со словами: «Ха!

Купилась! Кто ж доверит стажеру создание подобного артефакта, да еще и на срочный заказ?»

Никто не доверит! Это сумасшествие! Нет, он же вернется?!

Так, Нинон, спокойствие, только спокойствие. Дыши ровно. Мастер, наверное, просто хочет, чтобы ты изучила материал и могла отслеживать и понимать, что именно он делает, и не задавала дурацких вопросов.

Да. Точно. А что ушел — так мало ли, какие у него дела перед ночной работой есть, в конце концов, приме перед стажером отчитываться не пристало...

Вот только руки все равно немножко тряслись, когда я взяла в них лежащий поверх пособий лист. Так, камни... в первую очередь янтарь и агат, логично. Они обладают самой мощной энергетикой в том, что касается здоровья и долголетия. Только вот друг друга совсем не любят. Наверное, именно это подразумевал мастер Шантей, говоря, что камням надо будет друг к другу привыкнуть. Но как он вообще собирался их «ужить» в одном изделии? Мелкие рубины? А рубины зачем?..

Чем дальше я вчитывалась в список, тем устойчивее становилось ощущение, что мне подсунули данные для решения задачи. Но вот беда — нужных формул я не знала.

С трудом подавив желание зарыться в учебники прямо сейчас в поисках ответов на многочисленные вопросы, я побежала со списком к Кайстен. А то, не дай боги, и впрямь закроется, и останемся мы без материалов. Вот тогда-то я буду наверняка знать, на что злится мастер Шантей!

Вернувшись от кладовщицы, я поздравила себя с маленькой победой — выгрызть у Кайстен, собирающейся домой, необходимые материалы оказалось вдвойне сложнее против обычного!

Я с головой ушла в чтение и расчеты, пытаюсь угадать задумку примы. Мной овладел азарт с легкой ноткой светлой зависти и невольного восхищения — да у него на то, чтобы решить эту задачку, минуты две ушло, если не меньше...

Слегка очнувшись я, только когда в мастерскую заглянула Дейдрэ — попрощаться и пожелать удачи. Стрелки на часах и впрямь приблизились к шести вечера — окончанию рабочего дня. Через десять минут Марта закроет лавку, а через пятнадцать замкнется периметр. Я торопливо склонилась над вычислениями — мастер наверняка придет с минуты на минуту, а у меня все еще не сходятся показатели...

Но потом поймала себя на мысли, что то и дело поглядываю на медленно движущиеся стрелки.

Еще десять минут. Пять.

Когда за две минуты до конца рабочего дня распахнулась дверь, я просияла от радости и тут же потухла: это оказался наш маг, Эйрин Матео, проверяющий, не забыл ли кто о времени, заработавшись.

— Ты сегодня в ночь? — уточнил он, видя, что я не тороплюсь собираться при его появлении.

Я только кивнула.

Еще пару раз хлопнули открывающиеся-закрывающиеся двери, и в мастерской наконец воцарилась полная тишина. Выждав еще пару минут, я окончательно забыла про расчеты. Даже подскочила и выглянула в окно, но все, что увидела там, — это удаляющуюся по улице спину Матео.

Мастер Шантей так и не появился.

У меня в голове мгновенно пронеслось целое стадо разнообразных панических мыслей от «а-а-а, он про меня забыл!» до «а-а-а! его по дороге убили, и мне теперь не только самой артефакт сдавать, но и траурный венок покупать...». Подумалось даже, что можно попытаться взломать защиту, тогда примчится стража, и я брошусь к ним со словами «у меня мастер пропал!», но развить эту мысль я не успела.

Пропажа ввалилась в мастерскую и шумно сгрузила на ближайший стол пакет, из которого торчали остроносые перья лука.

— Слава богам! — Воскликание вырвалось само собой. — А я-то уж испугалась, что вы про меня забыли!.. То есть не про меня, а про заказ! И не успеете его сделать.

Мужчина посмотрел на меня с некоторым удивлением, а затем произнес с неискоренимо снисходительными интонациями:

— Мальчик мой, к твоему сведению, до старческого склероза мне еще очень и очень далеко. А что касается заказа, то я, кажется, ясно дал понять, что делать его будешь ты. Расчеты начал? — Я только кивнула, потеряв дар речи, а мастер продолжил: — Давай накрывай на стол, есть хочу. А я пока посмотрю, что ты тут понарасчитывал...

Он прошествовал к моему столу и сел, подхватывая исчерканные листы и вчитываясь в них. Я одновременно устыдилась, что писала не очень-то аккуратно, думая, что это только для меня, ужаснулась и восхитилась — как я буду делать?! — и поспешила к пакету, от которого уже начал распространяться умопомрачительный запах жареных сосисок. Разом вспомнилось, что время и впрямь движется к ужину, и я сглотнула набежавшую слюну.

Судя по сногшибательному аромату, они как раз из той мясной лавки, что с таким энтузиазмом расхваливала Марта...

— ...Ну ты же двигалась в верном направлении, — увлеченно вещал спустя четверть часа прима-мастер, забыв как про свое раздражение, так и про ужин и даже про то, что я мальчик. — Какова вторичная функция рубинов?

— Разделительная, — отчеканила я как на уроке. — Без специальной обработки и дополнения другими камнями они могут создавать сильное излучение, направленно гасящее воздействие близлежащих камней. Это я знаю! Но во-первых, эти рубины слишком мелкие, чтобы в достаточной степени разгородить янтарь и агат, а во-вторых, при таком количестве разгородителей как можно добиться, собственно, действия артефакта, если все будет нейтрализовано?

Сосиски оказались огромными и невероятно вкусными. А в сопровождении зелени, свежего молока и хрустящего вечернего, еще теплого хлеба — просто восхитительными. Я наелась уже одной, но совесть не позволяла не доестъ сие божественное кушанье, так что вторую я мужественно ковыряла уже с меньшим интересом, зато активно обсуждая с мастером грядущее дело.

— Да, — согласился он. — Но ключевое слово — направленно. Смотри. — Артефактор подхватил два куска хлеба и установил параллельно по обе стороны от отрезанного кругляша сосиски. — Это агат, это два рубина. Что будет, если мы установим все так?

— При тех размерах, что вы дали? — Я окинула конструкцию задумчивым взглядом. — Рубины нейтрализуют воздействие агата на янтарь, прямо в артефакте они не перемешаются, но при активации поле действия камня увеличивается... И агат, и янтарь эту преграду преодолеют — и ничего хорошего не получится.

— Верно. — Макс удовлетворенно кивнул. — А так?

И он чуть наклонил хлеб, так, что теперь куски, словно крыша, нависали над «агатовой» сосиской.

Установить камни под углом? Я задумчиво сунула в рот несколько наколотых на вилку горошин. Тогда рубиновое поле будет не перегородкой, а куполом, отражающим энергию камня и концентрирующим ее так, что его воздействие будет направлено только четко вниз, не перемешиваясь с рядом стоящими камнями. По сути, получится артефакт в артефакте. И поскольку таких микроартефактов на браслете будет с десяток... боги, это же гениально просто! И просто гениально!

Мастер ухмыльнулся в ответ на мой ошарашенно-восхищенный взгляд и откинулся на спинку стула, с хрустом откусив от недавнего «рубина».

— А вы правда-правда позволите мне заняться этим заказом?

— Под моим контролем, — уточнил мастер, с сомнением

изучая остатки ужина в тарелке. — Да, правда. Но если ты не перестанешь так сиять, то передумаю. Аж глаза режет.

Я старательно и очень показательно нахмурилась. Мужчина подавился смехом.

— За работу, стажер. — Отсмеявшись, Макс поднялся из-за стола. — Ночь не бесконечная, а работы немало.

И то верно.

Формой нам служил браслет в технике скани^[3] с растительным мотивом и пока что пустующими ячейками для вставки камней. Золотистый янтарь и темно-коричневый агат с желтыми и красными переливами будут красиво чередоваться, а рубины удачно впишутся, добавив сверкания золотым узорам. Правда, с ними придется повозиться: изначально места для них в браслете не предусмотрено, нужно будет самой впалять камень в металл, да еще при этом умудриться сохранить нужный угол наклона.

В первую очередь необходимо было рассчитать этот самый угол и выстроить схему расположения силовых контуров. Это мне было не в новинку. Так что, пока я этим занималась, мастер Шантей над душой не стоял, лишь проверил по окончании и сообщил, что можно приступать к работе, и вот тут-то уже пристроился позади меня.

Руки не дрожали, хотя нервничала я изрядно. Одно дело — испортить школьные материалы, другое — те, что принадлежат мастерской и выданы для дорогостоящего заказа. А вдобавок начинать необходимо было с самого сложного и мелкого дела — закрепка этих самых рубинов.

Присутствие мастера за спиной на удивление не напрягало, даже наоборот — обнадеживало. Поди, какую-нибудь глупость совершить не даст, остановит или направит. Поэтому я только повела плечами, готовясь к долгой работе. Склонившись, заправила за ухо случайную прядку и взяла браслет в руки, пристально разглядывая его сквозь стационарную лупу. Тонким лезвием наметила запланированное расположение камней, точно надрезав золото. Взяла в руки стальной стилос — настало время работы артефактора, а не ювелира.

Способность к артефактике — одна из граней магического дара, как, например, и ведовство. Но не всякий маг может стать артефактором, как и не всякий артефактор — магом. Я не могу установить защитный периметр, как Матео, или зашептать зубную боль, как Марта, зато могу точно расплавить золото, создавая нужное углубление для камня. Знакомая, щекочущая кончики пальцев энергия бежит сквозь металлический стержень — и золото поддается, будто глина.

Вставить камень. Проверить угол наклона. Наглухо закрепить. Снова проверить. И все сначала.

Установив первые два камня, я обернулась на мастера, чтобы уточнить, все ли делаю правильно, да так и замерла, не произнеся ни слова. Выражение на лице мужчины было... сложное. Внятно охарактеризовать его почему-то не получалось. В нем перемешались созерцательная задумчивость, некая озадаченность и, кажется, что-то еще, совсем загадочное.

Но в ответ на мой вопросительный взгляд — «что-то не так?» — он едва заметно качнул головой, да еще и глаза мученически к потолку возвел, всем своим видом демонстрируя: «Боги, ну за что мне такой горе-стажер?», а потом взглядом же призвал вернуться к работе.

Я вернулась. Но теперь меня не покидало ощущение пристального рассматривания, от которого аж чесалось между лопатками. Мелькнула и пропала мысль: а разумно ли это было оставаться ночью взаперти с малознакомым мужчиной? Глупости какие, можно подумать, он женщин не видел, чтобы сейчас на меня пялиться! Работай, Нинон!

Первая же проверка убедила меня, что рубины установлены правильно и спланированный «купол» будет работать, так что дальше работа пошла уже веселее.

И в тот самый момент, когда я вставила последний камень и отклонилась, чтобы полюбоваться на собственную работу, абсолютную тишину в мастерской нарушил долетевший с первого этажа жутчайший грохот.

Хотя, наверное, жутчайшим он мне лишь показался. Я подпрыгнула на стуле, оборачиваясь. Мастер Шантей тоже рывком развернулся и уставился на дверь.

Воры? Грабители?! Мамочки, вот угораздило!

Но с первого этажа больше не долетало ни звука.

— Сиди здесь, пойду проверю, — неожиданно распорядился мастер, и я тут же подскочила.

— Я с вами!

— Это еще зачем?

— Мне страшно, — поколебавшись, призналась я.

— Одной в освещенной мастерской под защитой «стража», в эффективности которого ты убедилась на собственных кудряшках, страшно, а в темном коридоре в компании возможных грабителей — нет? — скептически уточнил он.

— Вот как раз потому, что убедилась и не хочу оставаться с ним наедине, — пробубнила в ответ я.

Мастер махнул рукой, что в равной степени могло означать как «бес с тобой», так и «сиди на месте». Я предпочла первую

трактовку и на цыпочках двинулась следом за ним.

В коридоре и впрямь было непривычно темно. И очень-очень тихо. Эта тишина теперь давила на уши, и я даже поднесла ладонь к лицу, чтобы саму себя заткнуть. Если сейчас что-нибудь снова гроыхнет, я же ка-ак завизжу!

Правда, когда гроыхнуло, вместо того чтобы завизжать, я вздрогнула и неожиданно для самой себя вцепилась в мужской локоть. Встретила изумленный взгляд оглянувшегося мастера. Осознала. Отдернула ладони и спрятала их за спину. И прошептала одними губами: «Простите».

Мастер Шантей только покачал головой и заглянул в лестничный проем, прислушиваясь.

Снизу теперь долетали странные шорохи, позвякивания и... сдавленное, порывающее ворчание. Мастер нахмурился и начал спускаться по лестнице. У подножия он замер, огляделся и озадаченно подытожил:

— М-да...

Застигнутая врасплох фиалка, шурующая среди земли и осколков собственного горшка, изумленно распахнула пасть, из которой выпал глиняный обломок, и теперь переводила взгляд с меня (вроде как своей) на Макса (вроде как чужого). После чего поджала корешки и плюхнулась на бок, прикидываясь обыкновенным цветком.

Мне захотелось вжать голову в плечи и провалиться сквозь землю. Особенно под этим вопрошающе-саркастическим взглядом.

Пришлось признаваться.

Расстаться с амулетожорливой фиалкой, покоровшей наши сердца во время нашествия джунглей, женская половина мастерской оказалась не в силах. И мы всеми правдами и неправдами убедили Абиес оставить ее нам в качестве питомца. А что? Кормить не надо, выгуливать не надо, а уж какое развлечение — скрывать ее от ничего не подозревающих мужчин! Благо фиалка оказалась на диво умна и на рожон не лезла, успешно притворяясь своим менее подвижным собратом в присутствии непосвященных. А по ночам ей, наверное, становилось скучно...

Вывод мастера после моей оправдательной речи оказался крайне неожиданным:

— Ну, хорошо хоть не шефлера! Хотя я бы выбрал кактус.

— Да, было заметно, что у вас с ним особое понимание и душевное родство, — опрометчиво поддакнула я.

Метнувшийся в мою сторону серый взгляд сделал первое предупреждение, и я, покаянно потупившись, сама принялась

собирать осколки горшка. Вновь «ожившая» фиалка, сообразившая, что все, кажется, в порядке, радостно принялась мне помогать, поднося отдаленные куски и загребая землю листьями. Мастер Шантей наверх подниматься не спешил и наблюдал за происходящим с важным видом погонщика рабов на рисовых плантациях восточных стран.

— Ну что, стажер Кудряшка, вернемся к делу? — поинтересовался он, когда я закончила.

— Мастер Шантей! — в очередной раз возмутилась я.

— Да, Кудряшка? — донеслось уже с середины лестницы.

Я отряхнула испачканные в земле руки и буркнула себе под нос едва слышно:

— Сами вы... трихоцереус.

Слухом боги мастера не обделили.

— Стажер Аттария! — Я ожидаемо втянула голову в плечи и приготовилась к очередной страшной каре в виде нуднейшего занятия. Мастер перегнулся через перила и смерил меня грозным взглядом с ног до головы. — Иди-ка ты... спать!

— Да, мас... — Я внезапно осознала услышанное и оборвалась на полуслове. — Что? Но я же еще не...

— А артефакт я сам доделаю, — мстительно закончило воплощение моего сегодняшнего ночного кошмара.

Нет, я протестую! Это слишком жестоко!

После долгих препирательств, уговоров, улещиваний и обещаний быть «самой-самой» к доводке артефакта меня все-таки допустили. Но к этому моменту нас обоих изрядно распирало от смеха, показать который, правда, мне мешала субординация, а приме — авторитет.

На следующий день

Абиес обмакнула перо в чернила, аккуратно стряхнула излишек в чернильницу и разборчивым, но угловатым почерком вывела в книге заказов «браслет оберегающ., золото + янтарь/рубины/агаты, цена, ночная надбавка, надбавка за срочность, сумма». В графе «итога» получалось нечто астрономическое.

О'Тулл, заглянув через плечо своей незаменимой помощнице, присвистнул.

— Кто взял? — деловито уточнил рачительный хозяин.

— Шантей. — Дриада вписала фамилии мастера и подмастерья.

— Так у него же и без того работы воз, маленькая тележка и еще лукошко с горкой!

Госпожа Пинацэ окинула строку придирчивым взглядом,

ничего предосудительного не нашла.

— Знаю. И Макс знает. А вот Нинон не знала! — торжествующе возвестила она, заложила лист промокашкой и закрыла книгу.

Глава 4

Уборка как возмездие, или О древнейших способах обучения плаванию

— Да будет ли хоть когда-нибудь порядок и спокойствие в этом заведении?! Кто погрыз стул?!

Гневный вопль господина О’Тулла сотряс мастерскую, прошивая этажи.

— Он так спрашивает, будто думает, это мог сделать кто-то из нас, — проворчала Абиес, а я как-то машинально прикрыла спиной переставленную в лавку, чтобы была под присмотром, фиалку в новом разноцветном горшке.

— Все четыре ножки! Это была работа лучшего лидийского краснодеревщика!

Голос гремел все ближе, а на лестнице слышались громкие шаги. Лепрекон ворвался в лавку и обвел нас пылающим взглядом. Стоит признать, несмотря на карликовый рост, выглядел он сейчас внушительно и весьма устрашающе.

— Кто я вас спрашиваю?!

Господина О’Тулла отчасти можно было понять. И злился он сейчас скорее всего совсем не из-за стула. Ну... не только из-за стула! За последние несколько дней на хозяина мастерской свалилось столько неожиданно неприятных событий, что мы старались с пониманием относиться к его внезапным вспышкам раздражения. Особенно если в какой-то степени были в них виноваты...

Марта попыталась убедить «высокое начальство», что стул такой еще со времени похищения документов. Боллиндерри, не первый день знающий свой коллектив, становился тем подозрительнее, чем убедительнее вещала Марта. Но в итоге махнул на нас рукой и шумно утопал обратно на третий этаж, бормоча себе под нос страшные лепреконские проклятия.

Мы с фиалкой облегченно выдохнули.

— Что сегодня? — спросила я у Абиес. — Помимо стула?

— Письмо из Гильдии с суммой сбора на украшение ратуши к приезду короля. — Дриада скупым жестом поправила стопку бумаг, за которыми спустилась к Марте. — Он сначала схватился за сердце, потом за голову. Да даже я слегка удивилась. Такое ощущение, что они там ратушу драгоценными камнями украшать собрались.

— С артефакторов станется, — ухмыльнулась ведьмочка.

Короля с приближенными ждали не раньше зимы, но суматоха в городе уже царилла нешуточная. Обновлялись фасады, выкладывались новые мостовые, трех русалок из фонтана на Старой площади забрали на реставрацию. В ходе ее одной случайно повредили хвост и теперь думают, не заменить ли их всем троим на новые и сверкающие.

С мастерской требовались то налоги, то сборы, то срочные государственные заказы на охранные амулеты, суммы и размеры которых менялись день ото дня. А ко всему этому нас еще и чуть не ограбили.

Воры попытались проникнуть в мастерскую, причем успешно преодолели некоторые защитные слои и даже пробрались на первый этаж, но потом зацепили сигнальное заклинание, и примчавшаяся стража их спугнула. Больше всего меня испугало, что случилось это на следующую же ночь после нашей с мастером рабочей ночевки. А что, если бы мы и впрямь вместо фиалки напоролись на грабителей?

Слава богам, потери для мастерской ограничились спиленной решеткой и улетучившимся хорошим настроением господина О'Тулла.

Впрочем, у меня оно сегодня тоже было не ахти. После той ночи мастер на день отправил меня домой отсыпаться. И отоспалась я на радостях так, что сбила себе весь режим и теперь никак не могла вернуться к прежнему ритму. А потому сидела сейчас невыспавшаяся, уставшая и злая на своем рабочем месте и, нервно грызя карандаш, изучала справочник редкоземельных минералов. Тяжелое издание в массивном переплете удобно пристроилось на ноге. Я по примеру прима-мастера поставила стул на задние ножки, но на достигнутом не остановилась, а пошла дальше, создав свою вариацию излюбленной шантеевской позы. Закинула щиколотку одной ноги на колено другой и на эту импровизированную подставку пристроила увесистый том.

Том был этого года издания, выпущен после подведения итогов по году предыдущему и, соответственно, содержал все изменения по месторождениям за истекший период. Моя задача состояла в том, чтобы пройтись по разделам с основными рабочими минералами мастерской О'Тулла, составить список, указав места добычи и сопутствующие качественно-количественные особенности, характерные для данного месторождения и собственника.

Справочник был тяжел, шрифт — мелок, объем предстоящей нудной работы — удручающ.

К этому моменту я уже привыкла, что бессмысленных

заданий мастер не дает, придирками ради демонстрации власти не увлекается, и если он велел что-либо сделать, значит, это зачем-то нужно. Без причины жизнь усложнять ни себе, ни окружающим Макс точно не любил. Но интереснее занятие от этого не становилось.

Я вздохнула и со всей ответственностью погрузилась в работу.

Так-с, полудрагоценные камни закончила, можно начинать драгоценные. Сапфиры. Сапфиры я переписывала, хихикая от воспоминаний о сапфировой эпопее. Она же — Двухкратная Сапфировая Сага о противостоянии прима-мастера Максимилиана Шантея, гения и разгильдяя, и Доблестного Стража Кладовок О'Тулла Кайстен Гворецки, злыдни и драконицы.

Я перевернула страницу в блокноте и вывела новое заглавие. Изумруды. Любимый рабочий материал отца. Папа с изумрудами обращаться умел и любил, И камни, такие хрупкие и капризные в работе, отвечали ему взаимностью. Педантично и скрупулезно перенося в разлинованный блокнот характеристики и особенности камней из приисков Валиорского месторождения, шедшего первым номером в справочнике, я улыбалась своим воспоминаниям.

Лойские прииски. Ново-Лойские. Коронные прииски на реке Игровой. Большинство названий в списке были мне знакомы, в конце концов, я не просто так семь лет в школе штаны протирала. Копи под Моллэ — там самые красивые камни, знаменитые чистотой и цветом. Их любят аристократки, а вот для нашего дела — ничего особенного.

Кармолейские шахты. Оп! А вот это новость — в тамошнем руднике изумрудная жила неожиданно вильнула и пересеклась с силовой точкой! Я вчиталась в цифры и условные обозначения. Теперь камни Кармолейского месторождения, находящегося в разработке компании «МакТревор и сыновья», вполне сопоставимы по насыщенности силой и артефактным свойствам с минералами знаменитого Валиора, которым управляет «Горнодобывающая Северо-Западная компания».

Аккуратно записала важную информацию, сделала пометку — уточнить — и продолжила. Труд оказался хоть и монотонным, но неожиданно затягивающим. Я погрузилась в него с головой...

А потому, когда меня внезапно дернули за кудряшку, традиционно выскочившую из пучка, я от неожиданности взвизгнула, да и врезала подкравшемуся справочником, как будто самостоятельно скакнувшим в руки.

И лишь потом сообразила, кому врезала! На кого я, стажер

Нинон Аттария, приличная девушка из хорошей семьи, подняла руку. Книгу... От потрясения я даже потеряла равновесие, и стул со стуком приземлился на все четыре ножки. О боги! Это же не мальчишка-однокурсник, это прима-мастер! Мой начальник! Он меня убьет... Или еще хуже — уволит!

С подступающими ужасом и паникой я посмотрела на Макса.

— Мастер Шантей, простите! Я задумалась, и оно само собой вышло, извините, пожалуйста, вам не очень больно? О боги, простите, я нечаянно! — перепуганной скороговоркой чистила я.

У него на лице было написано изумление и... веселье? Пойдите, а где же оскорбленное достоинство? Где гнев и возмущение? Где задетая гордость, в конце концов?!

И в тот миг, когда я уже поверила, что все обойдется, что моя выходка, случившаяся исключительно от неожиданности и с перепугу, обойдется без последствий, этот кошмарный человек изрек:

— Стажер Аттария! Вы наказаны!

Что-о-о?!

Не обращая внимания на мою вытянувшуюся физиономию, мастер продолжил:

— За покушение на своего непосредственного руководителя вы приговариваетесь к уборке!

Нет! Нет-нет-нет, только не это! Он сейчас заставит меня убирать, а потом сам же живьем и съест за то, что его драгоценное барахло лежит не так, как он его бросал!

И... и я же не виновата!

— Да вы же первый начали! — неожиданно для самой себя звилась я. — Вы меня опять за волосы дернули! И испугали! Я случайно отмахнулась! Потому что испугалась! И я же наказана? Это несправедливо!

Мое возмущение так и осталось без ответа — мастер, выслушавший пламенную речь с каменной физиономией, по окончании ее просто указал на приткнувшийся в углу мастерской узкий шкафчик для хозяйственных принадлежностей. Я сдулась и побрела в указанном направлении.

— Ваш фронт работ! — возвестил человек, которого я по скудоумию своему еще сегодня ценила и уважала и которым имела глупость восхищаться. — Разобрать завал на письменном столе, рассортировать все обнаруженные там бумаги, вымыть полы!

Мастер призадумался и, когда я уже почти поверила, что отделаюсь малой кровью, закончил:

— И вымойте окно! А то злые языки утверждают, что пылеотторгающие руны уже не справляются...

После чего он круто развернулся и вышел, насивистывая и аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я оглядела фронт работ. Вымыть полы — это ерунда! Полы здесь и Макс порой моет. Сама видела, как он, скинув свой роскошный пиджачок и не жалея модных туфель, орудует шваброй. С крайне деловитым выражением лица! Так с ходу и не скажешь, что представитель одной из старейших семей города. Письменный стол разобрать — уже сложнее. Обширный, заваленный... Да чем только не заваленный! Я ощутила огромное искушение спихнуть все это в огнеплюющее мусорное ведро, не разглядывая, а потом соврать, что ничего ценного на столе не было. Не без сожаления, но от этой мысли я все же отказалась — так небось Макс и сам убирать умеет! И раз до сих пор этого нехитрого действия не совершил, значит, там на самом деле имеется что-то важное... Может быть!

И вишенкой на торте моего несправедливого наказания — окно! Огромное панорамное окно, поделенное свинцовым переплетом на небольшие квадраты. Заросшее пылью так, будто его со дня установки ни разу не касалась тряпка мойщика стекол. А впрочем, возможно, и впрямь не касалась!

Я еще раз обвела взглядом место своей персональной каторги и почувствовала себя очень-очень несчастной. Такой несчастной я чувствовала себя лишь раз, когда на очередном семейном обеде мама завела речь о том, что, может, мне и не нужно ехать ни в какую школу, а выйти все же замуж и жить себе спокойно по соседству с родителями... Ну уж нет! Я вскинула голову и с прищуром посмотрела на вверенный моим заботам бардак. Не сдалась тогда — не сдамся и сейчас!

Начну, пожалуй, со стола, а окно и полы — на потом. Хотя... Раз уж я все равно сослана на эту каторгу, надо будет и паутину обмести, а то так вроде в глаза не бросается, а стоит приглядеться — и сразу видно, что у нас по всем углам это пыльное кружево развешено!

Спохватившись, мысленно одернула себя: не у «нас», а у мастера Шантея! И приступила к труду, утешая себя мыслью, что он, по слухам, облагораживает.

В первую очередь нужно было разобрать все бумаги. Каждую я бегло просматривала и сортировала: счета отправлялись в одну стопку, сметная и проектная документация — в другую, рабочая документация по изделиям вроде чертежей, эскизов и предварительных расчетов — в третью. Всевозможные разномастные обрывки, клочки и прочие сомнительные бумажки складировались в аккуратную кучку. Не хватало еще, чтобы прима-мастер, недосчитавшись каких-нибудь гениальных

расчетов, приковал меня чугунными цепями к сим галерам! Или в жабу превратил. А что? С него станется — сам-то он в змею регулярно превращается, да такую отменную, хоть яд для нужд градской лечебницы сцеживай!

Мысленно бурча на Макса подобным образом, я бодро шевелила руками. Гора хлама на столе уже ощутимо уменьшилась, когда я вдруг зацепилась взглядом за описание артефакта определения истины.

Мужской перстень, платина 950-й пробы, гладкий ободок, ширина, диаметр, вес... Одиночный восьмикаратный сапфир цвета индиго, клиньевая огранка «овал». Так. Что-то мне в этом описании чудится до боли знакомое! Я призадумалась, припоминая первую беседу с Кайстен. Поворошила бумаги. На столе их осталось не так чтоб много, и ничего, способного прояснить ситуацию, не было. Я временно отложила свою находку. Сперва закончу с уборкой стола!

Стол, освобожденный от нагромождения разнородного хлама, оказался ничего — темное дерево, хорошая полировка, мягкая игра солнечных бликов на гладкой поверхности... Вот за ним я и устроилась, достав с одной из полок открытого стеллажа у противоположной стены толстый канцелярский сшив с каллиграфической надписью «Заказы» на обложке. Содержался он, слава богам, более-менее в порядке, и теперь я методично перелистывала бумаги в поисках нужного изделия.

Не то, не то, не то... Ага, вот! Найденное мной описание артефакта совпало с эскизом из папки, и я вчиталась в техническое задание. Ну, так и есть! В листе заказа фигурирует темно-синий сапфир шести карат веса, а на вшитом тут же эскизе — уже восьми! Собственно, так я и предполагала — вместо того чтобы уменьшать размер камня с риском его повредить, Макс просто изменил проект. Пересчитал напряженность полей, перераспределил вектора — и вуаля! Нет, все-таки он гений. Как элегантно проделано...

Я с интересом вчиталась в схему — удивительно изящное решение! Мне до такого еще расти и расти...

«Вот именно поэтому он отдает указания, а ты их выполняешь, Нинон!» — подсказал мне внутренний голос.

Ничего-ничего, будет и на моей улице праздник! Когда-нибудь у меня тоже появятся имя, статус и репутация, а зеленые подмастерья будут завистливо вздыхать, разглядывая мои работы!

Конечно, на цену артефакта замена камня должна была повлиять ощутимо, но, раз от заказчика претензий не поступило, значит, вопрос улажен. Да и на мощности и характеристиках такая рокировка отразилась исключительно благотворно!

Полистав документы дальше, ничего важного больше не нашла, и уныло осмотрела результаты собственных изысканий. Мне было кристально ясно, что только что я легко и непринужденно сама себе добавила работы. Ибо бросить все как есть мне совесть не позволит, а Макс заниматься подобной ерундой уж точно не будет — зачем? Он и так все прекрасно помнит, так для чего же устраивать бессмысленную возню. Вложив найденный лист в папку вместо закладки, я отправилась на третий этаж, в святая святых Абиес Пинацэ.

Мне предстояло поднять официальную документацию на этот заказ, официально же подтвердить изменение в проекте и списать-таки злосчастные два карата сапфира цвета индиго огранки «овал», уже второй год икающиеся всей артефактной мастерской Боллиндерри О'Тулла.

Все оказалось совсем не так страшно, как я себе навоображала. Аби вникла в ситуацию с полуслова и, не спрашивая, зачем мне это надо (за что ей отдельная благодарность), развила бурную деятельность. В двадцать минут отыскала необходимые бумаги, составила акт списания неучтенных остатков в двух экземплярах и даже великодушно сказала, что может сама заверить их у Кайстен. Я от щедрого предложения отказалась, а вместо этого прибегла к подлому приему: к Кладовому Дракону отправилась, предварительно завернув в «Горшочек» и вооружившись тамошним шоколадом навынос.

Это сработало: Кайстен ворчала и ругалась себе под нос на безответственную молодежь, никогда ничего не делающую своевременно, и на бестолковых подмастерьев, из-за которых у серьезных людей по два года несуществующие остатки на учете болтаются, но акты все же подписала. Поблагодарив от души добрую женщину, я, прыгая через две ступени, умчалась на третий этаж — подписать документы у Аби, а также сообщить ей, что в кутерьме с сапфировыми остатками, числящимися за Максом, виновата «безответственная молодежь», то есть она да я!

Чувствовала я себя при этом древним героем, повергающим во прах чудищ и несущим в мир свет и добро.

Вспомнив, что нести свет в мир мне в ближайшее время предстоит в самом прямом смысле слова — окно и паутина в мастерской прима-мастера все еще ждали моего внимания, — я на волне воодушевления ссыпалась по лестнице вниз на первый этаж и заглянула в общую мастерскую:

— Мастер МакКиннон, а у вас, случайно, фартука нет?

Ответом мне был заинтересованный взгляд старшины:

— Хм... Разве что кузнечный!

— А давайте! — развеселилась я.

Фартук, нацепленный из чистого озорства, был мне велик. Жесткая кожа, предназначенная защищать ноги и грудь мастера от горячей окалины и иных мелких, но неприятных случайностей, вместо того чтобы прикрывать меня спереди, просто сошлась сзади на талии. Да и то не туго, потому что завязки закончились. Теперь у меня имелась стоящая колом юбка с провокационным разрезом на самом интересном месте (хоть и надетая поверх штанов).

Расшалившиеся мастера уже по собственной инициативе выдали мне грубые защитные перчатки-краги (годные лишь для того, чтобы засунуть их за пояс — демонстрации ради, ну и чтобы меньше фартук болтался), а еще, уже серьезно — косынку из мягонькой кожи, расписанную защитными рунами. Такими косынками гномьи женщины-кузнецы защищают волосы — от жара горна, от случайных искр, да мало ли от какой еще беды. В работе чего только не бывает, а коса для гномы — это больше, чем прическа!

Выглядела я, правда, во всем этом великолепии... Вот вы когда-нибудь видели воробья в доспехах?..

Впрочем, мне мой вид крайне нравился! Мастерам, кстати, тоже. Они единодушно постановили, что я очень суровый подмастерье, а также чрезвычайно воинственный воробей. С тем я и убежала от них к подвигам и паутине.

Мурлыча развеселую пиратскую песенку, я мыла окно в мастерской Макса Шантея. Паутина к этому моменту бесславно пала под моим натиском, не выдержав атаки шваброй с намотанной на нее более-менее чистой ветошью, и теперь я натирала мягкой тряпочкой стекла в переплете широкой рамы. Злые языки были правы — отторгающие руны и впрямь уже не справлялись с наросшей пылью, и ее пришлось сперва смывать, регулярно выполаскивая тряпицу в ведерке с чистой водой, и лишь потом вытирать насухо, полируя гладкую поверхность до зеркального блеска.

Работы оставалось еще примерно половина недополированного окна, когда снизу, прошивая межэтажные перекрытия, донесся хорошо знакомый (и в данный момент глубоко нелюбимый) голос:

— Стажер Аттария!

Я прыгнула с любезно одолженной доброй Мартой стремянки, выскочила из мастерской в коридор и, добежав до лестницы, отозвалась:

— Да, мастер Шантей?

Ух ты! А если стоять вот так, наверху лестницы, когда мастер

— у ее подножия, можно повоображать себя прекрасной богиней, к которой вызывает жалкий смертный человечешка...

Человечешка смерил меня взглядом снизу вверх и выдал:

— Прекрасно выглядите, стажер Аттария!

Я поправила жесткий, не обмятый еще кожаный фартук, весь в мокрых разводах, и с достоинством отозвалась:

— Я знаю!

Он усмехнулся уголками губ и скомандовал:

— У тебя десять минут. Приведи себя в порядок — мы едем принимать камни у поставщика.

Я уложились в пять — жутко переживая, что не успею, мастер уедет и придется, вместо того чтобы наблюдать за приемкой драгоценных камней, дальше намывать остохорошевшие стекла. Но, если честно, я готова была собственноручно перемыть все до единого окна в этом здании — лишь бы только один разочек, хоть издалека посмотреть, как будут отбирать камни для изготовления артефактов специалисты одной из лучших мастерских в стране.

Главное — не проболтаться об этом Макс, а то ведь и правда заставит мыть...

Когда я выскочила на улицу, на ходу натягивая курточку, мастер и Эйрин Матео уже ждали в легкой закрытой карете. Я опустилась на сиденье, хлопнула, закрываясь, дверца, и экипаж тронулся с места, а мне на колени шлепнулась толстая папка в солидной кожаной обложке:

— Изучай, пока едем. Пригодится!

Я пролистала страницы — стандартный договор на поставку драгоценных камней, в данном случае изумрудов, добывающей компанией. Ничего особенного. Я протянула папку прима-мастеру. Он рассмеялся и покачал головой, отводя мою руку:

— Я сказал «изучи», а не «ознакомься»! Тебе, милый мой мальчик, в соответствии с этим документом еще камни предстоит принимать!

— Мне? — О боги, неужели этот полупридушенный писк мой? — Но почему мне? Я не справлюсь, я не смогу!

— Тебе! — снисходительно поглядывая на меня сверху вниз, отозвался Макс. — И чтобы я больше этих паникерских «не смогу — не справлюсь» не слышал. Ты специалист или погулять вышла? — безо всякой усмешки закончил мастер. Голос его звучал совершенно серьезно. Настолько, что он даже ненадолго перестал валять дурака и величать меня в мужском роде. — Так что читай, нам ехать почти час — как раз успеешь.

Я сглотнула и, задавив легкий мандраж, снова открыла договор. Так, что тут у нас? Контора «Курт и Курт», официальный представитель «Горнодобывающей Северо-Западной компании» в

Лидии, далее именуемая «Поставщик», обязуется поставить Артефактной мастерской О'Тулла, далее именуемой «Заказчик», партию изумрудов.

Размеры партии — 100 карат (+/- 0,5 карата).

Характеристики камней — «см. Прил. 1».

Сумма контракта — ну, с таким количеством нолей цифры как деньги уже не воспринимались и никакого душевного трепета не вызывали. Просто становилось ясно, почему мы едем не наемным извозчиком, а в принадлежащей мастерской защищенной карете и в сопровождении мага.

Сроки поставки — до тридцатого сентября текущего года. Я припомнила сегодняшнее число — ну, тут все благополучно, до окончания сроков еще больше недели.

Бегло просмотрела права и ответственность сторон, предусмотренные неустойки и возможные форсмажорные обстоятельства и перешла к самому важному на данный момент — к тому самому Прил. 1.

Приложение представляло собой таблицу, содержащую качественные и количественные характеристики камней, которые мастерская О'Тулла готова была приобрести с предельно допустимыми отклонениями. Учтено и тщательно расписано было все: размер, цвет, допустимые дефекты и включения, ряд иных характеристик.

Таблица была разбита на три части, по размерам требуемых мастерской изумрудов, и для разных размеров требования существенно различались. Вот то, что предстоит проверить наиболее тщательно.

— В каком порядке будет проходить приемка? — деловито уточнила я у мастера, подняв голову от контракта.

Он одобрительно улыбнулся:

— Первым работает Эйрин. Проверит по своей части сначала все три партии массово, потом по несколько камней из каждой размерной группы наугад. В присутствии мага поставщика, естественно. После — твоя работа.

И замолчал. Кажется, облегчать задачу и разжевывать обязанности мне никто не собирался. Нет, я-то представляю, что и как следует делать, но... Как мастер может быть в этом уверен? Откуда ему знать, что я справлюсь?

Я мысленно покачала головой, вслух же только уточнила:

— Инструменты?

Макс стукнул носком ботинка по ящику под сиденьем мага, и я понятливо кивнула. Эйрин, до того дремавший, откинув голову на подголовник, на стук приоткрыл глаза и вернулся к прерванному занятию. Для мужчин это была рутина, ничем не

примечательное действо, выполнявшееся ими уже десятки и десятки раз. Для меня же — событие и самая первая проверка боем.

Я опять углубилась в таблицу. В принципе в школе нас учили таким вещам, да и дома я пару раз присутствовала, когда папа приобретал камни для работы, но масштабы! И одно дело — наблюдать за чужой работой, совсем другое — в первый раз делать это самому. Утихшее волнение снова подняло голову, и я постаралась успокоиться. Нервозность мне уж точно не поможет!

За моей работой также будет наблюдать специалист поставщика. В отличие от магов мы проверяем каждый камень. Все спорные моменты будут решаться с учетом заключения обоих мастеров. Но поскольку я представитель заказчика, в случае возникновения разногласий я вправе настоять, чтобы сомнительный камень был исключен из сделки. Предстоит проверить по предварительным подсчетам от сорока до пятидесяти камней. Да, сегодня будет очень долгий день...

Карета остановилась, и Матео вышел первым. Огляделся и галантно подал мне руку. Следом Макс передал ему увесистый саквояжик, вынутый из того самого ящика, и вышел сам. Так мы и двинулись — первым маг, за ним я, и замыкающим — примастер. Вошли в здание, миновали два поста охраны — на дверях и в холле. Охранники, между прочим, маги! Да, «Курт и Курт» к вопросу безопасности подошли основательно. Впрочем, неудивительно — гномы же.

Мы поднялись на второй этаж, прошли до солидных дверей из мореного дуба, даже на вид надежных и тяжелых. Здесь дежурила еще пара охранников, быстро и профессионально проверившая посетителей и пропустившая наконец нас внутрь.

Помещение средних размеров, без окон. Но света очень много — освещение, максимально приближенное к естественному. Диван вдоль стены, где вольготно расположились двое гномов и человек-маг. Кофейный столик возле них. И просторный белый стол, доминирующий над всем остальным в комнате. На нем уже лежали сиротливыми горками три кучки камней. Три ярких, насыщенных изумрудных пятна на белой полировке. А сбоку расположился со своими инструментами мастер-ювелир, которому предстоит сегодня наблюдать за моей работой. У меня снова затряслись поджилки.

При нашем появлении хозяева встали. Приветствия-рукопожатия. «Не желаете ли кофе?» — «Да, спасибо». Гостеприимный хозяин отдал соответствующее распоряжение секретарю в переговорной.

— Что ж, начнем, пожалуй.

И Эйрин Матео начал.

Поправил манжеты рубашки, привычным упражнением размял пальцы. И все — подготовка завершена, маг погрузился в работу. Сосредоточенное внимание. Уверенные, отточенные движения профессионала. Каждый пасс — завершённый, лаконичный, безупречный. Нет, я знала, конечно, что Матео должен быть хорош, других у О’Тулла не держат, но не понимала насколько. На проверку каждой размерной группы ушло до пяти минут. Еще по две-три — на проверку случайным образом выбранных изумрудов, по три камня на каждую группу. Итого работа мага заняла чуть более получаса. Но сомневаться в качестве ее выполнения не приходилось. У меня пересохло во рту, и сердце колотилось в желудке. И в ушах почему-то.

Маг закончил. Кивнул мне — порядок.

Я тоже кивнула — ясно. Подавила всплеск паники, неприятный, но ожидаемый. Протянула руку и, не глядя забрав у Макса саквояж с инструментами, сделала шаг вперед.

Саквояж на стол, открыть замки, откинуть крышку. Разложить инструменты — ювелирные очки, пинцеты, весы, фильтры... Остатки волнения и неуверенности растворялись в привычном алгоритме подготовки к работе. Я любезно улыбнулась представителям поставщика, мастеру-коллеге (папа всегда учил — будь вежлива с партнерами, Нинон) и опустила на стул, предоставленный хозяевами. Пальцем придвинула к себе первый камень из числа самых крупных. Ни трепета, ни смятения я больше не испытывала — только спокойную уверенность в своих знаниях.

Ну-с, приступим.

В первой группе, с самыми крупными камнями, было всего семь изумрудов. Все целиком и полностью соответствовали требованиям мастерской. По окончании проверки камни были упакованы в специальный конверт — толстая, шероховатая бумага, защищенная чарами, гладкий, плотный прямоугольник бирки, где указываются класс, количество и общий вес камней. Подпись двух мастеров — от Поставщика и от Заказчика. Расплавленный сургуч в тигле над маленькой спиртовкой, принесенный девушкой-секретарем. И вязкая масса, запечатавшая конверт с наложенной на клапан биркой, принимает на себя оттиск артефактного перстня одного из гномов, что присутствовали в комнате. Все, теперь вскрыть конверт, не уничтожив его содержимое, может лишь законный владелец другого перстня-ключа, парного тому, что оставил свой знак на теплой еще печати.

Отодвинув пакет на середину стола, я позволила себе

перевести дыхание, прежде чем продолжить работу. Мастер торговцев, с которым мы друг другу так и не были представлены, глядя на меня со снисходительным сочувствием, уточнил:

— Проверять будете вплотную или выборочно?

Я бросила взгляд на Макса, который удобно устроился с кофе на диване. Мой вопросительный взгляд он предпочел не заметить.

— Все. — Я ответила мастеру вежливо, но твердо, смягчив впечатление мимолетной улыбкой, и вернулась к прерванному занятию.

Работаем, Нинон!

И снова — структура, включения, форма, огранка, магическое наполнение, вес. Принято. Структура, включения, огранка... Магическое наполнение, вес.

Пакет. Бирка. Печать. Спина уже ощутимо ноет — я все же слишком напряжена и не привыкла к такой продолжительной монотонной работе без перерывов. Зато вторая размерная группа проверена, нареканий не имеется. И пусть в третьей кучке камней больше всего, но там и ошибку допустить далеко не так страшно.

Структура... Магическое наполнение... вес.

К тому моменту, как был проверен самый последний камень, к ноющей спине добавилась ломота в висках и резь в глазах — и от ювелирных очков, и от непрерывной фокусировки зрения на мелких деталях.

Упаковать, подписать, опечатать.

Всё!

Приемка окончена, остались последние формальности — и можно подписывать договор.

Я выпрямилась, чувствуя, как затекла шея. Слава всем богам, скоро мы отправимся домой! Стараясь не показывать облегчения и навалившейся усталости («Держи лицо, Нинон! Партнеры как акулы: чуют слабость с расстояния больше километра!» — ах, как ты был прав, папа!), повернулась к Максусу. Нет, к прима-мастеру Максимилиану Шантею:

— Все в порядке, нареканий по качеству нет. Можно подписывать.

— Подписывайте, — благосклонно кивнул мне в ответ мастер.

Я вежливой улыбкой прикрыла нахлынувшее возмущение: да сколько можно надо мной издеваться?! Повернулась спиной к... к мастеру! Притянула к себе оба акта приемки, наш и «Курта и Курта», начала внимательно просматривать.

В конце концов, мне это сейчас подписывать предстоит.

Особое внимание уделила спецификации, куда только по завершении приемки были вписаны окончательные цифры —

количество камней, вес в каратах. Сверила записи в акте со своими пометками — теми, что делала для себя во время экспертизы. Здесь все верно. Дальше.

Сумма договора. Что-о-о? Откуда такие цифры?!

Что-то я подобного не припомню! Открыла наш экземпляр, лежавший здесь же, на столе, и оказалось, не ошиблась: в договоре суммы указаны другие.

Спокойно, Нинон! Давай считать, что это недоразумение, которое сейчас будет исправлено!

— Господа, — вежливо развернувшись к гномам, начала я. — В акт приемки камней вкралась ошибка. Будьте любезны взглянуть.

И протянула им злосчастные бумаги, от души надеясь, что на лице у меня сейчас достаточно приличное выражение, а не усталый и озлобленный оскал...

Тот из гномов, что выглядел постарше, окинул акт равнодушным взглядом и вернул его мне:

— Нет, здесь все верно. В связи со сложной ситуацией на рынке драгоценных камней и нестабильностью обстановки в регионе мы вынуждены поднять отпускные цены на наши камни.

Ого! Сколько же нужно тренироваться, чтобы с таким уверенным лицом подобную чушь говорить?

Где нестабильная обстановка? Какая сложная ситуация? Зачем вообще подписываются договора — чтобы потом в одностороннем порядке условия менять?

— Мастерская О'Тулла очень сочувствует вашим сложностям, — с каменным лицом отозвалась я, — но цены на товар были оговорены условиями контракта.

И что мне теперь делать? Как поступить? Подписать договор — и переплатить «Курту и Курту» или не подписывать — и оставить мастерскую О'Тулл без рабочего материала?

— К нашему глубокому сожалению, «Курт и Курт», как официальный представитель «Горнодобывающей Северо-Западной компании», не может позволить себе отпуск камней по старым ценам. — Младший говорил с такой скорбной миной, что хотелось просто вмазать по ней ювелирными весами. Так хоть повод скорбеть достойный будет!

— Это просто-напросто убыточно, — добавил старший из мужчин, глядя на меня с изрядным чувством превосходства.

Что же делать? Если я приму условия, О'Тулл потеряет кругленькую сумму. Если не приму... Мастерская не сможет выполнить обязательства по заказам — и все равно понесет убытки! Камни Валиора уникальны по магическим свойствам.

Нет, есть, конечно, еще то, новое, месторождение из

справочника, но с ним же еще ничего не понятно, что там и как...

— Так что либо подписывайте бумаги на новых условиях, либо... Увы, мы больше ничем не можем вам помочь! — Старший гном даже не пытался сделать вид, что ему неловко. Мол, ничего личного, дело есть дело.

Да какого демона они себе позволяют?!

— Ну что ж, как вам будет угодно, господа! — Стоило признать, я несколько вспыхнула, но сколько можно? — В таком случае позволю себе напомнить, что в договоре прописаны не только цены на товар, но и ответственность сторон за нарушения условий.

Лица гномов даже не дрогнули. Вот ведь, а! Ну, каковы мерзавцы?!

Я принялась собирать свои инструменты и укладывать их в саквояж, каждый возвращая в предназначенное ему гнездо.

— Полагаю, в дальнейшем общение с нашей мастерской будет вестись через господина О'Тулла. Также считаю необходимым уведомить, что мы будем настаивать не только на уплате неустойки, но и на покрытии убытков, причиненных нашей мастерской срывом поставки. — Я захлопнула саквояж, щелкнули, запираясь, замки. Собралась рывком снять его со стола и не успела. Макс, неизвестно когда оказавшийся рядом, перехватил, поднял тяжелый кофр как невесомую пушинку. Кивнул на прощание партнерам и, вежливо пропустив меня вперед, развернулся к выходу.

— Всего вам наилучшего, господа! — Я нечеловеческим усилием воли заставила себя выговорить эту любезную фразу ровно. И то — лишь потому, что мне по статусу не положено еще гонор показывать. Матео, как и мастер Шантей, ограничился кивком.

До кареты я дошла на негнущихся ногах.

Когда мы покинули здание, рабочий день уже подходил к концу. При нашем появлении кучер, дремавший на козлах, встрепенулся и подобрал поводья. Эйрин, как и утром, шедший первым, одним пассаом проверил нашу карету на невмешательство и, этим ограничившись, заскочил внутрь.

И верно, ценного груза при нас нет, так зачем вхолостую расходовать силы?

Макс передал магу саквояж, дождался, пока тот устроит инструменты в ящике под сиденьем и усядется сам, и подал мне руку, предлагая помощь. Отказываться я не стала. После всех сегодняшних событий на меня навалились слабость и апатия, и было бы весьма некстати, если бы я растянулась на тротуаре прямо на виду у всего представительства «Горнодобывающей

Северо-Западной компании»!

Устало опустившись на сиденье, я краем сознания отметила, что Макс расположился рядом, и карета тут же тронулась без дополнительных распоряжений. Я откинулась на спинку, обтянутую бархатом. Кажется, все кости из моего тела куда-то вдруг подевались...

Макс развернулся назад, порывлся за спинкой сиденья, и я с удивлением почувствовала, что мне в руку ткнулось холодное стекло, покрытое влажными капельками! Вода? О боги, вода!

Я прижала к губам горлышко, с жадностью глотая и чувствуя, как восхитительно прохладная влага прокатывается по пересохшему горлу, стекает в пищевод, растворяется во мне и возвращает бедной, замученной стажерке Нинон Аттарии некоторое подобие разума.

Я даже облизнулась — никогда в жизни не пила более вкусной воды!

Макс, все это время смотревший на меня одобрительно-сочувственно, улыбнулся:

— Ты молодец, Нинон!

Правда? То есть правда-правда, я не ошиблась?

— Да, — ответил на мои мысли Макс. — Ты все сделала правильно.

Прима-мастер своего подмастерья похвалами не баловал. Не придирался, если видел неточности, замечания делал очень корректно, постепенно доверял все более сложные работы. А вот вслух не хвалил. И потому слышать эти незатейливые слова было странно приятно. Страшно приятно!

Не утерпев, я спросила:

— А что было бы, если бы я все-таки приняла их условия?

Макс Шантей негромко рассмеялся:

— Тебе — ничего.

И, вдоволь налюбовавшись растерянным выражением на моем лице, пояснил:

— Нинон, ты даже не мой подмастерье, ты стажер. Ты не несешь никакой ответственности перед мастерской просто потому, что ты даже не ее работник.

То есть... Подождите. А если бы я наворотила неизвестно чего? Я ошарашенно смотрела на Макса. Кто бы за это отвечал?

Глаза прима-мастера Максимилиана Шантея смеялись.

— Эту сделку проводил я. И ответственность за нее тоже несу я. Ты даже право подписи получила только потому, что я тебе его делегировал в присутствии свидетелей. И если бы в заключенной тобой сделке были выявлены огрехи, спрашивал бы за них О'Тулл только с меня: на каком основании я вообще позволил студентке

выполнять обязанности ведущего мастера? Максимум, что грозило бы тебе, — двадцатиминутный ор в кабинете лепрекона. — Макс ласково мне усмехнулся. — Да и то больше в педагогических целях!

Я молчала и смотрела на мастера. Нет, в общем и целом можно понять, что именно он делает — он дает мне попробовать вкус ответственности. Учит стажера плавать самым древним в мире способом — спихнув в воду с обрыва. Я это ясно видела с самого начала. А вот чего не видела, так это того, что любая моя сегодняшняя ошибка была бы его ошибкой.

— И что было бы, подпиши я тот контракт? — Я старательно не поднимала на него глаза.

— Скорее всего Горшечник содрал бы с меня разницу в суммах и на этом счел инцидент исчерпанным. Ах да, тебе бы пришлось постоять перед ним навытяжку и выслушать о себе, об уровне своего развития и образования много нового и интересного. А потом Аби отловила бы тебя где-нибудь и один на один утешила, успокоила и объяснила, что право на подобные решения имеет только О’Тулл.

Я изучала бутылку, хоть и точно знала, что воды в ней не осталось. Эйрин Матео тихонько хмыкнул и, достав из-за спинки своего сиденья еще одну, такую же, отдал мне. Ой... Кажется, мне только что пожертвовали свою воду...

— А вы не хотите? — благовоспитанно уточнила я.

Маг чуть пожал плечами в ответ:

— А я все равно сейчас выйду возле ближайшего кафе и нормально поем. Раз уж в магическом сопровождении необходимости нет...

Мы как раз проезжали по одной из оживленных центральных улиц. Маг, отодвинув шторку, выглянул в окошко, покрутил головой. Увиденное его вполне устроило, поэтому он кулаком от души постучал в переднюю стенку кареты, и снаружи донесся голос кучера:

— Чего-то изволите, господа хорошие?

— Останови поблизости у любой приличной ресторации! — заорал в ответ маг.

Экипаж почти сразу вильнул к обочине, останавливаясь. Эйрин выскочил на улицу, коротко попрощавшись с Максом и со мной, а мы продолжили разговор.

Лично меня интересовал самый насущный на данный момент вопрос:

— И что теперь будет делать мастерская?

Мастер чуть пожал плечами:

— Понятия не имею. Вполне вероятно, что мы все же купим у

«Курта» эту партию. Но торговаться с ними будет уже О'Тулл.

Понятно, что О'Тулл... И я бы на это посмотрела! Торги между гномом и лепреконом! Спасайтесь кто может, прячьте хрупкие вещи — битва будет жуткой, выживет сильнейший!

— А что не так с камнями из нового месторождения? В справочнике заявлены очень достойные показатели...

Мастер посмотрел на меня с интересом.

— Подробнее, пожалуйста.

Я повозилась, удобнее устраиваясь на сиденье. Как-то разом вспомнились и «боммм-к», и сегодняшнее наказание, и общие садистские методы обучения... Я отпила водички, затягивая мстительную паузу.

— Нинон... — предупреждение в голосе прима-мастера грозило мне неприятными последствиями в самом ближайшем будущем. Я тут же решила, что хорошенького понемножку, а растягивать удовольствие с нетерпеливым мастером себе дороже, и сдалась:

— Я вам отчитаться не успела. Пока вас не было, я со справочником редкоземельных минералов работала. Тем самым! — Я позволила себе сладко улыбнуться, скосив глаза на Макса.

Дорогой начальник неприкрыто ухмылялся, откинувшись рядом со мной на сиденье. У-у-у, послали боги мастера! Он же даже не сердился и все равно наказал! Вот что за человек, а?! Ну... и ладно, зато он меня с собой к поставщикам взял, и экспертизу доверил, и переговоры тоже! А мог и в мастерской оставить... кто еще из наших студентов может таким наставником похвастаться?..

Закончив убеждать себя в своем невероятном везении, я пересказала Максу все, что успела почерпнуть из ежегодника. Он задумчиво похмыкал и распорядился:

— К О'Туллу пойдешь со мной. Сама ему о своих изысканиях и отчитаешься.

Я тоскливо вздохнула — законный отдых откладывался неизвестно на сколько, — но послушно кивнула. В конце концов, это в моих же интересах показать руководству, что я тут вообще-то не мебель, я тут пользу приношу! Из таких мелочей и складывается репутация.

Вот только... Это никак не отменяет того факта, что я просто нечеловечески устала!

— Ну что ж, зато теперь становится понятно, что за муха укусила «Курта и Курта». Если у конкурентов появились камни такого же качества, есть немалая вероятность, что «Северо-Западная компания» затянет пояс и сократит свои расходы. А

значит, расторгнет договоренности с некоторыми из представителей. Вот «Курт и Курт» и спешат собрать как можно больше сливок с этой крынки... — Он невесело сощурился. — А ведь могло и получиться. О'Тулл вполне мог бы, поторговавшись некоторое время, принять их условия. Чистая удача, что ты именно сегодня занялась переписью поставщиков, а не парой дней позже. Для нас, разумеется. А для гномов — наоборот.

Он улыбнулся мне — тепло, ласково, ободряюще:

— Ты действительно молодец, Нинон. Из тебя выйдет отличный специалист!

Я улыбнулась в ответ — все же, как бы я ни вымоталась сегодня, а не ответить, когда на тебя проливается столько поддержки, невозможно. Кажется, прима-мастер Максимилиан Шантей тоже изрядно понервничал! Но тут уж ничего не поделаешь, наставником быть — это не только за кудряшки безнаказанно бомкать...

Что-то меня в философствования понесло! А ведь день еще не закончился.

Двумя часами позже, после краткого отчета у лепрекона на третьем этаже и обильного ужина в «Чудесном горшочке», я ехала домой вместе с прима-мастером на извозчике. Узнав, что я собираюсь идти в одиночестве и пешком сквозь опускающиеся на город сумерки, Макс изящно и очень ехидно прошелся по моему здравому смыслу, потом пообещал оторвать мне уши — «исключительно ради того, чтобы встряхнуть из этой головы всякие глупости». Поймал пролетку, посадил в нее и, не слушая возражений в духе «не надо, я сама доберусь!», повез домой.

В «Горшочек», кстати, меня тоже Макс затащил и кормил чуть ли не силой, потому что мне волнения дня начисто отбили аппетит. Но бывалый прима заверил, что, как только напряжение меня отпустит, тело напомнит, что в последний раз я ела в обед, в перерыве между мойкой и полировкой стекол. И если я не хочу среди ночи проснуться от голода и искать, что бы мне проглотить в студенческой съемной квартире, лучше нормально поужинать, пока есть возможность.

Я ехала домой, в свою квартирку под самой черепичной крышей дома на улице Зеленчиков, в компании Максимилиана Шантея, прима-мастера и гения, вспоминала, как он кудахтал надо мной заботливой наседкой, и улыбалась. Отчаянно надеясь, что мастер не спросит, что вызвало эту улыбку.

А он и не спросил. Разморенный сытостью и усталостью долгого дня, он как-то неожиданно задремал. Я же, пользуясь случаем, тихонько пялилась на своего мастера — красивый он все-таки. И умный. И добрый. И заботливый. Повезет же какой-то

женщине! А что вредный — ну, что поделаешь, безупречных не бывает. Я тихонько вздохнула, подперев Макса Шантея плечом, чтобы не клонился в сторону, и бездумно перебирала в памяти сегодняшние события и впечатления.

Хороший был нынче день.

Тем же вечером в мастерской

Солнце давно скрылось за черепичными крышами. Все работники разбрелись по домам. Даже Абиес, всегда поддерживающая начальство в вечерних посиделках, и Эйрин Матео, замыкающий охранный периметр. А в самом верхнем окне, выходящем во внутренние дворики окрестных домов, все еще горел свет. На широком дубовом столе в кабинете О'Тулла были разложены договоры и данные по месторождению.

— ...Бросили тебя безответственные девки? Одну оставили, бедняжку? Вот я им всем! Ух, я их всех премии лишу. — Боллиндерри О'Тулл упоенно ворковал, сидя в своем высоком кресле. Фиалка, развалившаяся у него на коленях, подставляла цветки пальцам и блаженно мурлыкала.

Глава 5

Великое Противостояние, или О плюсах и минусах ночных прогулок

Каких бы трудов мне ни стоило заставить себя встать, проститься с теплым кроватным гнездом под самой крышей и вытолкнуться на промозглый утренний холод, чтобы прийти на работу пораньше, оно того стоило. Мастерская мастера Шантея мне нравилась всем — там царила какая-то удивительная атмосфера, словно даже заставляющая творить. Всем, кроме наличия в ней, собственно, мастера Шантея. Поэтому я и совершила сегодняшний подвиг в надежде, что в отсутствие артефактора смогу спокойно поразмыслить над своей работой на соискание третьей категории, не отвлекаясь ни на рутинные требования, ни на язвительные замечания.

Я уже предвкушала, как засяду, обложившись книгами и справочниками, буду задумчиво грызть карандаш, качаться на стуле, скользить взглядом по перманентно царящему в любой мастерской рабочему бардаку, натекать им на заготовки, ящики с ингредиентами. Мечтать, что однажды у меня тоже будет такой же огромный сейфовый шкаф, расписанный «защитками» и «запретками» не хуже знаменитых лидийских свистулек, а в нем...

— О! Мальчик мой, чудно, что ты пришел пораньше, — хмыкнул мастер Шантей, стоило мне шагнуть в мастерскую, стягивая шарф. — Давай ты теперь шустренько начертишь схему заготовки, которую мы вчера обсуждали, а то Дейдрэ с меня не слезет, пока ее не получит, а мне некогда. Покажешь, прежде чем отнести.

Все мечты, во имя которых я совершила утренний подвиг, не просто лопнули мыльными пузырями — еще и создалось ощущение, что среди них затесалась навозная бомбочка. Или мне примерещилось, что неимоверно любезно улыбающегося примавредителя сопровождает запах серы? Утро мгновенно перестало быть добрым, день заранее получил статус одного из самых незадавшихся в жизни, я уныло пробурчала: «Да, мастер Шантей», и нога за ногу уплелась к своему столу, на ходу избавляясь от верхней одежды.

Время на причесывание я сегодня не тратила, пытаюсь сберечь драгоценные минуты, зато теперь мстительно закрутила непослушные кудряшки в как можно более тугий пучок, чтобы уж ни одна наверняка не досталась на поругание этому тирану и

обламывателю великих мечт.

Испепелив взглядом спину мастера, склонившегося над своей работой, придумав на его голову тысячу и одну кару, я слегка успокоилась и со вздохом принялась за дело, притянув к себе бумагу и карандаши. Вообще делать чертежи мне нравилось, а если учесть, что этот — для заготовки артефакта самого прима-мастера, то можно было даже на мгновение саму себя представить примой. Вот лет через десять-пятнадцать и я смогу такой разработать! И тоже нахально вручить его подмастерью, а сама продолжить придумывать что-нибудь, вне всякого сомнения, гениальное.

Я задумчиво постучала кончиком карандаша по губам, на мгновение отрываясь от рисунка, привлекающего четкостью линий, почесала им затылок, размышляя, куда двинуться линией дальше... щелк! Я даже вздрогнула, когда стягивающая волосы заколка вдруг отскочила в сторону, рассыпав их по моим плечам непокорной волной.

Да чтоб вас всех!

Мастер заинтересованно обернулся на звук и с ядовито-предвкушающей усмешкой оглядел открывшийся ему простор для ненавистного «боммм-к». Я поджала губы, подхватила предательницу с пола и мстительно снова стянула волосы.

День не желал становиться хорошим, несмотря на все мои усилия. Не прошло и четверти часа, как заколка снова отпрыгнула с легким щелчком. И снова. И снова. Пришлось скрипя зубами осмотреть бессовестную и признать, что от постоянной нагрузки у нее ослабли крепления. Вопрос «куда деть волосы?» вставал ребром. И пусть на мою дальнейшую борьбу с заколкой и ее предательскую капитуляцию Макс внимания не обратил, расслабляться и думать, что это продлится вечно, не стоило. Я решительно достала из сумки два карандаша и скрепила пучок ими. И пусть только попробует выдернуть, сказав, что это собственность мастерской и они ему позарез нужны! Мои карандаши! Личные! Что хочу с ними, то и делаю.

Чертеж мастер одобрил, причем почему-то со страшно довольной улыбкой, будто я ему не его же проект визуализировала, а собственное изобретение вручила со словами, что именно он меня на сие вдохновил. Я отнесла бумаги Дейдрэ, воспользовалась этим, чтобы чуточку передохнуть, выпить чаю и пожаловаться на мою сегодняшнюю невезучесть. Мастер-ювелир от души посочувствовала, и в мастерскую я вернулась в приподнятом настроении.

Вообще-то дальше я по плану должна была отправиться за верстак и заняться подготовкой костяной пыли, которой

ограничивают линии пентаграмм при силовом наполнении артефактов. Но Макс отмел это занятие как несущественное и снова усадил меня за стол, торжественно вручив несколько папок и кипу разрозненных листов, оказавшихся эскизами, чертежами и техническими описаниями разнообразных артефактов. Абиес требовала немедленно, сейчас же, еще вчера, привести в порядок документацию по заказам, выполненным с начала этого года, а заниматься этим Великому прима-мастеру самому, естественно, недосуг.

— Это очень познавательное занятие. — Он ободряюще похлопал меня по плечу, едва не заставив шарахнуться, — я-то думала, к карандашам полезет.

Впрочем, как выяснилось позже, это было совершенно необязательно. Спустя несколько минут один из них от неосторожного движения головой вылез из пучка и звонко покатился по полу, а за ним тут же второй, не выдержав в одиночку непосильной ноши.

— Ты чего сегодня разбуянился? — веселился мастер Шантей. — Хватит уже вещи по мастерской раскидывать.

Я непримиримо поджала губы, скрутила новый пучок и вонзила в него карандаш, как меч в грудь заклятого врага, с твердой уверенностью, что уж теперь-то прическа просто не может развалиться. В ответ на этот мой жест артефактор только усмехнулся одним уголком рта и вернулся к прерванной работе.

Полчаса прошли в тишине, нарушаемой только шелестом переворачиваемых мной бумаг и шорохами, доносящимися от рабочего стола прима-мастера. А затем я не поверила своим ощущениям, когда почувствовала, как карандаш медленно и неотвратимо вываливается из волос, и те — в который раз! — стремительно разворачиваются, рассыпаясь по плечам подпрыгивающими кудряшками.

На этот раз Макс шанса не упустил, качнулся на стуле, поставив его на две ножки, откинулся на спинку и протянул руку, чтобы ловко подцепить кончиком пальца один из самых крупных локонов, оттянуть и... Боммм-к! Тот мгновенно вновь свернулся в тугую спиральку, несказанно развеселив мастера. Ножки стула стукнули об пол, возвращаясь в первоначальное положение, и мужчина как ни в чем не бывало вернулся к работе, оставив меня едва ли не рычать от злости и бессилия.

Проклятье! Да это просто невозможно!

Проклятье?..

Я устала на затылок артефактора со все возрастающим ощущением, что меня в какой-то момент подло надули, провели как младенца... Проклятье!

Рывком отодвинув стул, я вскочила, торопливо заглянула под стол, перерыла все ящики, сунула нос под все бумаги, в банку с карандашами, под стул, в сумку даже... ничего. Я растерянно замерла, опершись на столешницу и кусая губы. Если мои догадки верны, то он должен быть где-то здесь! На расстоянии не больше метра, полутора максимум.

— Кудряшка, позволь узнать, ты чем занимаешься?

Я перевела взгляд на мастера. Спокоен, гад! Даже не улыбается, смотрит серьезно и вдумчиво, будто на самом деле не понимает. Ни хитринки, ни смешинки в серых глазах, только искреннее любопытство. И карандаш крутится в длинных пальцах, выписывая пируэты... Да нет же! Не могла я ошибиться!

А поэтому не ответила, только зло сдула упавшую на лицо прядь и плюхнулась обратно на стул, вновь подтягивая к себе бумаги, но не различая в них ни слова. Куда... ну, куда он мог его деть?

— Мальчик мой, будь так любезен, принеси мне звездную пыль... она там. — Мастер неопределенно махнул рукой в сторону полка с ингредиентами.

Раздраженная и взвинченная, я мысленно пробубнила «вам надо — вы и несите», но метнулась к неровным рядам коробок и ящичков и зажгла над ними свет, чтобы лучше разглядеть надписи.

Вспыхнувшая над головой лампа что-то сдвинула в мозгах. Я едва не закричала «эврика!», забыв про пыль, и почти уже бросилась проверять догадку. Но опомнилась, безошибочно схватила нужную коробочку, почти бегом отнесла ее мастеру и, вернувшись к своему столу, задрала голову вверх, разглядывая висящую над ним лампу. Свет для артефактора крайне важен, поэтому лампы висят над каждым рабочим местом.

Я взгромодилась на стул и привстала на цыпочках.

Есть! Во-от он голубчик! Попался!

Нет, ну каков гад! Я-то думала, он мне «невезение» подбросил, а тут куда более изощренный вариант. Теперь даже и непонятно, злиться мне на мастера или восхищаться столь виртуозной фантазией примы. Неудивительно, что ни заколка, ни карандаши с моей шевелюрой под влиянием этого амулета не справились.

Простенький амулет на «отторжение», какие массово производились большей частью для нужд сельского хозяйства: садов, полей и огородов. Вот только вместо образца культуры, от которой должны отгоняться бабочки-гусеницы, улитки-лягушки, в скорлупку в центре был помещен на удивление знакомый закрученный спиралью волосок.

Я перевела взгляд на Макса, чувствуя, как во мне закипает здоровое бешенство. Он же смотрел на меня, стоящую на стуле, снизу вверх, светло и безмятежно, с легким недоумением: чего это стажерке приспичило по потолкам скакать.

Сразу стало ясно — не признается! И уж тем более не извинится. Сделает каменную физиономию, и хоть ты тресни — я понятия не имею, откуда этот предмет взялся в моей мастерской, что вы такое придумываете, стажер Аттария? Уж не сами ли вы его привесили, чтобы запятнать мое честное имя?

Кажется, это стало последней каплей. Здоровое бешенство начало медленно переплавляться в азарт. Ах так?! Ну, я ему покажу! Я ему такое устрою!

Стараясь скрыть торжество в глазах от осенившей меня гениальной идеи, я с самым невозмутимым видом повесила амулет обратно и спустилась, возвращаясь к работе.

Пусть пока радуется и празднует победу, потерплю. Но месть моя будет страшна!

Для свершения этой самой жуткой мести, правда, пришлось дожидаться первых чисел октября, когда в мастерской выдавали жалованье. Стажерскому заработку, конечно, не сравниться с окладами мастеров, но в отличие от остальных однокашников я получала полную ставку подмастерья. Мастер Шантей в кабинете у лепрекона пресек спор на эту тему одной фразой:

— Она девушка.

И на недоуменное «Ну и что?!» хозяина снисходительно пожал плечами:

— Ей больше нужно.

Разговор этот мне пересказала Аби, когда я уточнила, не перепутала ли она цифры местами, выдавая мне деньги по ведомости. С одной стороны, сделалось приятно, а с другой — в душе всколыхнулось некоторое злорадство — знал бы Макс, на что пойдут эти деньги... Слабо пискнувшего червячка под именем совесть я затолкала куда подальше. В конце концов, я имею полное право это сделать даже просто так! Мало ли какие у меня желания возникли. Не говоря уже о том, что покусительство мастера на мои волосы переходило всякие границы.

К знакомой мастерице, в которой была уверена как ни в ком другом, я записалась заранее, пока злость и решимость меня не покинули и я не передумала. А потому сразу после работы поспешила на улицу Фонарщиков.

Даная была моим первым клиентом. Едва-едва получив первую категорию, я наткнулась на объявление о том, что требуется артефактор для мелких работ и поддержания в рабочем

состоянии уже имеющихся амулетов. Я не поленилась сбегать, хоть это был и другой конец города, и с тех пор у меня появилась постоянная несложная подработка и скидка на услуги одной из, на мой взгляд, самых лучших мастериц города.

Хрустально звякнул колокольчик над дверью, и Даная вышла мне навстречу, вытирая руки полотенцем. Она усадила меня в удобное кожаное кресло, распустила ленту и запустила пальцы в кудри, бережно вороша их от корней по всей длине.

— Ну, что будем делать? — с улыбкой спросила мастер-парикмахер.

— Выпрямлять! — отважно заявила я. И зажмурилась.

...На следующее утро перед зеркалом я провела, как это ни парадоксально, куда больше времени, чем обычно. Сначала крутилась, пытаюсь понять, нравится мне мой новый облик или нет. А если точнее, нравится ли мне эта незнакомая девица в зеркале или нет. Та, что в отражении, казалась взрослее и строже. Такую-то уж точно никому не придет в голову дергать за кудряшки!..

«Которых нет!» — мстительно добавила я и показала отражению язык.

Потом мучительно придумывала, что бы такое соорудить на голове, чтобы перемена поэффектнее бросалась в глаза. Ничего эффектнее просто распущенных волос не придумала, а потому только расчесалась и сунула в сумку ленту, чтобы завязать их для работы уже на месте.

Распрямленные волосы оказались почти в два раза длиннее кудряшек, а еще непривычно легко заправлялись за ухо, да там и оставались, так что не приходилось повторять жест каждую минуту. Я не могла удержаться — постоянно косилась на собственное отражение в окнах, а еще начала ощущать, как где-то в глубине зарождается нарастающий мандраж. Было одновременно смертельно страшно и до безумия весело. От своей выходки я пребывала в совершеннейшем восторге, но предугадать ее последствия не могла, а неизвестность пугала.

Шаен при моем появлении проснулся и, кажется, даже приподнялся на стуле. Марта сегодня утром уехала за заказами к надомным мастерам, так что ее ошеломленное лицо мне наблюдать не пришлось, зато Юджин, на которого я наткнулась сразу за дверью, вытаращился на меня так, словно я была привидением.

А я поняла, что невольно замедлила шаг, поднимаясь по лестнице. По лицу расплывалась предвкушающая ухмылка, а коленки дрожали от затаенного ужаса. Шлейф ошеломленного молчания за моей спиной придавал, однако, небывалую

уверенность в том, что я делаю.

Даже встретившаяся мне на пути Дейдрэ не нашла слов. Гнома только округлила губы, а в глазах ее читался, кажется, ужас, когда я взялась за ручку двери мастерской. Опустила. Распахнула. И решительно шагнула внутрь, излучая радость и уверенность.

— Доброе утро, мастер Шантей!

«Чудесный горшочек» сегодня радовал нас картошкой с мясом в качестве блюда дня, погода — хмурой серостью, а вернувшаяся от мастеров Марта — очаровательной улыбкой и, как всегда, сводкой последних новостей.

— ...А еще признавайтесь, что у вас тут такого стряслось, что вся мастерская на ушах стояла?

— А это-то ты откуда знаешь? — хмыкнула Дейдрэ.

— Мне Шаен сказал. — Ведьмочка сунула нос в свою чашку, с наслаждением втянула ароматный парок.

— Как? — неподдельно удивилась я. — Вы с ним еще и разговариваете?!

Дриада сдавленно захихикала, а гнома, не скрываясь, расхохоталась, запрокинув голову и показав красивые жемчужно-белые зубы. Ведьмочка покраснела, обиженно засопела и замахнулась на меня кулачком. Я состроила самый невинный взгляд из всех, имевшихся в арсенале.

Наш штатный продавец обернулась к подруге-дриаде:

— Мы ее теряем! Общение с мастером Шантеем скверно на ней сказывается!

— Ты даже не представляешь, насколько права! — охотно поддержала тему Абиес. — Эти двое сегодня такое устроили! Нинон выпрямила волосы — так Макс закатил скандал и Эйрина чуть насмерть не запил, требуя «убрать эту гадость и вернуть все, как было»!

Дриада сделала крохотный глоток из своей чашки, поболтала остатками шоколада в ней, улыбаясь то ли шоколаду, то ли утренней истории.

— Девочки, это определенно любовь! — закатила глаза Дейдрэ. — Вы слышали, как он орал?!

Мы с Аби слышали, а вот Марта нет, и мастер-ювелир охотно пересказала специально для нее:

— Уволю! И шоколад в мастерскую приносить запрещу!

— Логика — наше главное оружие! — вдумчиво кивнула Абиес.

— А зачем ты вообще их выпрямляла? — не поняла Марта, завистливо глядя на тугие упругие спирали.

После всех издевательств последних суток они топорщились особенно воинственно и даже не позволили скрутить себя в пучок — на горе мне и на счастье прима-мастеру.

— Мне надоело, что он постоянно дергает меня за волосы! — бубукнула я в свою чашку. Шоколад отнесся к моему горю с пониманием, а вот приятельницы — без малейшего.

— Это точно любовь! — глумилась Дейдрэ.

Вот ведь! Взрослая, разумная, состоявшаяся женщина, высококвалифицированный мастер, профессионал и зрелая личность, а дразнится, как... Как Макс!

Последний от произошедших во мне перемен пришел в бешенство — и это мягко сказано. Он сначала впал в ступор, затем наорал, а потом буквально за шкуру притащил меня к Матео, чтобы маг немедленно вернул моим волосам первоначальный вид. Тот выслушал приму с еле сдерживаемой улыбкой и бросил незаметный, короткий взгляд в мою сторону — ну, что делать будем? Мне оставалось только закатыть глаза и согласно кивнуть. А то ведь этот тиран и деспот не загрызет, так запилит!

Что-то хорошее в произошедшем все-таки было. Пусть Макс отвоевал себе мои кудряшки, зато я себе — право отныне и впредь официально считаться девочкой!

— Аби, а что там с расследованием? Сдвиги какие-нибудь есть? — Я поторопилась сменить тему, пока эти дамы с буйной фантазией и длинным языком не напророчили нам с мастером Шантеем домик у моря, пятерых детей и ручного попугая.

Дриада тут же перестала улыбаться и недовольно поджала губы.

— О боги, я вообще иногда не понимаю, за что получают жалованье эти люди. Они до сих пор ничего не выяснили! Ни-че-го! Можно подумать, это бестелесный дух сначала прошелся по мастерской и взял бумаги из сейфа, а потом вломился туда ночью. Вот только чем, интересно, бестелесному духу решетки помешали?

— А что им вообще могло понадобиться? — Марта покрутила чашку в руках, разглядывая узор. — Нет, то, что в мастерской ценностей навалом, это понятно. Но раз сначала стащили бумаги, да еще и из нескольких мастерских, а потом вломились к нам — значит, наверняка искали что-то конкретное.

— Да попробуй догадайся, — вздохнула Абиес. — Как назло, месяц урожайный на дорогостоящие заказы. Что у Макса, что у мастера Вийона, за какой ни возмись, любой можно смело тащить — сложнейшие индивидуалки.

За мастера Вийона — второго ведущего мастера в

о'тулловском заведении — я отвечать не могла, но в том, что касается нашей работы, подтвердила слова дриады задумчивым кивком. Со вторым ведущим мастером я познакомилась буквально на днях. Он только что вернулся из Арданны, куда ездил почти на целый месяц для исследовательской работы в столичных библиотеках. Юджин, поздновато сообразивший, какой шанс он упустил, хотел сунуться к нему в подмастерья, да у мастера Вийона один уже имелся и никуда уходить пока что вроде бы не намеревался.

— ...И это не говоря уже о том, что хранится у Кайстен. Списки наших материалов тоже были в сейфе, — добавила дриада, со вздохом отодвигая опустевшую чашку. — Кстати, надо бы мне к ней наведаться на днях с инвентаризацией.

Мы опасливо переглянулись и это заявление комментировать никак не стали. Реакцию кладовщицы на то, что кто-то вторгнется в ее царство с крайне оскорбительным, порочащим ее честь и достоинство действием под кодовым названием «инвентаризация», было сложно даже вообразить.

Развеселая компания наша ввиду наметившегося похолодания заняла столик у большого арочного окна, из которого также была видна находящаяся через дорогу мастерская. Бросив косой взгляд в свое бледное отражение в стекле, я мысленно признала, что даже рада воссоединению со своими кудряшками. Взрослая девица в зеркале утром была, конечно, тоже ничего, но на Нинон Аттарию никак не походила...

— Ты, кстати, не думала после стажировки к нам? К тому же Макс в подмастерья официально, ему полагается. Ну, или в общую мастерскую, там тоже можно пропихнуться. — Всезнающая Абиес пристально рассматривала меня из-под ресниц, балансируя на стуле и покачивая десертной ложечкой.

— Не-а, — отозвалась я, машинально пригладив торчащие кудри при упоминании этого имени. — Не хочу. Заклучу с Горшечником индивидуальный договор и пойду в надомницы.

Не то чтобы я действительно не хотела — у О'Тулла было интересно и весело. Одна фиалка чего стоила. Но не настолько, чтобы действительно рискнуть и остаться. В конце концов, дома меня ждали родители, законное место в семейном деле и мои давно обозначенные планы. В Лидии мое будущее выглядело куда как менее определенным.

— Тоже дело, — одобрительно кивнула Дейдрэ.

— Жалко, — вздохнула Марта. — А я бы хотела, чтобы ты осталась.

— Ага, чтобы отвлекать от вас всех внимание мастера Шантея и принимать удар на себя?

— Нет, вы посмотрите, сразу видно — перед нами будущая прима! — Ведьмочка всплеснула руками. — Какая догадливость, какой острый ум!..

...До конца обеденного перерыва оставалось еще полчаса, и жизнь определенно была прекрасна.

Мастер Шантей заканчивал работу, а я уже собиралась уходить и как раз наматывала на шею свой длинный шарф, сражаясь с застревающими в нем при каждом мотке кудряшками, когда к нам заглянул мастер Дайнир из общей мастерской.

— Макс, я поужинать, а потом сразу к тебе, хорошо?

Прима-мастер согласно угукнул, не оборачиваясь, дверь закрылась, а я озадаченно замерла, не завершив последний виток. Подозрительно уставилась на русский затылок.

— Мастер Шантей, а вы скоро заканчиваете? — Поколебавшись, наводящий вопрос я все-таки задала.

— Нет, — лаконично отозвался мужчина, только усилив этой самой лаконичностью мои подозрения.

— Может быть, я могу вам помочь?

— Благодарю, твоя помощь нам не понадобится.

— Вам?.. — От такого наглого заявления рот раскрылся сам собой. — А как же я?

— А что ты? — Макс наконец сообразовал обернуться.

— Но это же моя работа — вам помогать!

Кажется, за моей спиной устроили подлый заговор! Тут, понимаете ли, выпал какой-то наверняка жутко интересный заказ, а вместо меня в ночную работу мастер Шантей берет в помощники какого-то... мастера!

— И ты с ней прекрасно справляешься, за что получаешь заслуженное освобождение от дополнительных обязанностей. — Уголки его губ тронула усмешка.

Ах так?! Это он мне что, за выпрямление все еще мстит? Да нет, это не в духе Макса — мстить дважды за одно и то же: он хоть и вредный, но справедливый.

Хорошо-о...

— Значит, я могу тогда остаться просто посмотреть? — уточнила я это с самым что ни на есть невинным видом.

— Нет. — Мастер вернулся к работе. — Поторопись лучше домой, пока не стемнело.

Погодите. Нет! Это не месть! Это он обо мне, что ли, заботится? Нет, мы так не договаривались! Признать меня девочкой — это вовсе не значит чрезмерно опекать, ущемлять мои права и... и... изменять мне с другими мастерами!

Уговаривать Макса было в принципе бесполезно. Что-то

доказывать, когда он уже уперся до такой отрезвляющей краткости, тоже. В голове начал медленно созревать план, и я решительно затянула последнюю петлю шарфа. А вот возьму и договорюсь с нашим магом, чтобы он разрешил мне остаться. И покажу, что ничего со мной плохого от одной ночи в мастерской не случится. А может, еще и удастся поучаствовать... когда защита будет поставлена, выгнать-то меня все равно не получится!

— До завтра, мастер Шантей, — благовоспитанно попрощалась я.

— До завтра. — Я уже взялась за ручку двери, как в спину мне донеслось: — Нинон, даже не думай остаться втихую. Эйрин предупрежден.

Страстное желание хлопнуть дверью подавить удалось с трудом, так что хлопок получился только самую каплю сильнее обычного. Я направилась к лестнице, на ходу раздуваясь от обиды и злости. Конечно, кто я такая, чтобы считаться с моим мнением. Не мастер, не подмастерье даже — какой-то стажер!

Очень хотелось вернуться и закатить ему сцену. Да — типичную сцену ревности, с классической женской истерикой, обвинениями в неверности, в вероломстве и швырянием в предателя и изменщика дорогостоящих инструментов.

Желание это, мне в общем-то несвойственное, было удивительно сильно. Где-то на задворках сознания шевельнулось понимание, почему именно мастер Шантей не хотел связываться с подмастерьем-девушкой...

Но это было бы и впрямь глупо. Хотя хотелось. Обидно было до слез. Но я не такая! Я буду выше этого!

Я просто докажу ему, что он неправ. Раз и навсегда. Наглядно и доходчиво!

С этой мыслью я все-таки направилась к Матео, дежурившему сейчас у дверей в ожидании, пока мастера покинут здание.

— Прости, но нет, Нинон, — улыбнулся маг сочувственно, но непреклонно. — Ты пойми, нас недавно чуть не ограбили, а вдруг воры вернуться? Так что я полностью согласен с Максом — нечего тебе тут делать ночью.

...Ладно, план «А» сорвался, переходим к плану «Б»!

Он, откровенно говоря, пахивал бунтом и тем воодушевлял меня еще больше.

Ах, значит, вы меняставляете из-за какой-то эфемерной опасности, в которую и сами-то не особенно верите? Ну и прекрасно! А я тогда просижу всю ночь под мастерской. Так будет даже нагляднее! Он увидит! Он увидит, что я провела ночь на улице, без охраны и нянек, и ничего со мной не случилось!

С этой мыслью я вместо того, чтобы свернуть на улицу Горшечников по направлению к дому, зашагала в «Чудесный горшочек». Как ни крути, я бунтую, а не голодовку объявляю, так что перед ночным бдением подкрепиться не помешает.

Я не торопилась. Медленно поглощала заказанный ужин, наблюдая, как одно за другим гаснут окна мастерской. Последними ее покинули Марта, Шаен и Абиес. Спустя минут пятнадцать показался Эйрин. Маг запер дверь лавки, сосредоточенно замкнул периметр и легко сбежал по ступенькам, направляясь в сторону Старой площади. Здание целиком погрузилось в густую темноту осенних сумерек — свет остался только в большом полукруглом окне, которое я лично намывала две недели назад.

Злость и не думала испаряться, так что в «Горшочке» я просидела до самого закрытия. На улице значительно посвежело и окончательно стемнело. Хотя на проспекте уже и зажгли фонари, он казался слегка зловещим из-за непривычно темных окон лавок и мастерских, а потому от идеи показательно усестись прямо на ступеньках мастерской я отказалась. Вместо этого устроилась напротив — на лавочке, полускрытой тенью кустов, в крохотном сквере, служившем входом во владения мастера-садовника, создающего удивительно живые скульптуры из всевозможных растений. Отсюда мастерскую целиком было не видно, но я удовлетворялась и половиной сияющего полукруглого окна, устроилась поудобнее, обхватив руками колени, и нахохлилась, сунув нос в шарф, а ладони — в рукава.

Чем бы таким заняться, чтобы не заснуть?

Хотя, если и засну, тоже не страшно. Чай, не зима, околеть не околею. В худшем случае подхвачу насморк. И пусть мастеру Шантею будет стыдно, что выгнал меня из теплой мастерской на промозглый осенний холод!

Я поерзала на скамейке, закукливаясь еще плотнее. Этот самый холод неприятно давал о себе знать. Неприятно, но не смертельно. Ясное дело, что куда лучше было бы встать да побегать, но вот только еще не хватало среди ночи бегать по проспекту и махать руками. Может быть, попозже, когда возможные запоздалые гуляки уже наверняка тоже расползутся по домам.

Я зевнула в шарф, на мгновение закрывая глаза, но тряхнула головой и снова уставилась на окно. Интересно, а они там всю ночь работать будут? Или все-таки найдут время поспать? И что они там такое делают? Нет, ну какое свинство — лишить меня возможности понаблюдать за работой! Ладно, если я помочь не могу — это еще хоть как-то понять можно (со скрипом!) — но

даже не позволить остаться просто посмотреть?

Протестую!

Как, по-вашему, я должна в таком случае учиться?!

Вспышка обиды придала бодрости лишь ненадолго. Снова стало клонить в сон и страшно захотелось домой, в кровать под самой крышей, к любимому лоскутному одеялу, присланному мамой прошлой зимой...

Балда ты, Нинон. Упертая балда! Ну вот чего ты взъелась? Что за глупое чувство собственности вдруг разыграло — мой мастер, никому не отдам! Вот и сиди теперь, мерзни и осознавай глубину своего заблуждения, потому что шататься по улицам по дороге к дому прямо сейчас, когда ночное веселье в самом разгаре, уж точно было бы огромной глупостью...

Я уже почти засыпала, притерпевшись к холоду, и сквозь прищуренные ресницы продолжала наблюдать за теплым светом из окна, как вдруг этот свет полыхнул ослепительной белой вспышкой, а по пустынной улице разлетелся глухой звук небольшого взрыва.

С меня разом слетела вся сонливость, потому что я точно знала, что именно и в каком случае могло полыхнуть и гроыхнуть в конкретно этом окне. Я подорвалась с места, едва не растянулась на мостовой, запутавшись в подоле юбки, и бросилась ко входу в мастерскую.

Та радушно встретила меня солидными гномьими замками и работающим периметром. Забыв про все на свете, я использовала все имеющиеся силенки, чтобы вломиться в защиту. Краем сознания отметила, как тренькнуло сигнальное заклинание, отправляя сообщение в ближайшее отделение стражи. В бездну стражу! Мне надо внутрь!

Когда отряд стражников прибежал, я почти «догрызла» гномий замок на дверях и стремительно просчитывала, что в моем распоряжении имеется такого, чтобы выворотить, к демонам, охранный контур, навешенный Эйрином Матео. Не понадобилось. Меня прихватили на пороге мастерской, которую я взламывала у всех на глазах, абсолютно не таясь. Я попробовала отмахнуться, но мне мигом завернули руки за спину.

— Нет, подождите! Вы все неправильно поняли! Там мастер Шантей!

— Кто такая? Что здесь происходит? — перебил мои невнятные выкрики старшина.

— Нинон Аттария, я стажер в этой мастерской, там внутри только что сработала защита на сейфе прима-мастера Шантея... видите, окно светится? Он и еще один мастер сегодня остались работать сверхурочно с ночным заказом, пожалуйста, там что-то

случилось!

Мои сбивчивые объяснения стражу не убедили, меня не выпустили, но старшина кивнул одному из своих подчиненных:

— Проверь!

Тот подошел к двери, активировал артефакт-ключ, снимающий защиту. Потянул ручку двери — и та открылась, хваленый гномий замок все же не выдержал моего напора и пал смертью храбрых.

Стражники вошли в здание. Я дернулась было за ними, но вывернутые за спину руки остановили мой порыв. Две минуты, следовавшие за этим, тянулись бесконечно...

— Дуг! Заведи-ка девчонку! — донеслось наконец со второго этажа.

— Пойдем, — меня подтолкнули в направлении лестницы.

Кто кого по ней тащил, непонятно, потому что я рвалась вперед с энтузиазмом взявшей след гончей.

Открытая дверь мастерской. Квадрат света в темном коридоре. К горлу подступил комок. Все в порядке. С ним все должно быть в порядке!

Они лежали на полу. Оба. И если смерть мастера Курта Дайнира меня не удивила — судя по белой вспышке и грохоту, он задел «Разряд», а следом за ним обязательно должна была сдетонировать «Эльфийская лоза», — то второе распростертое тело заставило мои и без того непослушные ноги отняться от ужаса.

— Мастер Шантей! — Я рванулась вперед, к лежащему на полу мужчине, и стражник, не ожидавший такой прыти, сплосховал, выпустив меня из рук.

Зато другой, тот, что первым поднялся сюда, оказался куда более бдительным. Я нелепо дернулась назад, когда меня вдруг поймали за талию, перехватывая на полпути.

— Пустите! — Попытка отбрыкнуться привела только к тому, что меня стиснули еще сильнее.

— Да угомонись же ты, — рыкнул стражник.

Но мгновением позже уговоры уже не понадобились, потому что я разглядела сначала торчащую из спины Макса массивную деревянную рукоять ножа, а потом темную лужу крови, маслянисто поблескивающую в искусственном свете лампы.

Мне как-то разом подурнело: в глазах потемнело, ноги подкосились, и я повисла на руках у стражника в полубморочном состоянии. Нет! Нет-нет-нет!

— Да жив он, — буркнул теперь не столько удерживающий, сколько поддерживающий меня мужчина. И добавил куда менее оптимистично: — Пока что.

— Что же вы?.. Вызовите... — пискнула я, не в силах отвести взгляд от распростертого на полу тела.

— Уже всех вызвали, — успокоил стражник, усаживая меня на стул.

Мастерская стремительно наполнялась людьми. Стража негромко переговаривалась, осматривала помещение, труп мастера Дайнира. Мне, кажется, задавали какие-то вопросы, я, кажется, отвечала, продолжая пялиться на торчащую из спины рукоятку и темное пятно крови. Не такое уж и большое, как мне показалось на первый взгляд. Но почему они ничего не делают? Почему не помогут?

Где-то на заднем фоне послышался донельзя возмущенный голос лепрекона. В какое-то мгновение мне даже показалось, что он мне померещился, но нет. Стража тут же потеряла ко мне интерес, отчаявшись добиться внятных ответов, и переключилась на хозяина мастерской.

Появление целителей предварялось громким топотом в коридоре и нервными окриками «дорогу!» на стоящих в дверях стражников. В мастерскую ворвался мужчина в белом халате и безошибочно подлетел к тому, кому еще нужна была его помощь.

Я механически наблюдала за его действиями, вцепившись в подол, боясь что вздохнуть, что пошевелиться. Короткое прикосновение к шее — проверка пульса. Удовлетворенный кивок. Раскрытая ладонь, от которой исходит слабое, едва заметное золотистое свечение, скользит вдоль тела, не касаясь его. Недовольное покачивание головой. Взмах руки двум санитарам с носилками.

Несмотря на всю бережность и осторожность мужчин, Макс от движения дернулся, застонал сквозь стиснутые зубы, дрогнули, чуть приоткрываясь, ресницы. А черные из-за расширившихся от боли зрачков глаза, почти бездумно мазнув по заполонившим мастерскую людям, вдруг зафиксировались на мне.

— Нинон? — Я не столько услышала, как он удивленно произнес мое имя, сколько прочитала по едва шевельнувшимся губам, и в тот же миг сковавшее меня оцепенение разлетелось на осколки. Слезы покатались по щекам одна за другой практически непрерывным потоком.

Санитары подхватили носилки, и я подорвалась вслед за ними. Я должна знать, что с ним все будет хорошо! И пусть только попробуют меня остановить! На перегородивших мне дорогу стражников я уставилась волком, но до крайних мер (интересно только, что бы я могла им сделать?) дело не дошло.

— Да отпустите вы ее, я уже все объяснил, — рявкнул взявшийся откуда-то О'Тулл, и препятствие перед моим носом

исчезло.

По знаку старшины за нами тем не менее увязались два стражника — не то охрана, не то конвой.

Макс больше не открывал глаз до самой больничной кареты, только тяжело дышал и хмурился, стиснув челюсти. Как хмурился и целитель, положивший руку мастеру на плечо. Мне ужасно хотелось, чтобы он уже сказал хоть что-нибудь, как-то утешил, обнадежил, но мужчина продолжал сосредоточенно молчать, а я не лезла с расспросами и молча глотала слезы, опасаясь, что меня могут выгнать.

Стражники вскочили на коней, Макса занесли в подогнанный к самым ступенькам широкий фургон с фосфоресцирующей в темноте лекарской эмблемой — овившейся вокруг чаши змеи. Я замялась на несколько мгновений, но один из санитаров приглашающе махнул рукой, и я юркнула внутрь, пристроившись на узкой, идущей вдоль стены лавке у самой головы мастера.

Карета дернулась, трогаясь, и Макс, не сдержавшись, зашипел. Целитель огорченно вздохнул и коснулся двумя пальцами виска примы. Не прошло и минуты, как с его лица стерлось мучительное напряжение, и мастер даже выдохнул как-то облегченно, вновь открывая глаза и упираясь в меня взглядом.

— Нинон, какого демона ты тут делаешь? — едва слышно, но вполне отчетливо проговорил вдруг он.

— Вас спасаю, — честно прорыдала в ответ я.

Мастер зажмурился и, кажется, даже обреченно качнул головой.

— И как... успехи?.. — Второй вопрос прозвучал менее внятно и произнесен был с большим трудом.

— Уже почти спасла, — отозвалась я, старательно вытирая кулачками все не желающие прекращаться слезы и шмыгая носом.

— Это хорошо. — Голос становился все тише. — А вообще я был прав. Тапочки... остались...

Макс вдруг глубоко выдохнул и обмяк, я вскинула на целителя перепуганные глаза.

— Все в порядке, это действие чар, — поторопился успокоить меня целитель и сам устало откинулся на стенку фургона.

До больницы мы домчались в рекордные сроки. Макса сразу унесли в операционную, а я осталась за глухими дверьми, покрашенными белой краской, которая уже чуть облупилась, кусать губы, впиваться ногтями в ладони и нервно мерить шагами короткий коридор. Двенадцать шагов туда. Двенадцать шагов обратно. Двенадцать шагов туда. Двена...

Дорогу мне вдруг перегородил стражник.

— Госпожа Аттария, вы должны ответить на несколько

вопросов, — это было произнесено непререкаемым тоном, от которого меня разом покинули все силы бегать туда-сюда, и я опустила на стул, молча кивнув в знак согласия.

Стражник сел рядом. Устроил на коленях твердую папку, поверх нее — пока еще чистый бланк. На соседнем стуле примостилась переносная чернильница с серым, потрепанным пером.

Имя? Адрес проживания? Что делала на ступеньках мастерской во внеурочный час? Знала ли я потерпевшего? А погибшего? Какие отношения меня с ними связывали? С какой целью ломилась в мастерскую? Откуда мне столько известно о защите сейфа мастера Шантея? Что я знаю о системе безопасности в мастерской в целом?

Я отвечала. Коротко, внятно, то и дело глубоко вдыхая, чтобы успокоиться. Нет, я не подозревала, что сегодня готовится ограбление и покушение. Да, я торчала там по собственной дурости, разобидевшись на мастера, отказавшего мне в ночной работе с ним. Нет, он отказал не потому, что считал, что я могу составлять угрозу для его жизни!!!

В ответ на мое искреннее возмущение с истеричными нотками стражник только пожал плечами — не мы такие, работа такая — и продолжил записывать.

Под конец допроса я была вымотана и эмоционально, и физически так, что самой себе казалась не живее фарфоровой куклы в витрине магазина.

«С моих слов записано верно». Дата. Подпись. Благодарим за сотрудничество. Всего наилучшего.

Стража наконец откланялась, и я осталась в коридоре совершенно одна перед закрытыми белыми дверьми.

Время тянулось бесконечно. Я понятия не имела, сколько длилась операция — несколько минут, полчаса, час, больше? Но когда наконец створки распахнулись, то выскочила навстречу целителю, как бесенок из табакерки.

— Все хорошо, — поспешно произнес мужчина, я даже рот не успела открыть. — Только чудом осталась неповрежденной печень, а из-за того, что нож остался в ране, не случилось серьезных внутренних кровотечений.

Следом вынесли Макса. Мастер выглядел неважно — с проступающей сквозь загар бледностью, заострившимися чертами лица, но зато на нем уже не читалось выражение бесконечной муки. Его понесли куда-то дальше по коридору и направо, я было дернулась следом, но потом вспомнила, где нахожусь, и все-таки уточнила:

— А можно мне?.. — с твердой уверенностью, что даже если

нельзя, я все равно что-нибудь придумаю!

Целитель устало потер переносицу.

— Вы ему, девушка, кем приходитесь?

— Я его... стажер, — пролепетала я и почему-то покраснела.

А потом покраснела еще больше от того, что почувствовала, что покраснела.

Мужчина невнятно хмыкнул и кивнул.

— Палата № 26. По коридору направо, а потом второй поворот налево. Только шли бы вы лучше домой отсыпаться. Он все равно проснется в лучшем случае часов через пять.

— Спасибо! — Окончание фразы я пропустила мимо ушей и рванула в указанном направлении.

Нужная палата обнаружилась там, где и было сказано и, что меня отдельно порадовало, прямо напротив поста сиделки. Та бдительно допросила — в который раз за ночь! — кто я такая и зачем пожаловала, и только тогда позволила зайти внутрь.

Помещение оказалось небольшим, но чистеньким. Кровать, тумбочка с лампой возле нее, два кресла в углу, а между ними — маленький круглый столик. На полу — светлые доски, чуть поскрипывающие под шагами, когда я приблизилась к кровати. Вгляделась еще раз в спящее лицо — непривычно взъерошенные волосы, лежащие на щеках густые короткие ресницы, упрямо сжатые губы. Морщинка на лбу разгладилась, боли он больше не чувствовал, просто спал...

Я зачем-то поправила одеяло, с трудом подавив неожиданно острое желание провести ладонью по изможденному лицу и присесть рядышком, вздохнула и направилась, креслу, где и устроилась, подобрав под себя ноги и пристроив голову на высокой спинке. Нет, спать я не буду, просто посижу с закрытыми глазами, пока мастер не проснется и не скажет мне лично, что все с ним в порядке...

Я чувствовала, что против воли проваливаюсь от усталости в какой-то мутный, зыбкий сон, из которого меня рывком выдернул щелчок закрывшейся двери. Я вскинулась и, часто моргая спросонья, уставилась на вновь прибывшего. Прибывшую. Седовласую женщину неопределенного возраста с королевской осанкой, тростью в руках и цепким, внимательным взглядом серых глаз, в котором сквозило беспокойство.

Безошибочно догадавшись, кто именно пожаловал, я подскочила как ужаленная.

— Доброй ночи, — церемонно кивнула мне почтенная матушка мастера Шантея, не высказывая ни толики удивления от того факта, что в палате сына обнаружилась незнакомая девица, и стремительно подошла к кровати. — Как он?

— Д-доброй. — Моя же выдержка оставляла желать лучшего. — Х-хорошо. Целитель сказал, что операция прошла успешно.

Госпожа Шантей присела на краешек кровати, положила руку на лоб сына, прикрыла глаза, словно прислушивалась, и замерла так на несколько долгих мгновений, на время которых я даже невольно затаила дыхание, заметив знакомый золотистый свет, струящийся из-под ладони. Она тоже целительница?

Наконец она облегченно выдохнула и даже чуть улыбнулась, отчетливо-материнским жестом пригладив встопорщенный ежик. После чего поднялась и подошла ко мне.

— Эдора Шантей. А вы?..

— Нинон Аттария, — поторопилась представиться я. — Стажер мастера Шантея.

— Стажер? — Госпожа Шантей изумленно вскинула тонкие брови. — Я искренне полагала, что стажер у него мальчик.

— О да, — невольно вздохнула я. — Он даже меня в этом почти убедил.

Женщина покачала головой с легкой укоризной.

— Он у меня такой шалопай.

Шалопай? Да уж! Пожалуй, это самое верное определение!

— Расскажите, что случилось. — Она опустилась в кресло, и я зеркально повторила это движение. — Меня среди ночи разбудил посыльный от бывшего коллеги, сообщивший только, что в больницу доставили моего сына с ножевым ранением.

— У мастера Шантея с мастером Дайниром был ночной заказ, они остались в мастерской, и...

Только сейчас, когда понадобилось это произнести, я вдруг осознала, что все-таки произошло. Мастер Дайнир пытался убить Макса и взломать его сейф? Наш мастер? Из нашей мастерской? Хладнокровно пырнул ножом ничего не подозревающего коллегу, а потом сам погиб, не сумев обойти все навешанные на шкаф «охранки»?

Это не укладывалось в голове. Я не очень хорошо знала Курта Дайнира, мы проработали бок о бок всего неделю, но он, да впрочем, как и все мастера О'Тулла, казался мне вполне приятным человеком, не способным даже на подлость, не то что на убийство и грабеж.

Слушая мой сбивающийся рассказ, госпожа Эдора лишь качала головой да изредка постукивала аккуратными округлыми ноготками по узорному набалдашнику трости.

— Какой кошмар, — заключила она, когда я закончила. — Я искренне надеюсь, что стража не отнесется к этому делу спустя рукава. Убеждена, с этим мастером что-то нечисто.

— Скажите. — Я бросила косой взгляд в сторону спящего Макса. — С ним ведь все будет хорошо?

— Не волнуйтесь. — Госпожа Шантей тепло улыбнулась. — Придется поваляться несколько дней в кровати — что ему, конечно же, категорически не понравится, — но только и всего. Не думаю, что стоит ждать осложнений.

Я не смогла удержать глубокий облегченный выдох, после которого разом ощутила всю накопившуюся за ночь усталость от беготни и переживаний. Уж если мать, которая за сына наверняка переживает больше всех знакомых, вместе взятых, говорит, что поводов для излишнего волнения нет, то мне и подавно стоит наконец успокоиться.

Госпожа Шантей коснулась моей руки.

— Вам и самой, Нинон, стоит уже лечь и отдохнуть. Дальше уж я сама.

По правде говоря, уходить мне не хотелось. Я бы и в кресле прекрасно подремала, но поводов для возражения особых не находилось. В конце концов, кто я такая по сравнению с ней, чтобы настаивать на своем присутствии?

— Да, вы правы, — пришлось с сожалением кивнуть. — Пойду домой...

— Домой? — громким шепотом возмутилась госпожа Эдора. — Что значит домой?! И думать не смейте! Чтобы я позволила юной девушке бродить по улицам в третьем часу ночи? Сейчас мы вас здесь устроим. Пойдемте-ка со мной.

Она стремительно поднялась и направилась к выходу. К звуку шагов добавлялся мерный негромкий стук трости. Возле поста дежурной сестры милосердия она задержалась:

— Тиа, не подскажешь, где я могу устроить на ночь эту милую девушку?

— Ваша родственница? — сочувственно спросила та.

— Нет, ученица моего сына. Очень толковая барышня, вовремя подняла тревогу, а потом не отходила от постели Макса после операции, пока я не смогла приехать и сменить ее...

Госпожа Эдора так расписывала мои сегодняшние подвиги, что я того и гляди сама поверила бы, что действовала так разумно и ответственно, как это звучало. А на самом деле я сначала просто уперлась, как глупый ослик, а после, увидев раненого Макса, перепугалась до икоты. Но вмешиваться и восстанавливать справедливость не стала. Хватит, мой лимит глупостей исчерпан до конца года.

— Ох, не тревожьтесь, целительница Эдора! Я сама все сделаю, идите к сыну и не волнуйтесь о нас — все будет замечательно.

Отзывчивая сестра тепло улыбнулась матери Макса и, встав из-за своего стола, поманила меня за собой, как оказалось, в одну из пустующих палат.

— Присаживайся. Жди меня здесь, я сейчас принесу постельное белье и одеяло. Это быстро! — ободряюще произнесла она и вышла.

Вернулась и впрямь быстро. Принесла стопку белья, тонкое шерстяное казенное одеяло со штампом-эмблемой больницы в углу. Помогла застелить постель, попутно болтая обо всем на свете — о распоясавшейся преступности, несомненном таланте целителя, оперировавшего Макса, и былых заслугах госпожи Эдоры:

— Целительница Эдора, она, знаешь, какая? Строгая — жуть! Правая рука главного целителя больницы была. При ней все целители и сестры милосердия по струнке ходили. Но больных самых сложных вытаскивала. Великий талант! — С таким непередаваемым чувством она это произнесла, что я поняла: для нее Максова мама — как для меня Макс. Сияющий идеал, к которому надо стремиться.

Я присела на застеленную постель и приготовилась дальше слушать. Тиа, видно, и самой уходить не хотелось — дежурство (слава богам!) скучное, а тут возможность поболтать и благодарный слушатель. Она встала в проеме так, чтобы видеть свой пост и ряд дверей в палаты вдоль коридора, и продолжила:

— У нас в больнице о ней легенды ходили. А потом ее муж, военный вроде бы в каких-то немалых чинах, умер. Она тогда здорово сдала — все-таки годы уже не те, и мужа, говорят, очень любила. Поседела в неполные два месяца. Практику целительскую ей пришлось оставить — проблемы с сердцем начались. Тогда и сын ее в родительский дом вернулся — матушку поддержать, так-то он давно отдельно жил. Ну, это ты, наверное, и так знаешь.

Я неопределенно уткнула, а Тиа бдительно высунулась в коридор, оглядела — нет ли нуждающихся в ее профессиональной помощи — и, не обнаружив таких, вернулась к разговору.

— Здоровье целительнице Эдоре поправили, все хорошо сейчас, только трость напоминанием осталась. Но ей даже идет — она с тростью еще величественнее. Теперь представляет Гильдию целителей в городском Совете, — закончила она с нескрываемой цеховой гордостью.

И спохватилась:

— Ох ты ж! Что ж ты молчишь — я совсем тебя заболтала! А у тебя глаза слипаются, я же вижу. Давай ложись — ночка-то

сумасшедшая выдалась!

Вот с этим я не могла не согласиться. Тиа ушла, погасив свет, а я легла и укрылась одеялом по самые уши. Думала, уснуть не сумею — ведь успела подремать в палате, и стоит мне теперь закрыть глаза, как перед ними снова встанет видение раненого Макса, но тело решило иначе. Тело вспомнило, что оно сегодня намерзлось, перенервничало, устало — и все, хватит с него. Разговор с молоденькой сестричкой милосердия замечательно успокоил растрепанные нервы и обнадежил. В сон я провалилась как в омут.

Часом позже

Ответственная девушка Тиа, совершавшая регулярный обход пациентов согласно расписанию, тихонько приоткрыла дверь в палату № 26. И так же тихонько ее закрыла.

Смотреть на то, как пожилая статная женщина, все еще красивая, да вот беда, седая больше чем наполовину, тихонько напевает колыбельную своему взрослому сыну, чудом выжившему после предательского удара в спину, пережившему операцию, да так и еще не утвердившемуся до конца на этом свете, было выше ее сил.

Женский голос тихонько выводил незамысловатый мотив, старый как мир, а пальцы бывшей целительницы лежали на бледном мужском запястье, карауля, не дрогнет ли пульс, не оборвется ли тоненькая нить, соединяющая ее ребенка с этой жизнью...

Молоденькая сестричка милосердия постаралась уйти незамеченной — вторгаться в такой момент было неловко.

Да и незачем.

Глава 6

Муки творчества, или О вреде свободного времени

— Нинон, а скажи-ка мне все же, что ты делала в мастерской? Я, кажется, вполне доходчиво тебя отослал!

Было уже довольно поздно, часов десять утра, когда я проснулась, испуганно подпрыгнула, мгновенно припомнив события прошлой ночи, и со всех ног бросилась в палату № 26. Там меня встретили сонный и осунувшийся, но вполне себе живой мастер Шантей и госпожа Эдора, радостно объявившая, что я весьма вовремя и что, пока мы завтракаем, она как раз сможет отлучиться обсудить с коллегами состояние сына. И вот теперь я сидела на краешке кровати в ногах Макса, жевала свежую булочку и отвечала на глупые вопросы.

— Вот-вот, отослали — радуйтесь теперь! Уж я бы точно в вас ножом тыкать не стала!

Прима одарил меня такой ухмылкой, что я не сдержалась и задумчиво добавила, отколупывая золотистую корочку:

— Нет, поймите правильно — злите вы меня просто демонски. Но вы же еще не научили меня всему, что умеете...

— Нинон! Имей совесть, наглая девчонка, я не могу смеяться — больно! — Мужчина и впрямь сильнее откинулся на подушку, придерживая рукой перевязку. — И вообще, если бы ты осталась в мастерской, то у стражи могло быть три трупа вместо одного!

— Все равно я вас спасла! — запротестовала я, решив, что кое-кто надумал принизить мою несомненную значимость.

— Да уж! Слава богам, что ты такая упертая!

— Упорная! — поправила я, задрав нос. — И целеустремленная!

— Слушай, а у тебя отец точно артефактор, а не торгош?

— Точно-точно! И мама, и три старших брата. И ни одного торговца в семье на протяжении восьми поколений!

— Что же так? — участливо поинтересовался Макс.

— Не приживаются. — Я развела руками.

Мастер все-таки рассмеялся, мгновенно зашипел от боли, и я немного устыдилась. Просто видеть его не при смерти было так прекрасно, что нестерпимо хотелось улыбаться и нести всякую задорную чушь. Я даже на него не очень разозлилась бы, дерни он меня за кудряшку! Хотя попробуй сейчас вычлени хоть одну. После такой-то бурной ночи даже в зеркало смотреть боязно —

что там на голове. Не говоря уже о том, чтобы за гребень взяться.

— А почему все-таки вы меня отослали? Ну, не думали же вы всерьез, что в мастерской опасно? Иначе бы и сами там не остались...

— Да не мой это был заказ, Кудряшка, — вздохнул мастер. — Курт отловил днем, сказал, что сложности, не справляется, попросил помочь. Я и согласился. Кто бы мог подумать...

Макс мрачно замолк. Потянулся за чаем. Я пристыженно потупилась.

— Все это не отменяет того, что ты меня не послушалась, — долго предаваться тяжелым думам прима-мастер не смог, и, когда вновь заговорил, в голосе слышалась отчетливая насмешка. — И будешь наказана!

— Мастер Шантей! — Я аж воздухом подавилась от возмущения.

— Там окно недополировано, и текущие рабочие материалы хорошо бы разобрать, и полки протереть, на которых они стоят, а еще, помнится, в углу стеллаж есть, в который я последнюю пару лет не заглядывал...

Нет, и это благодарность за спасение?! Я чувствовала, что буквально раздуваюсь от такой вопиющей несправедливости, как заметила, что в глазах мастера пляшут бесовские искры смеха.

— Издеваетесь, да? — Я мгновенно сдулась.

— Немножко, — согласился Макс. — Иди домой, Нинон. Хватит меня караулить. А на работу, пока я не вернусь, можешь не ходить. Все равно тебя в мою мастерскую без меня никто не пустит.

Я хотела было возразить — раз выходной, значит, могу и покараулить, мне ни капельки не сложно! Но потом заметила, что, помимо смеха, во взгляде мелькнула еще и тень усталости. Макса после сытного завтрака и разговора, отнявшего немало сил, наверняка снова начало клонить в сон, но не признаешься же в этом стажерке!

— Ладно. — Я поднялась и подхватила с его ног опустевший поднос, проигнорировав зарождающийся протест. — Но я обязательно еще приду и проверю, как вы поправляетесь!

— Звучит как угроза, — обреченно вздохнул мастер, прикрывая глаза и сползая в лежачее положение.

Я чуть помедлила в дверях, бросив на него последний взгляд — а вдруг ему что-то понадобится? Но мастер только перекатил головой по подушке и, кажется, почти мгновенно уснул.

Из больницы я пошла домой. Нестерпимо хотелось принять душ и переодеться. Раздирать колтун на голове хотелось гораздо меньше, но тут уже выбора не было. А закончив все эти

облагораживающие водно-косметические процедуры, я, поразмыслив, отправилась в мастерскую. Во-первых, надо было донести до всех, что с Максом все в порядке, во-вторых, предупредить господина О'Тулла насчет отгулов, а в-третьих, справиться о новостях.

Что произошло из ряда вон выходящее событие, было видно издалека — несмотря на разгар рабочего дня, на двери белела табличка с витиеватой надписью «Закрыто», а стоящий у порога стражник едва не выставил меня на улицу. Остановило его только вмешательство Шаена, подтвердившего, что я работник этой мастерской.

Марты за прилавком не было, наверное, ее отпустили домой, раз лавка закрыта, поэтому я сразу поднялась на третий этаж во владения красавицы дриады.

— Нинон! — Обнаружившаяся там же Дейдрэ едва ли не подскочила при моем появлении.

— Макс в порядке. Я в порядке. Все в порядке, — торопливо отрапортовала я.

— А мы тут в шоке, — проворчала Абиес, устало потирая виски. Кажется, из постели ее сегодня выдернули куда раньше обычного. — Все происходящее в голове не укладывается.

Шефлера затряслась мелкой дрожью и потянулась к стулу, но дриада так грозно на нее шикнула, что растение предпочло притвориться, что вид за окном его интересует намного больше.

— Что там с Максом? Что вообще случилось ночью? — принялась допытываться гнома.

Я снова пересказала события во всех подробностях, завершив повествование наболевшим вопросом:

— Зачем мастеру Дайниру понадобилось убивать Макса и что-то там красть?

В конце концов, Дейдрэ и Аби работают в мастерской уже давно и прекрасно знают всех мастеров, может, они объяснят?

— Стража тебе расскажет зачем, — хмуро отозвалась Абиес. — У Горшечника сейчас как раз с ними разговор. — Она кивнула на закрытую дверь начальственного кабинета. — Официальная версия гласит, что Курт влез в серьезные долги, потому отослал жену и ребенка, а напоследок решил грабануть хозяина, подчистив заодно все доступные сейфы. Но на первом же ему не повезло.

— Такова официальная версия? — подозрительно уточнила я.

— Когда ночью стража заявила к нему домой, чтобы сообщить семье о гибели и провести допрос, там никого не оказалось. Вещей нет, соседи не видели его жену и сына уже несколько дней. То есть все указывает на то, что именно так дела

и обстоят, но... — Абиес и Дейдрэ переглянулись с одинаково недовольными выражениями на лицах. — Мы же Курта знаем уже сколько лет. Не такой он человек. Ну, совсем не такой. Хороший мастер, честный, семью обожает... — Дриада запнулась и неуверенно поправилась: — Обожал беззаветно. Да и к тому же не игрок, не пропойца, в сомнительные истории не лез. Ну откуда у него такие уж сокрушительные долги, чтобы ради них на убийство идти? Ну если уж появились — О'Тулл своему сотруднику всегда ссудил бы круглую сумму. Да тот же Макс — что он, коллеге не одолжил бы денег в трудной ситуации?

Дейдрэ решительно кивнула.

— Помяни мое слово, Нинон, что-то тут нечисто! А страже лишь бы дело на покойника повесить — и никакой головной боли и лишних разбирательств. Зачем, спрашивается, налоги на содержание этих тунеядцев платим? И немалые, между прочим!

...Покидала мастерскую я в смешанных чувствах. Разговор с подружками одновременно утешил и породил еще большее беспокойство. С одной стороны, было облегчением узнать, что мастер Дайнир ну просто не мог быть хладнокровным убийцей и грабителем. Все-таки страшно думать, что ты работаешь бок о бок с человеком, а о нем потом открываются такие страшные вещи. Но с другой... он же все-таки им стал. Зачем? Почему? Что его толкнуло на этот отчаянный шаг? А если сложить его с уже произошедшими в мастерской неприятностями? Похищенные бумаги, взлом, попытка проникнуть в сейф Макса... и почти убийство самого мастера. В шкафу сейчас хранилось немало ценностей — некоторым заказам требовалось отлежаться, прежде чем их можно будет доводить до ума. Я лично видела, как мастер убрал туда почти законченную заготовку, стоившую как особняк в центре Лидия. Что, если похитителям бумаг нужно что-то конкретное и это самое конкретное находится в разработке прима-мастера? Значит, своего они так и не добились, а стража, свалив все на Курта и его гипотетические долги, перестанет искать настоящих преступников?

Мысли эти отдавали паранойей, но поделаться с ними я ничего не могла...

В этот день я себе места не находила. Тревожно и маетно было на душе из-за тяжелых раздумий. От вынужденного безделья в голову лезли разные ужасы, да еще и почему-то не давали покоя мысли о соискательской работе на звание мастера третьей категории. Толковых идей не было. Вот совсем!

Да какая, к бесу, соискательская работа! Не придумаю сейчас — поеду домой, подам заявку через пару лет. Но... боги, что ж у

нас в мастерской творится-то? А если бы Макса убили? Я, конечно, бурчала на него за выходки его дурацкие, за привычку дразнить меня без повода... Да даже за кудряшки эти! Но... он действительно хороший человек, и на самом-то деле он мне нравится! Мне даже бурчать на него нравится! И ему нравится... Уж кто-кто, а прима-мастер Максимилиан Шантей, будь он мной всерьез недоволен, пресек бы не устраивающее его поведение на корню. Моментально. Я пару раз видела, как жестко и безжалостно он осаживает забывшихся мастеров. Даже Дейдрэ при всех их дружеских отношениях и более-менее равном статусе Максу подчиняется безоговорочно. И знает, где пролегают установленные ими обоими границы...

Так что все его на самом-то деле устраивает. Мое огрызание, бурчание и мелкое неповиновение в том числе. А вот меня — нет. Меня категорически не устраивает мысль о том, что его могли убить. А если подумать хорошенько, то еще и могут! Да, характер у мастера не мед. Даже и не сахар! Но он ни разу не обидел меня всерьез. Он всегда следит, чтобы я не ходила одна по потемкам и не забывала про обед. Пару раз в мастерской совершенно волшебным образом оказывались позарез необходимые мне книги, к которым в школьной библиотеке очередь такая — не протолкнешься. А уж про выбитую им ставку подмастерья я вообще молчу.

И... дело ведь не в деньгах и не в помощи. Он просто не заслужил, чтобы его — ножом. Я не согласна! Я отказываюсь это принимать!

Сидеть на подоконнике, укутавшись в старую, кое-где уже и в проплешинах медвежьей шкуру, было тепло. Уютно. И непереносимо тоскливо. Я же по чистой случайности оказалась около мастерской. В следующий раз ведь может и не повезти...

Я. Не хочу. Чтобы. Его. Убили.

С этими мыслями я и поплелась спать. А наутро встала с совершенно четким планом действий.

Первым делом, едва вскочив с постели, как была, в одном немудреном бельишке, метнулась к шкафу с книгами и писчими принадлежностями. Закопалась в учебники. По интересующей меня теме не было ничего! Поняв, что от стандартной учебной литературы толку не будет, принялась за справочники. Ничего! Ни единого намека, что подобным приемом вообще пользуются! Но... как же так? Идея ведь лежит на поверхности! Она же очевидна!

Ничего не попишешь. Придется обратиться к библиотеке альма-матер.

Сообщив, что так и бегаю по комнате в нижнем белье и

одном носке (второй во сне соскользнул), я наспех оделась, кое-как расчесалась — гребень намертво застревал в волосах, пришлось поспешно свернуть их в довольно неряшливый узел да и плюнуть на этом. И, неспособная больше терпеть, распираемая идеей, я скатилась по лестнице и рванула в библиотеку при нашей школе.

Ввиду раннего часа та оказалась запертой. Я пристроилась под библиотечным козырьком и приготовилась ждать мастера-хранителя. В уме по-прежнему вертелись обрывки мыслей. Что мне вообще понадобится? Где взять нужные мерки? Да и возможно ли это в принципе? Ведь никто так не делает... А вдруг не сработает? Я понадеюсь, а оно — раз, и не поможет.

Меня откровенно колотило, трясло, бросало из крайности в крайность. То собственная идея казалась гениальной, то, наоборот, наваливались сомнения, терзали, кусали... Спокойно все обдумать и составить план в таком состоянии было совершенно невозможно. Но и выкинуть эти мысли из головы не удавалось. Я стояла, прижавшись к старой шершавой стене, опершись о нее затылком и лопатками, сунув руки в карманы штанов, и то мысленно вертела во все стороны будущее изделие, продумывая его детально, то вновь сомневалась в принципиальной осуществимости задуманного...

Библиотека желаемого облегчения не принесла. Нужных тем не находилось, да что там нужных! Не находилось даже близких и подобных! Это откровенно злило. Ну, я же знаю, что это возможно! Я уверена! Ведь кладут же шепотки на нить, заговаривают узлы. Значит, и то, что я задумала, должно быть осуществимо! Это разумно, это здраво и логично. На подобной технике строится солидная часть ведьмовства, этими приемами частенько пользуются артефакторы...

Нужной информации не было. Ни упоминаний, ни отсылок. К полудню мое терпение лопнуло. Я обратилась к хранителю библиотеки.

— Подскажите мне, пожалуйста! В библиотеке есть материалы по заговору нити под изготовление из нее текстильного изделия? Не плетение оберегающего узора. Не наговор на готовую вещь. Не методика вышивки рунической защиты. Меня интересует наговор на нить, из которой потом изготовят что-то конкретное. Самодостаточное. Среди представленной литературы подобных сведений нет. — Я смотрю в светлые глаза пожилого мастера твердо и непоколебимо. Ясно давая понять, что стану тут монументом себе самой, но без ответов на свои вопросы не уйду.

— Юная барышня. — Школьный библиотекарь снял очки,

рассматривая меня внимательно, задумчиво. Так, будто первый раз увидел. — Не думаю, что вы найдете здесь то, что ищете. Вам нужно искать другие источники. Возможно, вам стоит поспрашивать старых мастеров.

Он запнулся, будто хотел еще что-то сказать, передумал и отправил меня восвояси:

— Все, иди, деточка. Тут для тебя ничего нет.

Слегка ошалев от такой смены тона и самого факта — меня выставляют из библиотеки! — я собрала перелопаченные мной книги в не слишком ровные стопки, сгрудила их на стойку хранителя. Развернулась на пятках и выдвинулась из хранилища знаний, только потом сообразив — даже не попрощалась! Хотела вернуться, исправить оплошность, но лишь махнула рукой — нереализованная идея жгла угольком, каталась раскаленным комочком в голове. Гнала, торопила. Не давала стоять на месте...

Вот теперь отгулы, щедро дарованные Максом, пришлось очень даже кстати.

Обходя одного за другим артефакторов из списка, полученного у куратора стажировки от школы, я все сильнее злилась. В списке в основном были знакомые мне имена — все эти мастера в то или иное время читали лекции у нас или у других курсов, вели практические занятия, преподавали специализированные дисциплины. На мои вопросы все они отвечали странными взглядами. И отказами. Качали головой. Нет, не знаю. Не имею. Не владею.

Ладно, к демонам! Это всего лишь список мастеров, как-то связанных со школой. Завтра попрошу помощи у Дейдрэ. Насяду на мастера МакКиннона. Поговорю с О'Туллом. Они наверняка подскажут другие имена. Пойду в Гильдию, в конце-то концов. Уж там-то точно знают всех!

Чем больше отказов я получала, тем крепче в моей упрямой башке обживалась мысль, что задуманное мной возможно. Остальные интересы потускнели. Поблекли. Не хотелось ни посидеть с девчонками из мастерской в кофейне, ни пойти вечером прогуляться с приятелями. Раскаленный уголек нереализованной идеи упал на подходящую почву. Я пока еще не горела — тлела. Но мысли мои вертелись только в тех сферах, что могли приблизить к решению задачи, и категорически отказывались сворачивать в иное русло.

Я твердо решила — если к концу списка не найду того, кто сможет мне помочь — возьмусь за дело сама. Пойду вперед ошупью и рано или поздно найду дорогу.

Ладно. Попробуем подойти к проблеме с другой стороны. Помимо консультации от мастера-артефактора, мне понадобится

помощь и совершенно иного толка. Оставим пока артефакторов в покое. Завтра добыю выданный список и, если не повезет, пойду на поклон к Дейдрэ. Или лучше сразу в Гильдию? В конце концов, я уже два года в ней состою, хоть пока и освобождена от членских взносов — до окончания обучения в школе.

Рассказывать о своей задумке в мастерской мне не хотелось. Это... Это тайна. Это только мое. Пока я не буду твердо уверена, что у меня все получится, — никому не скажу!

Да и вообще. Мне почему-то казалось, что неоформленная задумка — как нерожденный ребенок. Ее надо выносить, выпестовать. И глупо трубить о подобном на всех углах.

А моя идея, хоть и зыбкая, ненадежная, привлекала меня неимоверно.

Что нужно, чтобы защитить человека от оружия? От подлого удара в спину?

Доспех!

Я не сошла с ума. Я задумала сделать для Макса броню. Прочную, тайную (а оттого еще более надежную), неопределимую простым взглядом броню.

На следующее утро, провертевшись полночи в бесплодных попытках уснуть, я направилась к торговым рядам.

Суконный ряд Красного рынка, самого крупного и обильного из трех рынков Лидия, встретил меня неприветливо. Добравшись до прилавков, где мастерицы торговали вязаными вещами, я сунулась было к ним с вопросами, но получила отлуп. Услышав, что мне нужна наставница, вязальщицы оценивающе присматривались, кривились — взрослая больно, такую только начни учить, а она уже и замуж выйдет. А узнав, что я не ищу ученичества и наставница нужна, чтобы помочь создать одну конкретную вещь, и вовсе гнали прочь. Делать им, мол, нечего, кроме как время с такой недоученицей терять!

Я отошла в сторонку, чтобы успокоиться, подумать и съесть пирожок с картошкой и луком, купленный с лотка у торговли вразнос. Право слово, не знаю, какого чувства во мне сейчас больше — злости или возмущения?

Нет, ну, мало того что я второй день бегаю по нашим мастерам, а они только мнутя, юлят и ничего толком не говорят — так теперь еще и эти кочевряжатся! Я сердито засопела.

Так. Сейчас доедаю пирожок и снова иду по ряду. Выбираю мастерицу, у которой изделия самые красивые... Нет, лучше ту, у которой лицо самое приветливое! Так вот, выбираю и объясняю ей, что я не подсыл от конкуренток, а стажер-артефактор. И мне для моей экзаменационной работы нужно научиться вязать свитер. Ее работа вместе с секретами меня не интересует. Если

она не хочет поучить меня за деньги — возможно, согласится на обмен. Я могла бы отдариться чем-нибудь по своей специализации.

Приступить к реализации своего плана я не успела.

Она появилась, сопровождаемая стуком клюки. Глубоко пожилая женщина, в темных старческих одеждах, в темном платке. Я почему-то сразу заметила ее в снующей в разных направлениях толпе. Просто не ожидала, что она ко мне подойдет.

Старуха остановилась, вперившись в меня взглядом. Я настороженно уставилась в ответ, даже пирожок проглотить забыла — ощущения под взглядом были такие, будто меня только что всю насквозь просветили, оценили всю мою жизнь, личность, достижения, рассортировали — что достойно, что не очень — и сейчас принимают решение. Не слишком приятное, если кому интересно, ощущеньице.

— Ну, это ты, что ли, наставника искала?

Я сглотнула прожеванный пирожок, как-то сразу поняв — женщина говорит не о вязании. Кивнула молча.

Она поманила меня пальцем, развернулась и пошла откуда явилась. Я на миг призадумалась — а надо ли оно мне? Ладно уж, схожу, раз зовут. В конце концов, не съест же она меня?

Спешно сунула в рот остатки пирожка и побежала догонять будущую наставницу.

Та смерила меня одобрительным взглядом, хмыкнула и велела:

— Рассказывай!

И я принялась рассказывать. Про свою идею — сделать артефакт, который будет представлять собой скрытую защиту, этаким артефактный аналог брони. О том, что суть его состоит в объединении в одно шерстяной нити и тончайшей металлической проволоки, каждую из них надо будет наполнить силой отдельно, и из этой сдвоенной нитки связать предмет одежды, в данном случае — свитер, мужской, одна штука. О том, что за основу работы с шерстью хотела бы взять традиционные приемы зашептывания нитей. Да вот беда — шепотки в том виде, в каком применяются для вязания узлов, мне не подходят — слишком короткий отрезок задевают, а приемов для работы с долгой нитью нигде пока не нашла, и именно для этого мне нужна консультация опытного мастера, уже работавшего в этой технике. О том, что проблем в работе с металлической составляющей артефакта не предвижу вовсе и из металлов мне наиболее подходящим видится мифрил (основное его преимущество, помимо всем известных магических достоинств, заключается в

том, что у меня имеется кусочек размером с ладонь).

Я увлеклась и не замечала, что иду практически боком, развернувшись лицом к собеседнице и оживленно жестикулируя. Она слушала меня, кивала в такт словам, мерно стучала клюка, не понять — нравятся ли этой странной старухе мои мысли, идеи и допущения или нет. Но кивала вроде одобрительно, поощрительно хмыкала. Я рассказывала дальше, ибо к этому моменту уже успокоилась, разобрала по рукаву и подолу узор оберегающей вышивки, утвердилась в мысли, что эта женщина — то, что мне нужно и послана не иначе как богами, и я всеми силами намерена ее заинтересовать.

Мы покинули торговые ряды и теперь шли по центральной части Лидия, Старому центру. Здесь под ногами — мощный брусчаткой тротуар, вокруг — нарядные и старые дома, деревья в скверах хвалятся яркой медью и багрянцем. И вообще, эта часть города — моя любимая.

Но сегодня мне некогда было обращать внимание на окружающую красоту, мне нужно было уломать старого мастера-артефактора помочь в работе, ну и заодно поделиться своими мыслями с тем, кто наконец-то согласился их выслушать. А о работе я могла говорить бесконечно, с упоением. И как-то само собой получалось, что выбалтывала и то, что к работе отношения не имело, зато изрядно меня волновало и беспокоило, лежало камнем на сердце и (будем честны с собой) не давало спокойно спать.

О том, что моего мастера, человека неплохого со всех сторон и крайне мне симпатичного, недавно чуть не убили. О том, что вот для этого самого мастера я и буду делать защиту, потому что он, несмотря на то что гений и признанный авторитет в своей сфере, ужасающе небрежно относится к своей безопасности. О том, что к моей безопасности он относится очень даже ответственно, но это же вопиющая несправедливость! И еще о том, что сначала я хотела наложить защитные заклинания только на металлическую составную защиты, но она же будет фонить магией просто нестерпимо, и любой, у кого имеется магический дар и немножечко мозгов, ударит в незащищенную часть тела или просто вложит в удар достаточно силы, чтобы проломить защиту.

Я перескакивала с темы на тему, как блоха, но, кажется, мастерицу не смущала моя экспрессия. Она даже улыбнулась мне углами губ, и улыбка, я готова была поклясться, была одобрительная. Это обнадеживало. Настолько, что я в конце концов спохватилась и сообразила спросить, как зовут почтенную госпожу. Она расхохоталась в ответ:

— Быстро же ты об этом вспомнила!

Я несколько смутилась — действительно, вспомнить следовало чуть раньше. Но некоторые так увлеклись своей драгоценной соискательской работой, что напрочь забыли о вежливости.

— Можешь звать меня Аста, — смилостивилась наконец женщина, — госпожа Аста или наставница Аста, как тебе угодно. А сейчас поди поймай извозчика — стара я уже Лидий ногами мерить. Поедем ко мне домой. Там я буду тебя учить.

Возликовав в душе от этих слов — вот оно, принципиальное согласие получено, значит, я шла в верном направлении, и теперь мне все непременно удастся! — я почтительно кивнула:

— Да, госпожа Аста!

И умчалась к площади, где стояли пролетки, с трудом удерживаясь от того, чтобы не скакать вприпрыжку.

К тому моменту, когда мы подъехали к ее дому, госпожа Аста успела узнать всю мою подноготную, вплоть до родословной. Вот и не выпрашивала вроде бы особо, а слова сыпались из меня как из Марты!

Просто... госпожа Аста умела слушать. Она вся была воплощенным благожелательным вниманием, и интерес ее к собеседнику, неназойливый и искренний, поощрял рассказывать дальше. Так что, когда мы миновали ажурную кованую калитку и прошли в беленький двухэтажный дом под крышей из черепицы цвета киновари, будущая наставница знала обо мне ровно столько, сколько хотела знать, а я только-только сообразила, что меня только что допросили так, как стражникам, допрашивавшим после покушения на Макса, и не снилось. Тут-то бы мне и призадуматься, но... Госпожа Аста в своем праве. Если она желает знать, кого и какого роду-племени берет в ученики, так тому и быть.

Мы сидели в гостиной дома госпожи Асты и продолжали разговор:

— А что же тебе, милая, понадобилось у вязальщиц?

— Да у меня с вязанием не так чтоб очень. Умею, конечно, но давно не практиковалась, да и сложных вещей не делала, вообще-то... Вот хотела пару уроков взять.

Гостиная выглядела так, как могла выглядеть гостиная в доме любой пожилой одинокой старушки — домотканые половички, мебель, составленная вдоль стен, лестница наверх, кресло-качалка в углу и троица кошек, надменно и презрительно взирающих на гостью, вторгшуюся на их территорию.

— А вы там как оказались? — ляпнула я, прежде чем успела остановиться.

И тут же пожалела о своей несдержанности. Во-первых, не

моего ума дело, во-вторых, мало ли что могло понадобиться в той стороне мастеру-артефактору.

— Тебя искала, — невозмутимо отозвалась госпожа Аста.

— Но... Как... Откуда?.. — Я так растерялась, что не то что сформулировать вопрос, а хотя бы выбрать наиболее приоритетный из десятка не могла. Максимум до такого состояния довести не удавалось ни разу. Хотя, уверена, он бы хотел.

Вот что значит — нажитый опыт...

Старушка полюбовалась мимикой оторопевшего человека и пояснила:

— Птичка на хвосте принесла.

О да, все сразу же стало ясно!

Она задумчиво добавила:

— А к вязальщицам можешь больше не ходить, я тебе покажу что надо.

И показала.

Звякали спицы. Тянулась из корзинки с цветными клубками белая нить. С демонстративным безразличием зевала кошка.

Я ждала, что госпожа Аста станет меня учить работать с нитью сразу, но она не спешила. Речь ее лилась ровно, заворачивающе:

— Раньше этому дома учили, и каждая женщина умела что ткать, что вязать, что вышивать. И обережные узоры всякая класть умела, не то что нынче. Вот в те-то времена небось не случилось такого, чтоб чью-то взрослую дочь чужая женщина учила! — Она неодобрительно покачала головой и продолжила:

— Тогда, когда люди еще в старых богов верили, умение наложить защиту от дурного глаза, или благословение, или пожелание здравия, или облегчение в беременности и родах — это все от матери к дочери передавалось и делалось только своею рукой или родственницей. Или еще — от невесты принять защиту можно. А теперь... Теперь знание утрачено, теперь старшая женщина в роду не нашептывает младшим о тайном за рукоделием.

Я сосредоточенно вяжу. Лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная... Эх, надо было крючком вязать! Крючком у меня все же лучше получается.

А госпожа Аста дальше рассказывала:

— Когда защитные знаки своей рукой сделаны или родной кровью — в них совсем другая сила, на ту силу и мир отзывается. Тонкие все это материи, простому глазу недоступные, тут с пониманием надо, с разумением. Вот деткам одежду всегда с наговорами справляют, их много разных есть...

Не, мне не подходит. Макс, конечно, иногда мальчишка-мальчишкой, но лет-то ему уже за тридцать!

— ...Или беременным еще — тоже обязательно со смыслом, с оберегающим узором!

Нет-нет-нет, вот такая вышивка, я думаю, Макс и вовсе не пригодится!

— ...Вот ты, например, защищать чужого человека взялась. Оберегать. Любишь его?

— Нет. — Я помотала головой, продолжая чередовать лицевые и изнаночные петли. — Просто человек он хороший и много для меня сделал, и я тоже хорошо к нему отношусь...

Я подняла взгляд на госпожу Асту и увидела ее теплую, мягкую улыбку.

— Что?

Она покачала головой — ничего, мол. И потом добавила:

— И впрямь — куда торопиться?

Я не совсем поняла, что она имеет в виду, но на всякий случай согласилась. Хотя, как по мне, торопиться мне было куда — скоро мастера выпишут — хих, выпустят! — из больницы, и тогда мои отгулы закончатся. Хорошо бы к тому времени закончить консультации с госпожой Астой, а то по вечерам после мастерской к ней не наездишься.

— Что ж, вижу, вязать ты все же умеешь. Мерки сама снять сможешь?

— Ой, госпожа Аста, а можно я лучше пиджак или рубашку вам принесу? Нет, обычные-то мерки я знаю, как снимать, только не хочу я пока никому говорить, — замялась я.

Она кивнула в ответ:

— Приноси, научу. А теперь покажи-ка мне, как ты с энергией работаешь, — и протянула мне свой клубок синей-синей кобальтовой шерстяной нити.

Я приняла моток. Выудила хвостик. Бросила клубок в корзину к остальной шерсти, а кончик потеряла в пальцах, примеряясь к ощущениям. Привыкая, сживаясь с тем чувством, которое порождает меж кончиками пальцев толстая ворсистая нить.

Что ж, начали.

Вообще-то я не очень люблю работать с нитью. Рыхловатая структура материала плохо удерживает силу, поглощающая способность низкая, отдача слабая, изнашиваемость высокая... То ли дело привычные мне металлы и камни! Металл поглощает силу охотно, она уходит в рабочий материал легко и свободно, не норовя рассеяться в окружающей среде. И, заполняясь до предела, основа отзывается потусторонним, неслышимым звоном, что

способны различить лишь артефакторы. Камни же и вовсе бездна, и сила, уходя в них вольным потоком, преломляясь во внешних гранях и внутренних плоскостях, встречаясь и переплетаясь с собственной природной энергией камня, только запускает, активирует его родную мощь. Ну а внешнее воздействие — руны, заклинания, ритуалы лишь направляют эту мощь в нужном направлении, как реку — берега.

Сила тихонько текла — от кончиков пальцев, через место контакта, в шерстяную нитку. Левая рука — ведущая, пальцы скручивающим движением пропускали основу, наполняли ее энергией. Правая — вспомогательная — тянула нить вращательным движением запястья, ловкими движениями пальцев сматывая напоенную основу снова в клубок. Работа монотонная, нудная. Постоянная подача энергии выматывает, да и быстро это не происходит. Я контролировала процесс десятой долей сознания и слушала наставницу. А она говорила о разных вещах.

О том, что весь мир вокруг нас — суть есть сила. Что сила та течет сквозь все и все собой наполняет. Не одна только магия, а все вокруг. Что жизнь — это сила, и смерть — это сила, и любовь, и злость, и вера, и память — все это сила, и порождается она человеком, и отдается им миру, а мир тоже весь соткан из сил, и земля, и вода, и огонь, и воздух — суть есть сила. И хоть сила течет, переливается из одной формы в другую, но не исчезает, не пропадает. И любое сильное чувство есть выплеск силы в мир.

Да я и раньше это знала. Нам и на лекциях об этом говорили. Но это все — свободная энергия, ее в артефакт не направишь и основу ею не напоишь. Магическая энергия в этом смысле гораздо податливее.

А госпожа Аста говорила, слова ее журчали ручьем, вливались в мое сознание. Меняли картину мира. Я больше не слышала, что она говорила. Я слышала то, что она хотела сказать. И от этого замерло что-то в солнечном сплетении. Мой разум отступил, уступил место чему-то большему. На смену ему пришло нечто объемное, огромное. Оно просто неспособно было вместиться в одного человека. И я понимала, что ощутила лишь край его. Край того странного чувства, что помогает видеть мир целиком. Ощущать его весь, на всех планах разом, воспринимать во всем многообразии.

Нитка скользила меж пальцами. Клубок нагретым солнечным комком ощущался ладонью. Я вспоминала о том, как Макс лежал на затоптанном полу мастерской. Представляла, как беззвучно кричали мышцы, рассекаемые безжалостным железом. От неправильности, непоправимости этой картины в животе все

сжалось. И госпожа Аста покачала головой — не о том думаешь. Я кивнула — согласна, не о том. Я думала о проворных пальцах, выпутывающих звенья змейки-цепочки из моей шевелюры. О солнечных лучиках, дробящихся сквозь полируемое мной стекло мастерской. Об улыбающемся лице Макса, стоящего у начала лестницы и смотрящего на меня снизу вверх. Я думала о непривычной, но такой греющей и радующей заботе этого человека. О том, как отзывается на нее маленький, солнечный комочек у меня в груди...

Тянулись мысли, теплые, прогретые заботой и солнцем, текла сквозь пальцы сила, скользила нить. Журчал голос наставницы Асты.

— ...А вот если с сердечным другом любиться вдруг станешь, то вязание свое след под матрас положить...

Это фраза вырвала меня из медитативного транса, в который я была погружена монотонным занятием и речью госпожи Асты.

— Что? — Я растерянno хлопнула глазами, вывалившись из своего подсознания в реальный мир.

Моя наставница хрипловато рассмеялась старческим голосом:

— А ты что думала, милая? Это тоже сила! Правда, такое не для всех делают. Если на заказ защиту собираешь — так, почитай, и никогда. Можно, правда, самому заказчику подложить, но это только если с женой у него мир и лад, если в любви живут. Для каждой пары — особый случай, на каждого человека отдельно надо смотреть. Но ты не для чужого человека делаешь, так что нынче можно. Ну да ничего, это сама поймешь со временем. Когда можно, когда воздержаться бы лучше, а когда к такому способу прибегать ни в коем случае не следует.

Я посмотрела на нее потерянно. Мне было все еще неуютно в этом мире, в который я так резко вернулась, да и сложно понять — как так? Просто положи заготовку в постель к влюбленной парочке, и она сама наполнится силой?

...Я-то думала, меня тут шепоткам и наговорам учить будут...

Аста продолжила рассказывать:

— Тут что важно? Чтобы чувство было, чтобы не заради корысти люди свои нити в одну сплетали. И не так уж обязательно, чтобы промеж ними любовь была — та, что одна и на всю жизнь. Если просто людям друг рядом с другом хорошо да радостно, тоже не худо выйдет...

Домой я возвращалась слегка ошарашенная. Мама дорогая, куда я попала? Никакой она не артефактор, а натуральная жрица! То есть артефактор, конечно, тоже, но и жрица Старых Богов. Или я не Нинон Аттария, потомственный артефактор, стажер в мастерской О'Тулла!

Есть боги, их много, целый пантеон, им молятся, верующие люди ходят в их храмы, их служители совершают всякие обряды, все как положено. Я тоже хожу раз в год — на праздник всех богов. Религиозности во мне, как и в большинстве тех, кто связан с магией, не очень много.

А есть Старые Боги — они просто есть. Им от нас ничего не надо — ну и мы ими не слишком интересуемся. Где-то, говорят, есть капища, святилища. Где-то, говорят, есть их служители... Вот эти-то служители, говорят, всякие вещи делать умели.

Куда меня занесло, спрашивается?

С другой стороны, ну, жрица — и что? Лишь бы человек был хорошим!

А если бы все это было нельзя и запрещено, куратор бы мне просто сразу в лоб дал, когда я к нему с расспросами заявила! А мне не только не запретили, но еще и госпоже Асте шепнули.

Я хочу назад! Хочу обратно, в свою любимую, классическую, традиционную артефактику!

Не хочу я лезть во все это — древнее, мощное, обрядовое...

...А клубочек мой синенький, между прочим, силой совсем не фонил. Я специально проверила. Я знала, чувствовала, что нити — не просто нити. Но когда начинала проверять импульсом, он упрямо говорил обратное.

Решено! Одну вещь. Я сделаю в этой технике одну вещь — только для защиты дорогого человека!

С поисками да в работе время летело как птица. И я вдруг спохватилась, что вся в тяжких размышлениях, как уберечь Макса, про самого-то Макса едва не забыла! Может, и к лучшему оно, странно было бы стажерке рядом крутиться день и ночь наравне с матерью. Но проведать его все-таки стоит. Угрожала же!

На дежурстве в больнице я снова обнаружила Тиа. Та поприветствовала меня как давнюю знакомую, отчиталась, что с Максом все прекрасно-замечательно и что госпожа Эдора, видя, что сын в относительном порядке и дополнительного ухода не требует, уехала на внеочередное заседание городского Совета, посвященное прибытию короля. Я от души поблагодарила ее за новости и, вежливо постучав по двери палаты № 26, сунулась внутрь.

— Здравствуйте, мастер Шанте... ой!

Натягивающий в этот самый момент свитер Макс удивленно обернулся. Нет, увидеть ничего, кроме плотно опоясывающих спину белых бинтов, я не успела, но все равно страшно смутилась и опустила глаза... ровно до того момента, как сообразила, что именно увидела!

— Мастер Шантей, а куда это вы собрались?! Вам же еще два дня лежать минимум!

— Здравствуй, Нинон, — ровно отозвался мастер, напрочь игнорируя последующее возмущение. Одернул свитер, неторопливо поправил рукава.

Я зашла-таки внутрь, прикрыла дверь и прислонилась к ней, скрестив руки на груди, решив для себя, что и с места не сдвинусь, пока мне не объяснят, почему раненый человек вместо того, чтобы выздоравливать, явно пытается совершить коварный побег!

— Я и буду лежать, — снизошел до объяснений Макс под моим сердитым сверлящим взглядом. — Дома.

— Но целитель сказал...

— Кудряшка, ты же уже познакомилась с моей матерью. Она меня добьет ничуть не менее профессионально, чем работники городской больницы.

Прима-мастер, поморщившись, сел на кровать. Посмотрел на стоящие рядом ботинки. Вдохнул. Ме-е-едленно наклонился... ну и куда вот собрался этот сумасшедший человек, когда он даже ботинки нормально надеть не может?

— Мастер Шантей!..

— Нинон, не начинай! — опередил меня мужчина суровым одергиванием. — Мне уже все высказали. И не раз.

— Вот! — Не растерявшись, я назидательно вздела палец. — Слушайте маму, мама плохого не посоветует!

Потом вспомнила почему-то, как моя родительница советовала в первую очередь заняться в школе поиском подходящего жениха, и уточнила:

— Ваша по крайней мере...

Макс справился с правым ботинком, выпрямился, переводя дух.

— Да вас в таком состоянии на улице ветром сдует! — не унималась я.

И тут же пересекла палату, положила обе ладони мастеру на плечи и легонько нажала, пытаясь дать понять — то, с чем я справлюсь, и ветер осилит. Вот же не лежит этому неугомонному!

Мужчина и впрямь чуть качнулся, но тут же перехватил мои запястья.

— Нинон, что ты делаешь? — Вид у него был до умиления трогательный и растерянный.

Я отчаянно смутилась такой постановке вопроса.

— Укладываю вас в постель.

Сообщила, что сказала, и своему ответу смутилась еще

больше. А потому торопливо выдернула руки из неожиданно сильных и горячих пальцев и вновь отошла к двери.

— Все равно я вас не выпущу!

Прима-мастер в очередной раз тяжело вздохнул и упрямо наклонился к левому ботинку. Зашнуровал. Поднялся. Двинулся прямо на меня таким стремительно-уверенным шагом, что мне с трудом удалось подавить желание зажмуриться — казалось, протаранит!

Не протаранил. Но и остановился, только практически в меня упершись.

Я внезапно ощутила себя особенно мелкой, когда он так возвышается надо мной почти вплотную. Что приходится голову вскидывать, чтобы заглянуть в глаза. В серые глаза, в которых сейчас перемешались и раздражение, и насмешка, и... тепло? У меня аж в горле пересохло и ноги подкосились от такого количества противоречивых и ярких эмоций.

Я стояла, смотрела на него, запрокинув голову, забыв, как дышать. Растерявшись от того, что он так близко, и от того, что от близости этой я не испытывала ни малейшей неловкости. А в висках пульсом бился вопрос — как же объяснить ему, неугомонному, что надо себя беречь?..

— Уволю! — сурово провозгласил начальник, внезапно вспомнивший, кто здесь главный.

— И шоколад приносить запретите, да-да, я помню, — отважно съязвила я в ответ.

Макс наградил меня взглядом — нет! — Взглядом. Долгим, многообещающим Взглядом, ясно дающим понять, что кое-кто из присутствующих здесь кудрявых стажеров возомнил о себе слишком много. И что еще немного — и увольнение покажется мне божьим даром по сравнению с наказанием, на которое способна прима-мастеровская гениальность. Я бы даже попятилась, наверное, если бы было куда.

— Ну, давайте вы хотя бы дождетесь возвращения госпожи Эдоры? — жалобно проблеяла я, вжимаясь в дверь. — И вернетесь домой в сопровождении целителя.

Макс помедлил с ответом, пристально меня разглядывая.

— Хорошо.

Не успела я облегченно выдохнуть, как — боммм-к! — и полностью довольный собой мастер вернулся к кровати, а я осталась стоять у двери с подпрыгивающей перед носом кудряшкой.

*Однажды вечером, после работы,
за плотно закрытыми дверьми*

— Будешь? — Лепрекон любезно продемонстрировал гостю чуть запыленную бутылку отборного гномьего виски.

Дейдрэ МакАльпин отрицательно мотнула головой и продолжила свою речь:

— Нет, вот ты меня не слушаешь! Ну тут же и слепому видно, как она на него смотрит. И как за него переживает! И как он над ней трясется. И как ей во всем потакает. И это наш-то Макс?.. Вот вкатят нам иск за растление младенцев! Тогда помянешь ты мои слова.

— Брось, Дейдрэ, она совершеннолетняя! — без особой, впрочем, уверенности пробормотал лепрекон, работодатель и новоявленный содержатель притона, с бульканьем наливая густо-янтарную жидкость в хрустальный стакан.

— Она совершеннолетний младенец, — скорбно отозвалась мастер-ювелир и, вздохнув, покосилась на отвергнутую ранее бутылку. — А, демоны с тобой! Наливай!

Глава 7

Дурдом, родной дурдом, или О благоприятном воздействии дождливой погоды

Судя по звукам, доносившимся со второго этажа, там творилось форменное смертоубийство. Я только вошла в помещение лавки и сейчас, стоя у лестницы, сосредоточенно прислушивалась к происходящему наверху. Всю какофонию перекрывал возмущенный голос Кайстен. Кладовщица то начинала вопить, то частила бешеной скороговоркой, то призывала в свидетели всех известных богов...

Подниматься было надо. Но страшно.

— Что там происходит? — шепотом спросила я у Марты, с каменным лицом возившейся за прилавком.

— Аби с утра уведомила Кайстен о предстоящей ежегодной инвентаризации складских помещений! — не шепотом, но тоже не больно-то громко отозвалась ведьмочка. — Вот. Уже час как проводят...

Звуки стали еще зловещее. В голосе складского дракона появился надрывный хрип...

— Я туда идти боюсь! — послушав еще немного, честно призналась я ведьме. — И мне нисколько не стыдно!

Марта оторвала взгляд от усердно полируемого хрустального шара и посмотрела на меня. И в ее зоре я не прочла укора или осуждения. Только понимание! И еще — сочувствие. Когда в битве века схлестнулись два монстра, нам, людям простым и маленьким, под горячую руку лучше не попадать!

Стыдно паниковать, Нинон! Там не происходит ничего страшного! Раздавшийся вслед за тем кошмарный грохот опроверг мои мысли. Марта посмотрела на меня особенно жалостливо. Необходимость подняться наверх и окунуться в побоище целиком виделась ужасной и неотвратимой...

Марта нырнула под прилавок и, глядя на меня как на приговоренную, надела мне на шею амулет. Отвод глаз — автоматически определила я, уровень не ниже восьмого... Судя по всему, из числа ассортимента магазина. Спасибо, Марта! Я растроганно вздохнула и обняла ведьмочку. Она обняла меня в ответ. Отстранилась, осенила божественным знамением и, взяв за плечи, развернула в сторону лестницы. Спасибо, подруга! Я смахнула воображаемую слезу с ресниц и, скорбно печатая шаг, с

видом героя, идущего на смерть, пошла вверх по широким деревянным ступеням. А оказавшись наверху, мигом прекратила дурачиться, скользнула в сторону и по-над стеночкой, прижимая к животу сумку, чтоб не выдала ненароком, посемила на место стажировки. Как воришка, надеющийся мимо драконов прошмыгнуть в сокровищницу.

Могла не стараться! «Драконам» определенно было не до меня — Кайстен, покрасневшая и взмыленная, глотала воздух, не находя слов. Стоявшая же напротив нее темнокожая дриада, с огромной учетной книгой в руках, была прекрасна, невозмутима и безмятежна, как монах, достигший нирваны...

И я готова была поклясться, что дверь ювелирной мастерской была самую малость приоткрыта, и взгляды оттуда сверкали наилюбопытнейшие. Кое-кто считал происходящее вовсе и не пугающим, а очень даже развлекательным. Конечно! За дубовой дверью-то и не так еще осмелеешь.

Я прошмыгнула в мастерскую. Хоть куртка мастера Шантея уже и висела на вешалке, самого артефактора в помещении не обнаружилось. Натягивая рабочий халат, я бросила торопливый взгляд на стол — списка дел нет, значит, мастер скоро будет. Отнесу-ка пока наверх документацию по выполненным заказам, Аби вчера вечером просила, как бы не забыть. Благо ее теперь не надо разыскивать по всем шкафам и полкам и перерывать залежи полезных и не очень ископаемых на прима-мастеровском столе — все у меня разложено по папкам.

Всунутый в коридор нос подтвердил — скандал идет своим чередом, дела до стажерки никому нет. Интересно, а О'Тулл миротворцем не попытается выступить или ему еще жить хочется?

Как выяснилось, лепрекону было не до миротворчества. Дверь в его кабинет была наполовину открыта, и в проеме прекрасно просматривалась большая часть широкого резного стола, крайне недовольная физиономия Горшечника и ничуть не более довольный профиль прима-мастера. Судя по всему, долетающие снизу звуки скандала вовсе не мешали им выяснять собственные отношения.

— ...Один случай, О'Тулл. Один случай — за семь лет! Так что ж теперь, на работу не ходить?! — Макс навалился на стол лепрекона ладонями и нависал над владельцем мастерской демоном возмездия. — Значит, так! Либо ты обеспечиваешь мне возможность посещать рабочее место тогда, когда мне это удобно, либо мы прощаемся. И скажи спасибо, если я просто перейду в другую мастерскую, а не открою свою собственную, сманив туда половину твоих мастеров. Мы друг друга поняли?

Вон оно в чем дело. После происшествия недовольный результатами расследования стражи лепреккон заявил, что отныне никаких ночных бдений он не допустит, пока не будет установлена «глухая» защита, не пропускающая не только снаружи, но и изнутри. А ко всему прочему, упомянул мимоходом, что одному прима-мастеру вообще ночами лучше бы дома сидеть.

— Ты мне особо-то не бухти! — пыхнул трубкой О’Тулл, крайне не любивший, когда на него давили. — Моих мастеров беса лысого сведешь! Ты мне лучше скажи, что я матушке твоей, почтенной советнице Эдоре Шантей, говорить буду, если ее ненаглядного сыночка тут укокошат?

— Ну, положим, всех, кого я к тебе привел — тех и заберу, — внезапно успокоившись, ответил Макс. — А если боишься повторных происшествий — потряси своим горшком с золотом и наверти на защиту пару-тройку обманок с кодовыми словами или условными знаками. Есть такие хитрые системы — ты защиту вроде бы снял, а на самом деле она уже тревожный сигнал дала суровым ребятам в форме. Поговори с Эйрином, он лучше в этом разбирается. И лучше всего не скупись, а купи из тех, что реагируют на ментальный фон.

— Дорогая, поди, игрушка! — хмыкнул Боллиндерри.

— Дорогая, — согласился Макс. — Зато не придется мою матушку расстраивать.

Я невольно тихонько хихикнула в бумаги, на цыпочках прокрадываясь к столу Абиес, и поторопилась спуститься, чтобы еще мужчины, не дай боги, не подумали, что я тут подслушиваю. Уступит Горшечник. Точно уступит, только вот не радовало это меня.

Мастер, едва вернувшись на работу, с таким упоением принялся наверстывать упущенное, что у меня сердце кровью обливалось. Приходил в мастерскую раньше всех, уходил последним, и то чуть ли не силком выставляли. Я, конечно, понимаю, что недельное отсутствие на сроках сказалось самым печальным образом, но это же не повод себя гробить!

Вот только слушать Макс как всегда никого не желал.

А еще он изменился. Поначалу это не особенно бросалось в глаза. Работы навалилось и впрямь много, тут было не до разговорчиков и подшучиваний, мы оба трудились не поднимая головы. Но чем дальше, тем больше я видела, что что-то не так — мастер отчетливо меня сторонился. Я подойду сзади глянуть краем глаза на чертеж — он отодвигается. Передать инструмент лишний раз не попросит — подойдет и сам возьмет, даже если он у меня совсем под рукой. Сложные вещи вплотную не

контролирует, как раньше, стоя за спиной. Общается строго по делу... и даже за кудряшки не дергает!

И это было так обидно.

Я никак не могла взять в толк, что не так. Что я ему сделала? Раз за разом прокручивала в памяти моменты последних встреч и все равно не понимала, чем я перед ним провинилась. Чем обидела, чем обозлила, что он с трудом переносит мое присутствие?

Можно подумать, его не в спину, а по голове ударили! Более того, в отдельные моменты мне очень хотелось сделать это повторно! Пока что я списывала все странности на усталость, напряженную работу и последствия ранения и молча пыхтела. Но однажды я все же его прижму к стенке, и пусть только попробует не объяснить! Увидит, что не он один тут скандалы закатывать умеет!

...Хотя в этом-то как раз сейчас убеждались все работники мастерской, слушая гневное рычание «драконицы» Кайстен.

Макс спустился через четверть часа. Меня удостоил лишь беглым взглядом. «Доброе утро, Нинон». — «Доброе утро, мастер Шантей». — «Займись, пожалуйста, заготовками накопителей, они будут нужны во второй половине дня». — «Хорошо, мастер Шантей».

И — все! Рабочий процесс хмурый и даже не приносящий обычного удовольствия под гнетом все возрастающего напряжения.

Приступить к нему я, правда, не успела. На стол передо мной вдруг лег сверток зеленой бумаги, перевитый бежевой ленточкой.

— Что это? — Я вскинула глаза на мастера.

— Подарок от моей матери. Она просила передать... — Макс скривился, как первоклассник, которого заставляют поздравлять с днем рождения полужнакомых дальних родственников. — «За такой красотой нужен достойный уход».

— Ой, что вы, это же неудобно... — пролепетала я, растерявшись.

Мужчина фыркнул и вернулся за свой рабочий стол, демонстрируя, что порученное дело он выполнил, а значит, разговор окончен. Я одарила его спину насупленным взглядом, но в очередной раз затолкала куда поглубже порыв выяснить отношения. Вместо этого со вздохом развернула сверток, гадая, что же там...

В упаковке обнаружился поблескивающий хрусталиками цветного стекла и эмалью гребень.

М-да. Похоже, нездоровая любовь к кудряшкам — это наследственное!

Сегодняшний день оказался на редкость непростым. Работа с накопителями сама по себе мелкая, трудоемкая, утомительная, а потом их надо было еще и заряжать... Тут уже вымотались мы оба, так что, заметив, что стрелки часов подоברались к заветной цифре окончания рабочего дня, я не сдержала облегченного вздоха, устало потерла глаза и начала собираться, нарочито шумно раскладывая вещи по своим местам.

Это сделалось уже своеобразным ритуалом — дать понять мастеру Шантею, что скоро его начнут выгонять!

Тот, однако, не обращал на мою возню никакого внимания. Я старательно и сердито зашуршала каталогом. Несколько раз плюхнула книги из одной стопки в другую. Погремела карандашами в жестяной банке. Наконец он не выдержал, вскинул-таки голову и посмотрел мне в глаза.

— Нинон, ты можешь идти домой.

Смысл фразы мне не понравился. Я надулась и отвернулась к своему рабочему месту, бесцельно передвигая листы бумаги, перья и карандаши.

— А вы?

— А я останусь и буду доделывать заказ, — твердо ответил Макс. — Только, Нинон...

Я насупилась еще сильнее, предвидя, что последует дальше. Однако дальше последовало неожиданное.

— Пожалуйста, пойми ты наконец, — с внезапной мягкостью проговорил мастер. — Тогда, в ту ночь, я был очень рад, что ты дома, в безопасности. И когда увидел, что ты не подчинилась, не ушла, я испугался, понимаешь? Мне было очень страшно за тебя. Поэтому сейчас пообещай мне, что ты пойдешь домой. Не отправишься геройствовать, собирать материал для шедевра или делать прочие, несомненно, важные дела. А пойдешь домой!

У меня сердце екнуло от этого неожиданного признания. И еще — от тона, каким оно было произнесено. От измученно-ласкового взгляда.

Хотя взгляд, возможно, мне и примерещился...

Я сморгнула растерянность и вернулась к теме нашего противостояния, непримиримо сложив руки под грудью.

— Хорошо. Но тогда и вы пойдете домой!

— Нинон, у меня из-за ранения и больничного скопилось много работы. Я должен ее доделывать. В конце концов, мне за это платят. Тебя же никто ни к чему не принуждает. — Теперь мастер смотрел на меня устало и как-то тоскливо-обреченно.

Кажется, последние дни дались ему куда тяжелее, чем я думала. Ну и как его, такого замученного, оставить работать

одного, без помощника? Я на него, конечно, зла за незаслуженную холодность не держу, но не настолько же!

— Мастер Максимилиан, вы вообще-то только что выписались и еще полностью не восстановились. И если я уйду из мастерской, то только вместе с вами. В конце концов, рабочий день подмастерья заканчивается тогда, когда заканчивается рабочий день мастера. А в одиночку вам здесь будет слишком тяжело.

Я твердо решила, что именно на этой позиции и буду стоять насмерть. Домой, значит, домой. Но вместе.

Мастер Шантей устало потер раскрытыми ладонями лицо, посмотрел в окно, где уже забирали власть светлые сумерки, отмечая близкое окончание короткого октябрьского дня, обреченно вздохнул и сдался:

— Хорошо. По домам.

— Отлично! — возликовала я, одним широким жестом смела тщательно раскладываемые до этого принадлежности в ящик и подскочила, подхватывая, чтобы убрать, коробку с рассортированными остатками.

Макс тоже поднялся и направился к вешалке, пробормотав на ходу:

— О боги, о чем я думал, когда брал девочку-стажера?

— О том, что вам нужен талантливый и толковый подмастерье! — охотно подсказала я, водрузив коробку на место и приближаясь к нему.

— Дисциплинированный, Нинон. — Макс смерил меня строгим взглядом. — Мне нужен был дисциплинированный и исполнительный!

Я ухмыльнулась в шарф: ругайся-ругайся! Только прочь не гони.

А то ведь так и загнешься над своими гениальными побрякушками, и даже мозги вправить будет некому. А пока я здесь, ты про время не забудешь, Макс. И домой уйдешь, когда нужно: не можешь же ты издеваться над бедной девушкой? Не можешь! Совесть не позволит. Главное, сейчас надо будет выудить обещание, что ты не вернешься тайком в мастерскую, проследив, что я скрылась за углом, а поедешь домой отдыхать...

На улицу мы вышли вместе. Темнело стремительно — над городом нависли тяжелые черные тучи, и ветер поднялся, одним рывком выдергивая волосы из пучка и старательно засовывая мне их в глаза, нос и рот. Я, отплевываясь, зажмурилась и накинула капюшон, бдительно дожидаясь, пока мастер спустится по лестнице и взмахнет рукой, подзывая свободный экипаж — один из нескольких, стоящих неподалеку вдоль проспекта.

Вместо этого Макс нахохлился, поднял воротник куртки и, кивнув мне на прощание, направился вдоль улицы, прочь от пролетов.

— Мастер Шантей! — не выдержав, окликнула я и уточнила: — Вы же не собираетесь вернуться в мастерскую, когда я уйду?

— Нет. — Он усмехнулся моему колюче-подозрительному взгляду. — Клянусь! Я просто хочу пройтись. Проветриться.

Да уж, проветриться сейчас получится от души! Я поежилась, поглубже засунула руки в рукава и, бросив последний взгляд на удаляющуюся спину мастера, поспешила домой. И правда, пусть воздухом подышит.

Только бы под дождь не попал.

А этот самый дождь разошелся не на шутку. Он начал моросить мелкой пылью, еще когда я только подходила к дому, а теперь над головой стоял гулкий шум, словно кто-то из всех сил барабанил в крышу — ну пусти меня! С оконного козырька вода стекала и вовсе сплошной стеной, сужаясь затем в тонкие ниточки и сливаясь с падающими с неба каплями.

Я поежилась и покосилась в ковш с тающим на дне ломаным шоколадом. Удачно я сегодня прикупила его по дороге, в такую погоду самое то усесться на подоконнике, завернувшись в шкуру, с книжкой и кружкой сладкого горячего напитка. Делать, обжигаясь, маленькие глотки и смаковать расцветающий на языке вкус какао и молока с нотками ванили и корицы.

По комнате уже начал расползаться одуряющий аромат, я нетерпеливо переступила с ноги на ногу в натянутых по случаю непогоды теплых разноцветных носках, устав сглатывать набегающую слюну. Затем осторожно взялась прихваткой за длинную металлическую ручку, занесла ковш над чашкой... и застыла, прислушавшись.

Спустя пару мгновений стало ясно, что послышавшийся сквозь барабанную дробь дождя стук в дверь мне не померещился, потому что он повторился на тон громче, да еще и дополнился требовательным «Нинон!», произнесенным знакомым до нервной чесотки между лопатками голосом.

От неожиданности я как была — в старом растянутом свитере, носках да с ковшом в руке — так дверь и распахнула.

— Это что? — вместо приветствия пусть и не мокрый насквозь, но весьма «подмоченный» Макс с интересом уставился на ковш и даже подался вперед, чтобы туда заглянуть. — Средство обороны от внезапных гостей с последующим выливанием им на голову раскаленной смолы?

— Что вы тут делаете? — возмутилась я, едва поборов порыв

прижать горячую посудину к груди.

— Гулял поблизости, попал под дождь, решил, что Кудряшка, столь трогательно заботящаяся о моем драгоценном здоровье, не оставит меня мокнуть на улице. Так я пройду? — произнес он, уже закрывая за собой дверь.

Я в этот момент успела подумать, что горячий шоколад справится с отваживанием непрошенных гостей ничуть не хуже раскаленной смолы, но вовремя вспомнила, что третья категория еще не получена, значит, прима-мастер мне пока пригодится. Да и шоколад жалко...

А Макс тем временем уже стащил куртку, каким-то по-хозяйски привычным жестом пристроив ее на крючке, и даже ботинки. Мне оставалось только одарить недовольным взглядом его спину и вернуться на кухню, стараясь при этом не сопеть и не пыхтеть. Я поставила ковш обратно на плиту, решив, что придется отложить шоколад до того момента, когда артефактор соблаговолит убраться. Покосилась на стоящую рядом пустую чашку... вздохнула и полезла в шкафчик за второй.

— Зачем вы все-таки пришли?

Мы оба сидели на широком подоконнике. Я — забравшись на него с ногами, упираясь спиной в подушки и сжимая кружку обеими руками, одновременно греясь и сохраняя ее тепло. Он — прислонившись к холодному стеклу и вытянув ноги, пока только принохиваясь к напитку, словно подозревал, что я могу его отравить.

Нет, я не то чтобы сомневалась в его словах, просто видеть Макса где-то помимо мастерской, а уж тем более у меня в квартире было как-то... странно. Необычно. Интересно. И казалось просто невероятным, что он оказался здесь по воле случая.

А еще он снова был нормальным. Не отвел взгляда, не шарахнулся от протянутой кружки. Снова улыбался. И от этого глубоко внутри меня плавился холодный комок, который не растопить горячим шоколадом. Даже не подозревала, что мне настолько не хватало привычного Макса. И хотела бы я знать, чего же он там такого надумал, бродя по сумрачным осенним улицам Лидия...

— А это что, недостаточно веская причина? — Мужчина кивнул за окно, и в ответ на его слова пелену дождя прорезала яркая вспышка, а спустя пару секунд волна докатившегося грома заставила дружно звякнуть посуду на полке.

Я поежилась и признала, что да, веская. Застань меня такой ливень в дороге, я бы тоже, наверное, не постеснялась к нему домой заскочить. Или постеснялась бы?

Пока я предавалась этим мучительным размышлениям, Макс, решившись, отхлебнул шоколад и тут же блаженно зажмурился.

— Вкусно. Что ты тут намешала?

— Секрет! — Я и сама сделала маленький глоток, покатала его на языке, смакуя, наслаждаясь оттенками вкуса. Шоколад успел чуть-чуть остыть и уже не обжигал, а только приятно согревал.

— Буду пытаться, — пригрозил мастер, угрожающе щуря серые, с хитринкой глаза.

— Ха! Да я после нескольких недель работы с вами уже ни к каким пыткам невосприимчива!

— О, ты меня недооцениваешь.

Его рука вдруг метнулась ко мне, подныривая под ступню, и тонкие чуткие пальцы, привыкшие к точной работе, безошибочно нашли именно такое место, что я даже чуть взвизгнула от щекотки, подпрыгивая. Драгоценную кружку из рук тем не менее не выпустила, зато щедро плеснула шоколадом на пальцы.

— Это подло! — возмутилась я, вскидывая руку, чтобы не закапать свитер и ноги и отставляя чашку в сторону.

— Кудряшка, для будущего великого артефактора ты просто преступно неловкая, — покачал головой Макс, пододвигаясь ближе.

И прежде чем я успела еще что-то сказать, он ухватил меня за запястье, дернул его на себя и лизнул! Подхватил языком тягучие шоколадные капли, грозящие заляпать все вокруг.

Я даже рот приоткрыла от изумления и потеряла дар речи, а мастер, не обращая никакого внимания на застывшую соляным столбом стажерку, торопливо поднялся выше по тыльной стороне ладони и остановился, только уничтожив последнюю коричневую полоску на указательном пальце. А потом вскинул на меня глаза, не выпуская его из губ. Посмотрел. Пристально. Оценивающе. Испытующе. Насмешливо. Словно вопрошая — ну, что ты на это скажешь?

Я же продолжала сидеть, не шевелясь, поджав ноги и судорожно вцепившись другой рукой в край свитера. Макс опустил ресницы, разрывая затянувшийся зрительный контакт, но вместо того, чтобы отстраниться и сделать вид, что ничего не произошло, коротко куснул меня за палец, прижался губами к ладони, щекоча дыханием, короткими поцелуями спустился к запястью, снова вскинув голову и произнес:

— Нинон...

Но как произнес! Словно карамельку во рту перекатил, сладкую, льдистую. У меня внутри от этого низкого, будоражащего голоса все кувыркнулось, сердце подпрыгнуло и

заколотилось с бешеной силой, а по позвоночнику пробежали колкие мурашки. Горячие пальцы сжались и потянули на себя, едва-едва стоит дернуться — тут же разожмутся, выпуская на свободу, а мастер Шантей мгновенно забудет обо всем, снова будет обзывать Кудряшкой, улыбаться снисходительно и подначивать девчонку-подмастерье.

А я ведь, в конце концов, уже взрослая женщина!

Поэтому поддалась, подалась вперед, рука сама собой на плечо легла. Хорошо так легла, удобно, и плечо под ней широкое, сильное. Медлить и выжидать Макс больше не стал, уверенно привлек меня за талию, пробежался коротким взглядом по лицу, пытаюсь разглядеть на нем тень сомнений, а потом тут же накрыл мои губы своими, вовлекая в долгий, чувственный поцелуй. Тот самый, от которого и дыхания не хватает, и оторваться невозможно, и жадно хочется еще, еще, больше и больше. Руки сжались на талии, сгребли в охапку, прижимая теснее, еще теснее. Теперь уже не убежишь, не отпустит.

Да и пусть только попробует отпустить!

Ладони скользнули по спине, добрались до шеи, затылка, стащили ленту с волос, рассыпая их по плечам шоколадным блестящим каскадом. Макс едва ли не зарычал утробно, запуская пальцы в упругие локоны, хватая целую пригоршню, пытаюсь удержать все богатство — наконец-то! мое! — мягко потянул назад, заставляя запрокинуть голову, скользя поцелуями по подбородку, шее, утыкаясь в шерстяную преграду свитера.

Я вспыхнула от этих прикосновений как спичка. Как сухой бурелом от удара молнии. Мгновенным ярким пламенем — будто все время только этого и ждала. Поцелуев тут же стало мало, нестерпимо хотелось чего-то большего. Например, для начала — стянуть с него рубашку, да только мысли путались, дыхание сбивалось, а пальцы то тянулись к пуговицам, то судорожно стискивали ткань, когда Макс лизнул ухо да ухватил тут же зубами, мягко-мягко, но от этого по всему телу пробежала щекочущая дрожь, а в животе тягуче, сладко екнуло в предвкушении.

Он отстранился на мгновение, заглянул в глаза, удовлетворенно улыбнулся и, обхватив ладонями горящее лицо, снова притянул к себе, осыпая частыми беспорядочными поцелуями.

Мои пальцы соскальзывали с пуговиц, пуговицы упрямо цеплялись за петельки, один раз я даже хныкнула от бессилия, а Макс и не думал мне помогать, только отвлекая горячими, жадными губами, от которых было невозможно оторваться. Зато настала его очередь вздрагивать от разбегающихся ручейками

мурашек, когда я наконец отвоевала у рубашки доступ к телу.

Ладони легли на разгоряченную грудь, погладили гладкую кожу. Я вдруг растеряла всю запальчивую уверенность, задумавшись, а не слишком ли тороплюсь. Что Макс подумает?..

А, пусть думает что хочет!

Красивые у него руки, сильные. По ним приятно скользить ладонями и чувствовать, как напрягаются, вздуваются мышцы. И плечи красивые, а на загорелой коже мои пальцы еще тоньше и белее кажутся. И грудь красивая, вздымается широко, часто... Вдох — и Макс впиается поцелуем в шею, заставляя ахнуть от неожиданности. Выдох — и горячее дыхание обжигает нежную кожу за ухом, щекотно шевелит волосы. Вдох — зарылся в них носом, шумно втянул аромат. Выдох — и мои руки скользнули с груди ниже, на живот, гладят, дразнят у самого пояса брюк.

Не выдержал.

Нащупал край свитера и сорвал его с меня одним слитным движением, точно чулок. Холодный по сравнению с теплой шерстью воздух заставил поежиться и одновременно прильнуть к мужчине в поиске тепла. Макс тут же уткнул меня к себе на колени, руки и губы оставили в покое лицо и волосы и спустились ниже, к еще неизведанным горизонтам, неравномерно скользя по телу, словно не решаясь, на чем остановиться, на плечах, на тонких ключицах, на очерченных скромным кружевом полукружиях груди. Живот, спина, шея... на мгновение сжал ягодицы — все теперь мое! — и снова поднялся выше. А я задыхалась и гладила бархатистый ежик на затылке, запускала пальцы в короткие, еще влажные от дождя волосы на макушке, скользила ладонями по широким плечам, целовала висок, лоб, куда получалось дотянуться.

Новая вспышка и раздавшийся почти сразу грохот очень близкой грозы заставили нас обоих вздрогнуть, замереть на мгновение, глядя друг другу в глаза.

«Мамочка, что же я делаю?!» — мелькнула в голове восторженно-испуганная мысль, когда я сама нетерпеливо потянулась за новым поцелуем.

Макс охотно отозвался, а затем вдруг подхватил меня под бедра, заставляя обвить ногами его талию, и поднялся, без видимых усилий удерживая меня на весу. Я удивленно ахнула, вцепилась руками в плечи, прижалась еще теснее, оплетая его, как выюнок. Мастер сделал несколько шагов по направлению к кровати и остановился, прерывая поцелуй.

— Хорошо устроилась? — иронично поинтересовался он, а прозвучавшие в голосе хрипловатые нотки породили очередную волну мурашек где-то внутри.

— Ага. — Я утвердительно кивнула. На всякий случай — пару раз, так что кудряшки весело заскакали по плечам, на мгновение отвлекая внимание мастера.

— А теперь слезай и топай в кроватку ножками, — выдал он, звонко шлепнув меня по попе. — Твой потолок губит на корню романтические порывы.

Я задрала голову и убедилась, что еще немного и врезалась бы в покатую крышу затылком. Макс воспользовался этим, чтобы впиться губами в открывшуюся шею. Отшатнувшись от неожиданности, я таки легонько стукнулась и, нервно хихикнув, нехотя сползла вниз. Одновременно с этим пробежалась губами по смуглой шее, плечам, на грудь, не удержавшись, коротко лизнула, м-м, вкусный!.. увлечся Макс не позволил — резко развернул за плечи и снова подтолкнул в сторону кровати.

— Вперед.

— Как скажете, мастер Шантей! — сладко пропела я самым послушным из голосов.

Мужчина рыкнул, чувствительно цапнул меня за плечо и отвесил новый шлепок, куда более увесистый, чем предыдущий. Я пискнула и мгновенно юркнула в нишу, где располагалась кровать, решив больше не испытывать судьбу.

Долго ждать не пришлось, я едва успела развернуться, как каркас уже скрипнул, непривычный к двойному весу, и Макс навис надо мной грозной тенью, закрывающей свет лампы. Здесь было совсем близко к крыше и еще четче слышно, как поутихший дождь уже реже стучит барабанной дробью одному ему известного марша.

И я растворилась в этих звуках, в этих поцелуях, прикосновениях. Все в мире перестало иметь какое-либо значение. Все, кроме обнимающего меня мужчины. Он замер на несколько мгновений, вскинув голову и вглядываясь в мои затуманенные глаза, а я скользнула ладонями по напрягшимся мышцам рук, удерживающих его надо мной, обвила шею, потянулась жаждающе, требовательно и выдохнула единственное слово, что сейчас для меня было важно:

— Макс...

Другие и не потребовались.

Ощущать внутри медленные размеренные движения было непередаваемо прекрасно. Он то опускался вниз, придавливая меня всем весом так, что наши тела сливались изгибами один в один, то приподнимался на руках, пробегаясь жадным взглядом по раскинувшимся по подушкам кудрям, по горящему лицу, по телу, отзывающемуся на малейшее прикосновение. А я впивалась пальцами в его плечи, кусала губы, пытаясь удержать стоны, и...

взлетала. Все выше и выше, так что разреженный воздух не давал дышать. И на пике выгнулась всем телом, почти теряя сознание, лишаясь рассудка.

Финальный поцелуй — долгий, благодарный, удовлетворенный. А затем он опустил рядом. Я посторонилась — для двоих кровать была узковата — и, подумав, натянула на нас обоих одеяло, уютно прикорнув на плече, зажатая между стеной, потолком и мужчиной, словно в гнезде.

Гроза покинула город. Она еще злилась где-то далеко-далеко, швыряясь молниями и порывая громом, но здесь остался только шелестящий дождь, наполняющий тишину комнаты мерным, убаюкивающим шорохом. Я прижималась к теплому мужскому боку, чувствовала, как под ладонью бьется сердце, постепенно выравнивая ритм. И было хо-ро-шо!

Даже глупые вопросы задавать не хотелось: как? почему? с чего вдруг? Все принялось как данность, как самый естественный порядок вещей. Сразу объяснились все странности поведения мастера в последнее время. И эти непонятные взгляды, всякий раз что-то переворачивающие в душе. Теперь все встало на свои места, и хотелось только устало закрыть глаза и засыпать под морсящий шелест.

И он устал. Дыхание стало неторопливое, редкое, ленивое. Пальцы медленно перебирали волосы, зарывались в тугие колечки. И не дергал даже, сил нет. Только сминал то и дело целую горсть в кулак и отпускал тут же, позволяя рассыпаться шоколадным каскадом по плечам, моим, его, по подушке...

— Макс? — позвала я, все-таки не выдержав.

— М-м-м? — отозвался он, не размыкая губ, вальяжно, мурчаще, сразу стало ясно, что этот человек жизнью в крайней степени доволен.

Нос зачесался. Я потерлась кончиком о гладкую кожу, вдохнула теперь по-новому знакомый запах.

— Так вот ты зачем пришел! — И улыбнулась, довольная подначкой.

Он усмехнулся. Выдох щекотно коснулся лба.

— Вообще-то я пришел ухаживать с самыми серьезными намерениями... но в свете всего случившегося этот этап, полагаю, можно опустить и переходить к следующему. Ты выйдешь за меня замуж, Нинон?

Тело, кажется, еще быстрее мозга сообразило, что сейчас прозвучало. Я подскочила так резко, что Макс едва успел разжать запутавшиеся в кудрях пальцы, стукнулась макушкой о потолок, ойкнула и во все глаза уставилась на мастера, одной рукой потирая голову, а другой прижимая одеяло к груди.

— Что ты сказал? — пробормотала я, искренне надеясь, что мне померещилось.

— Повторить? — Макс расплылся в улыбке. — Нинон Аттария, ты...

— Не надо! — мгновенно передумала я и, зажмурившись, помотала головой.

Да так и замерла, пытаюсь согнать в кучу разбегающиеся мысли. Он это сейчас несерьезно? Или серьезно? Может, ему мозги ветром продуло? Мы же едва знакомы...

«Ага, — ехидно поддакнул внутренний голос. — Почти два месяца бок о бок в одной мастерской и сейчас голые в одной постели — это как нельзя более подходит под определение „едва знакомы“».

Я приоткрыла один глаз, бросая взгляд на лежащего рядом мужчину. Макс шевельнулся, укладываясь поудобнее, закинул руки за голову. Хотя сколь-либо взволнованным происходящим он не выглядел. Наоборот — вытянулся, весь расслабленный, и даже глаза прикрыл, с интересом глядя на меня из-под ресниц. Я потерла макушку в последний раз, растерянно взъерошила волосы и поморщилась, машинально раздирая спутанные кудри.

В то же мгновение выяснилось, что расслабленность мнимая. Рука взметнулась вверх, Макс ухватил меня за запястье и дернул на себя. Возмутиться я не успела — пальцы скользнули в шевелюру, бережно перебирая всклокоченные пряди. Я засопела, уткнувшись лбом ему в грудь. Я тут страдаю, а он о сохранности своих драгоценных кудряшек печется!

Нет, шутки шутками, а ведь Макс серьезно. Или нет? Я приподняла голову, и с надеждой вгляделась в его лицо. Мастер в ответ метнул в меня досадливый взгляд — кажется, моя возня мешала ему в его нелегком труде. Извращенец. Кудряшкоман. Но вроде бы не шутит. Я снова легла ему на грудь, прижалась щекой к гладкой коже. Зажмурилась.

Мне было откровенно страшно. Что ответить ему, что сказать? «Да»? Но ведь я не хочу замуж! Это не вписывается в мои планы!

Не так, не сейчас...

«Нет, я не согласна»? А собственно, почему? Максимилиан Шантей — прекрасная партия: родовит, обеспечен, умен и приятен внешне. Так почему нет?

Вот поэтому и нет! Я сейчас соглашусь — а он потом всю жизнь будет думать, что я соблазнилась его состоянием и положением...

...А откажусь — решит, что я девица легкого поведения, которой лишь бы весело провести время.

Захотелось побиться головой о стену. Но пока что в моем распоряжении имелась лишь грудь прима-мастера, конечно, широкая и надежная, но в твердости стене все же уступающая.

Катастрофа. При мысли о возможном замужестве внутри волной поднималась паника. Нет, ну это уже вовсе глупость какая-то! Успокойся, Нинон. Соберись и подумай.

Чтобы успокоиться, мне сейчас нужно было оказаться подальше от Макса, но он лежал рядом, расслабленный, спокойный, с кудряшками уже не возился, а просто лениво перебирал мои волосы, думая о чем-то своем, и не мешал мне разбираться с собственными мыслями.

Что ж, будем разбираться!

Отчего меня так напугало это предложение?

Ну, это просто. Он вон какой — умный, талантливый, именитый. Красивый. Старше насколько! Чем я могу его привлечь надолго? Да ничем. И сейчас-то непонятно, чем привлекла, кроме кудряшек! Он таких девиц видел-перевидел. Просто совсем недавно на него напали, он был на грани жизни и смерти и, наверное, многое переосмыслил. А вдруг он вот сейчас сказал это, а потом успокоится, отойдет и передумает?

Вот оно. Причина первая — я не уверена в Максе.

Я не хочу оказаться в положении девушки, которую бросили у алтаря. Я покосилась на прима-мастера... Ну, пожалуй, не у алтаря — не настолько он безответственный, но все равно. Я не хочу оказаться девушкой, которой сделали предложение, а потом передумали. Да. Так верно.

Но это причина про Макса. А про меня? Хочу ли я за него замуж сама по себе? Я так долго гнала от себя мысли о замужестве, отстаивая право сначала состояться как специалист, что вот так вот, с ходу, перестроиться не удавалось. И вообще, что он себе думает?! Моя жизнь давно и тщательно распланирована на много лет вперед, и тут — раз, врывается Макс, требует бросить все планы и отправляться под венец! Усилием воли задавив закипающее раздражение, я вздохнула. Нет, я понимаю — Макс меня дома не запрет и артефактику бросить не потребует, но... страшно! И непонятно, как дальше, что дальше...

Я попыталась представить, как ответила на его предложение согласием, как он представляет матушке меня — свою невесту... Во рту пересохло. Вот мы приезжаем ко мне домой, и я представляю его родителям, Макс торжественно просит моей руки и сердца, и мама солидно кивает на каждое его слово и заводит разговор о том, что школу можно бы и бросить, раз уж я все равно выхожу замуж...

Р-р-р! Ни-ког-да! Не пойду я за него замуж, пусть даже и не

надеется! Не дождутся! Все!

Я сердито засопела и снова выпрямилась, готовая произнести решительное «нет!», и пусть потом думает что хочет!

Макс вопросительно вскинул брови, глядя на меня снизу вверх. Я посмотрела в серые, внимательные глаза, полные теплой насмешки и безграничной нежности, скользнула взглядом по губам, которые буквально только что с упоением целовала, на грудь, на которой, как оказалось, очень вольготно и ложится, и думается...

— Я не могу... — вся решительность испарилась, оставляя после себя только лепет трехлетнего ребенка. — Не сейчас... не...

— Так это нет? — спокойно уточнил Макс.

— Нет! — излишне горячее восклицание вырвалось само собой. — В смысле, нет не нет!

Я окончательно запуталась в мыслях и показаниях и не придумала ничего лучше, чем по методу страуса нырнуть головой в подушку. Боги, за что?! За какие грехи прошлой жизни мне досталась эта бедовая кудрявая головушка?

— Нинон? — негромко прозвучало над ухом.

— У? — вопросительно промычала я из подушки, не меняя позы.

— Я, конечно, не специалист, но, кажется, в таких ситуациях девушки просто говорят «мне нужно подумать». Еще при этом можно мило краснеть, но с этим пунктом ты и так, я погляжу, вполне справляешься...

Я не выдержала и ткнула его кулачком. Потом перевернулась, сдула падающие на лицо волосы. Макс приподнялся на локте и смотрел на меня, словно даже слегка сочувствующе. Любовался. Желанию растаять под этим взглядом и согласиться на все что угодно я не поддавалась, вместо этого сурово насупилась и медленно с достоинством проговорила:

— Мне нужно подумать!

— Вот и славно.

Макс притянул меня к себе. Губы коснулись лба, разглаживая хмурые морщинки.

— Не переживай ты так, Кудряшка. Не тороплю я тебя. Как решишься, так скажешь, договорились? И не важно, когда это случится.

У меня разом гора с плеч свалилась — о, великая сила откладывания на потом, решающая все проблемы махом, — и я уже сама прильнула к мужчине в ответ на ласку. Мастер только улыбнулся.

— Спокойной ночи, Нинон.

— Аби! Как прошла твоя инвентаризация?

— Все живы, — лаконично известила любимое начальство дриада, собирая разбросанные по столешнице бумаги в идеально ровную стопку.

— Уже хорошо, — буркнуло вышеупомянутое в ответ и завозилось, разыскивая в ящиках стола душистый островной табачок.

— Охота тебе эту головную боль на себя регулярно взваливать? — пропыхтел О'Тулл, пуская трубкой клубы ароматного дыма.

— Охота! — непримиримо отрезала темнокожая зеленовламая красавица, распахивая окно. — Во-первых, порядок есть порядок, и учет должен быть во всем, а во-вторых... Пусть знает, карга старая, кто в доме хозяин!

Глава 8

Заботливое начальство, или О нетрадиционных методах лечения

Утро началось с неспешных поцелуев.

Спала я, прижавшись к его груди спиной, так и проснулась. От того, что рука, устроившаяся у меня на талии, подтянула меня поближе, а общее одеяло куда-то, словно само собой, сползло. Я прижалась к причине сползания одеяла теснее, подставила поцелуям не только плечи, но и шею сзади — там, где она так ярко отзывается на прикосновения. Выгнулась — к нему всем телом, мр-р-р, да-а-а, еще и вот здесь меня погладьте!

Утренняя близость. Сонная, теплая, нежная. Желанный, недопроснувшийся Макс. Шепчущий нежные, жаркие глупости на ушко. Целующий это ушко. Легонько прикусывающий мочку — и снова целующий... Руки, скользящие повсюду... Тонкие мужские пальцы — такие смуглые на моем незагорелом животе. Бедрах. Грудях.

Он меня все время прижимает и фиксирует, как будто боится, если отпустит, я вот сейчас вскочу и убегу. И — движения мужчины во мне, ощущения, подкатывающие все ближе. Нарастающие по экспоненте. Завершающиеся взрывом. Радость и чувство, будто ты не ты, а сотни мыльных пузырей, переливающихся всеми красками мира, невесомых и волшебных...

Макс поцеловал меня в плечо, куснул:

— Вставай, опоздаем! — Голос хриловатый, такой... волнующий!

Я в ответ потянула на себя одеяло, норовя в него завернуться:

— Мастер Шантей, я на работу сегодня опоздаю! — И, зарывшись лицом меж двумя подушками, добавила: — Все, Макс, иди!

— А ты?..

— А я у начальника отпросилась! — Я еще глубже закуклилась в одеяло... от души надеясь, что оно спрячет мою улыбку.

Улыбку-то спрятало, а вот отдельное мягкое место нет! Этот... этот... слов на него нет, как куснул, заставив взвизгнуть, а потом тут же словно и забыл про меня. Собрался, весело насвистывая и ухмыляясь, и ушел — только бодрые шаги на лестнице отстучали вприпрыжку.

Я полежала, вглядываясь в нависший над кроватью покаты́й

потолок, почесала нос, потом поняла, что совесть моя меня однажды однозначно погубит — ну такой же был шанс опоздать и не схлопотать за это (если не считать «схлопотанием» уже свершившуюся кару) — и на тебе. Не позволяет, поганка!

А потому пришлось резво подскочить и промчаться ураганом по квартире, хватаясь то за одно, то за пятое, то за десятое.

Макса я все-таки догнала. Через два квартала, прыгая на одной ноге, в не очень успешных попытках на ходу завязать шнурок. Мужчина обернулся назад, на шум, да так и остановился, засунув руки в карманы и с нескрываемым смехом в глазах наблюдая за моим приближением. Скользнул взглядом по надетой лишь на один рукав куртке, свитеру, сползшему с другого плеча, кое-как болтающемуся на шее шарфу, нечесаной гриве радостно торчащих во все мыслимые и немыслимые стороны кудряшек. Задержал его на наполовину засунутом в рот кривом бутерброде. Окончательно расплылся в улыбке.

— А где мой завтрак?

Ха! Не зря, ох, не зря я проработала с ним бок о бок столько времени.

Стараясь чуть убавить выражение искреннего и всеобъемлющего торжества на физиономии, я сунула руку в карман и извлекла оттуда еще более кривой (зато он больше!) бутерброд, завернутый в бумагу от конспектов, и вручила прима-мастеру как ценный приз.

И было в этом что-то упоительно-прекрасное — шагать рано утром по вымытому начисто городу, вгрызаясь на ходу в бутерброд, перепрыгивать лужи, выслушивать насмешливые замечания, безотчетно купаться в теплом внимании...

Но за несколько кварталов до мастерской в моей головушке зашевелились мысли о том, как бы поделикатнее отстать от Макса, чтобы и не выставлять на всеобщее обозрение внезапно случившиеся отношения, но и не оскорбить мужское самолюбие — он-то меня замуж позвал! Открыто и честно, а я... Достаточно обтекаемая формулировка все не находилась. Понаблюдав немного за моими мучениями, Макс хмыкнул и предложил купить пончиков в попавшейся по пути булочной, сообщив, чтобы я шла дальше, а он догонит. Бегал мастер куда хуже меня, а потому догнал, только когда я уже стащила верхнюю одежду и устроилась за своим столом.

И за эту тактичность я была ему невероятно благодарна.

Беспокоили меня в первую очередь не слухи о недостойном поведении незамужней девицы. В конце концов, о моей девичьей чести надо было думать еще год назад во времена первой, яркой и, как оказалось, стремительно-мимолетной влюбленности. А вот

рисковать своей репутацией специалиста мне хотелось меньше всего. Злые языки везде найдутся, чтобы раструбить — мол, Нинон Аттария пошла самым коротким, но не самым достойным путем к вершинам карьерной лестницы. И доказывай потом, что ты не верблюд и вообще он сам меня соблазнил! Подло и коварно!

Да и... То, что происходит между нами, касается только нас. Делиться этим с кем-то еще я не испытывала ни малейшего желания.

Подлый и коварный соблазнитель сейчас корпел над очередным заказом, почти уткнувшись в лупу носом. А что? Выцарапать на однокаратном рубине цепочку из трех рун — это не так сложно, как кажется на первый взгляд. Это еще сложнее.

При взгляде на сосредоточенно сдвинутые брови, встопорщенный русый ежик, напряженные плечи на лицо вылезла непрощеная улыбка, а в животе сладко екнуло от воспоминаний о вчерашнем вечере и сегодняшнем утре.

Я поспешно вернулась к работе, понимая, что отвлекаться да отвлекать мастера своими взглядами не дело, но улыбку эту задавить так и не смогла.

После выписки из больницы Макс все бурчал, что стражники, вскрывавшие в следственных целях сейф прима-мастера, перевероршили там все. Мол, и лежит-то оно все теперь неправильно, и найти-то он ничего не может, и дверца сейфового шкафа запирается из-за них плохо. Я по девичьей своей наивности как-то поинтересовалась — что такого стражники могли сделать с сейфом, чтобы винить в последней неприятности их, и получила изумивший меня ответ — они материалы свалили кучей, и те дверце мешают! Бедному больному прима-мастеру бедром ее при закрытии подпирать приходится...

Мысль навести в шкафу порядок его светлую (хоть и темно-русую) голову не посещала. Вот уборкой в шкафу я и решила заняться сегодня, не дожидаясь указаний свыше. Все равно если Максу будет нужна моя помощь, он позовет, если рыться в шкафу нельзя — запретит, а у меня сердце останавливалось и волосы дыбом вставали, когда я представляла, как бронированная дверца шкафа сдавливает хранящиеся внутри ценные ингредиенты и материалы.

По здравом размышлении я решила, что выполнить столь масштабную задачу одним махом мне не по силам, а значит, следует разбить ее на этапы. Предусмотрительно одолжив в общей мастерской большой ящик, я сгребла все, что хранилось на верхней полке, и свалила сию грудку в него. Ну а что? Все равно то, что могло перевернуться, уже перевернулось, что могло

разлиться — разлилось. Хуже, чем было, я все равно не сделаю. Я, если честно, не в силах представить, как тут можно сделать еще хуже!

Больше всего меня манила, конечно, отдельная ячейка, по сути, сейф в сейфе, и хранилось там самое интересное. И нос я бы туда сунула в первую очередь, но — увы! — она была заперта, как и положено, на отдельный ключ, а отвлекать Макса я постеснялась. У него там сейчас работа тонкая, вот отвлечется отдохнуть — тогда и попрошу отпереть.

А пока пришлось начать с открытых полок.

На данный момент верхняя из них была тщательно вымыта, насухо вытерта мягкой ветошью, а я раскладывала свою добычу обратно, попутно сортируя.

Так-с, что тут у нас? Это ценное, но в текущей работе моего мастера не требуется. Сдать Кайстен — пусть сама хранит, нам чужого не надо. И без того шкаф не закрывается. Это для одного заказа, это для другого, это для третьего. И как мне это все раскладывать? По видам материалов или по заказам? Надо у Макса уточнить, как ему удобнее будет. Освободится — спрошу, пусть пока так лежит, разложенное горками на столе. А вот это и вовсе не является материалом повышенной ценности, ну кто хранит в сейфе обрезки кожи, пусть это и кожа нарвала? В стеллаж!

Я совсем уже было высунула нос из-за своих развалов уточнить детали, когда в мастерскую вошел хозяин. Задавать вопросы Макс у я, ясное дело, тут же передумала, почтительно поздоровалась и снова нырнула в сортировку сейфовых залежей. Зато с удовольствием прислушалась.

Отношения между Боллиндерри О'Туллом и Максом Шантеем мало походили на традиционную связку «начальник — подчиненный». На прима-мастере держалась половина репутации и славы мастерской, и, несмотря на то что формальных прав у Шантея особо не было, лепрекон относился к нему как к младшему партнеру, а не наемному работнику. Хотя периодически и пыхал трубкой. Макс же прекрасно знал себе цену, имел немалое влияние на мастеров и солидный вес в Гильдии, и всем этим без зазрения совести пользовался в интересах общего дела. Так что отношения у них были полупартнерские. Но как уживались при таких условиях два столь непростых характера, я, убей боги, не понимала.

О'Тулл окинул одобрительным взором мастерскую, меня, зарывшуюся в разнородный развал мало не по уши, разложенный на мастерском столе почти законченный заказ. Обменялся приветственными рукопожатиями с Максом. Вздохнул.

— Вот что, Макс. Я сегодня в наше отделение стражи наведалься. Поинтересовался, как продвигается дело и скоро ли они разберутся во всей этой... гм... — лепреконе осекся, кинув короткий взгляд на меня, — бесовщине.

Ой, подумаешь, будто я ругательств не слышала. Мог бы и не утруждаться — я три года в общежитии прожила, а первую стажировку мы вообще в порту проходили!

— Так вот, — продолжил владелец мастерской, — меня заверили, что следствие ведется, что они непременно во всем разберутся, словом, толком ничего не сказали, а попросту вежливо вытурили. Я, конечно, надавлю где надо, и стражничкам нашим доблестным резвости-то прибавят, но! — Лепреконе вздохнул. — Сомневаюсь, что это чем-то поможет. Есть у меня мысль, что все это может быть связано с заказом на усиленные охранные артефакты для присутственных мест на время визита короля. Верю я в подобное слабо, но все же и такое может быть. Так что перед обедом соберу всех внизу и сообщу, что стражники дармоеды, мышей не ловят, а потому мастерская переходит на работу в авральном режиме с повышенными мерами безопасности. И теперь мы все друженько заканчиваем свои текущие заказы, и беремся за городской, и будем клевать его, покуда не избавимся, чтобы сдать и забыть как страшный сон. Но пока не сдали, придется быть осторожнее. А теперь, что касемо конкретно тебя, золотой мой.

Он посмотрел на моего мастера в упор.

— Макс, мне смертельно не нравится возня вокруг мастерской. Заметь, прима, именно вокруг твоей мастерской! Так что собирай вещички и вали-ка ты на Аргейдовы прииски. На две недели.

Я за своей сейфовой дверцей превратилась в чистый слух. Это что, Макса в командировку отсылают? Меня распирало любопытство в комплекте с десятком вопросов разом. Что там такое, на этих приисках? Там алмазы добывают, но артефактор-то им зачем? А если Макс уедет, то чем буду две недели заниматься я? В общую мастерскую переведут, наверное. Хорошо бы, конечно, за эти две недели приналечь на свою защитную задумку, потому что, когда Макс вернется, чувствую, мои вечера будут плотно заняты.

Я рискнула высунуть из-за укрытия любопытный нос.

Мой мастер смотрел на владельца мастерской молча, но вроде бы спокойно. С интересом даже. Значит, не возражает.

— Они давно просили Гильдию прислать кого-нибудь солидного ранга для переоценки их месторождения. Хотят повысить статусность. А ты у нас ранговый выше некуда. Срочные

штучные заказы ты закончил почти все, текучку я на Гильдию спихну — и лети, голубь! Чтобы я тебя в Лидии не видел. А я тут пока разберусь, что к чему. Защиту новую настрою...

Я сочувственно вздохнула за своим укрытием. О'Тулл свое детище — мастерскую — любил, и все нынешние неприятности дались ему нелегко. Он даже осунулся несколько, и рыжие бакенбарды не стояли воинственно дыбом. Я ему искренне сочувствовала, жаль только, помочь было не в моих силах.

А в целом я не могла разобраться, рада ли, что Макс, возможно, уезжает, или расстроена. С одной стороны, не придется терзаться всякими вопросами — как с ним держаться и как теперь себя вести на людях и наедине, как уходить из мастерской, вместе или порознь, а с другой... Я уже настроилась на отношения! Хотя сейчас мы и вели себя целиком прилично, я все равно всей спиной чувствовала его присутствие рядом. Мне нравилось это ощущение. И я, пожалуй, не хотела, чтобы все заканчивалось, толком и не начавшись.

— Хорошо, — отозвался Макс. — Сегодня и завтра до обеда мы подчистим хвосты по заказам, завтра после обеда выходной — как раз вещички собрать, и послезавтра можно выправить в Гильдии документы на экспертизу месторождения и оформлять нам командировку.

— Вам? — О'Тулл мгновенно сделал охотничью стойку. — С чего бы это — вам?

— А куда я стажера дену? — показательно удивился мастер Шантей.

— Я ее Дейдрэ передам! И даже попрошу, чтобы не слишком плохо с ней обращалась!

— Боллиндерри О'Тулл. — Голосом Макса можно было монеты чеканить, не то что слова. — Мой стажер едет со мной.

— Отлично! — Хозяин одной из лучших в городе (а значит, и в королевстве) артефактных мастерских воинственно встопорщил бакенбарды. — Только командировочные оплачивай ей сам!

— С чего вдруг? — лениво обронил Макс. — Мне по штату подмастерье положен? Положен. Вот он, подмастерье, в наличии. И его прямая обязанность — меня, мастера, сопровождать. А раз так — будь любезен, оплатить его труд согласно установленным договором правилам!

Я за своей надежной бронированной дверью затаилась, как мышь, и азартно блеснула глазами. Уши же мои, кажется, сами собой вытянулись и развернулись в сторону эпического противостояния Прославленного Скряги О'Тулла и Знаменитого Упрямца Шантея.

— Тебе положен подмастерье, а эта — только стажер! Какие

командировки? Какие командировочные? Опомнись, Макс!

Теперь я начинала понимать, как именно уживаются эти два непростых характера — с регулярными скандалами!

...К обоюдному удовольствию.

Торг, яростный, но короткий, закончился, и по его итогам было решено, что я еду. И командировочные мне положены. И даже в полном размере! Максом я в этот момент гордилась просто нечеловечески.

О чем и не замедлила сказать ему, выбравшись из-за своей баррикады, как только за начальством закрылась дверь. Макс ухмыльнулся с совершенно мальчишеским видом. Я хихикнула в ответ, пристроившись на край стола, правда, перед тем аккуратно убедилась, что не сяду на Максовы заготовки. Мастер же, вместо того чтобы сделать замечание подмастерью за излишнюю вольность, вдруг улыбнулся, примерился, да и сдернул меня со стола. На стул. На котором сидел сам. На колени себе, проще говоря. Я хотела сделать возмущенное лицо, но не удержалась и прыснула.

— Значит, Аргейд? — любопытствовала я, устроившись на любезно предоставленных коленях.

— Угу, — отозвался Макс, поудобнее перехватывая руки на моей талии и целуя в нос. Нос морщился, ему было щекотно, Макс вредничал и настаивал, я не вырывалась, но свой незащитный носик старалась убрать подальше от домогательств беспринципного прима-мастера. Было смешно и удивительно приятно. — Он самый.

— И что мы там будем делать? — спросила я, задирая нос. Очень зря, между прочим. Моя стратегическая ошибка открыла доступ к шее, и коварный Макс тут же этим воспользовался, прихватив нежную кожу губами. Потом подул на оставшийся от поцелуя влажный след. Я тут же постаралась прикрыть его подбородком и получила поцелуй в кончик носа.

— В основном ходить. Много и долго. Оценка месторождения — та еще тягомотина, а с алмазами полно дополнительных сложностей из-за некоторых специфических свойств. Тех самых, за которые их столь ценят. Но дело, в сущности, не сложное. Объемное просто. Контрольные замеры уровня магических жил по всей территории месторождения, контрольные замеры магической насыщенности камней из каждой партии. В случае если результаты окажутся спорными, одну-две партии добычи придется проверить вплотную. — Макс вздохнул и погладил меня по спине. — В общем, замеры, замеры, замеры. И алмазы, алмазы, алмазы, пока в глазах не зарябит.

Я утешающе взъерошила ему волосы. Макс потерял о ладонь

затылком и с жаром добавил:

— А когда зарябит — тоже алмазы!

Я намек поняла верно, прошлась по темным волосам снизу вверх повторно, потом сверху вниз, приглаживая взъерошенное. Не-а, никакой разницы не видно. Зато ощущения сказочные, непередаваемые, когда щетка коротких волос скользит под рукой. И моральная поддержка страдальцу оказана. На всякий случай я еще и затылок помассировала — чтобы уж точно утешился. Выходитель. Макс Шантей, взрослый мужчина, успешный профессионал, млел под моими пальцами, как кошка. Кот. Серый, полосатый и наглый. Тощий, сколько ни корми. У нас у соседки жил такой. Маменька все его жалела, подкармливала, бедолагу голодающего. Пока случайно не выяснила, что его еще по меньшей мере три хозяйки кормят. А две из них считают серого прохвоста своим. Я улыбнулась — страдания они с Максом изображали оба виртуозно.

— Что будете делать вы, мастер Шантей, я поняла. — Я потерла кончиками пальцев кожу над шеей. Потом саму шею чуть-чуть. — А вот что буду делать я?

Макс блаженно прикрыл глаза, не торопясь с ответом, и голову склонил, давая мне больше простора. Хм, у него болей, случайно, нет? Что-то слишком уж он наслаждается. Помяла пальцами шею, следя за лицом — вроде бы не морщится, значит, просто приятно. Устал, наверное... И не выспался сегодня. Макс снова вздохнул:

— Ходить, Нинон. И писать. Очень много писать. Я тебе разрешу делать дублирующие замеры, потом на отклонение сравним... А вообще, озаботься прочной, а главное, удобной обувью. Добыча ведется закрытым способом, ходить придется по камням, сама понимаешь. В шахте жарко, так что, помимо всяких осенних вещей, захвати и что-то легкое. Остальное — сама разберешься, что в поездке нужно. Инструменты никакие не бери — у меня есть дорожный набор, нам на двоих хватит. — Еще один поцелуй в кончик носа. — Из женских штучек нужное возьми.

Я слушала, задумчиво кивая. Макс подвел итог:

— В целом не переживай. При приисках есть городок добытчиков, в часе езды примерно расположен город побольше. Если чего-то не хватит — всегда можно будет обратиться к местным. Это вполне обжитые места. — А от нового поцелуя в нос я, будучи начеку, увернулась и позволила себе самодовольную улыбку.

Макс тоже разулыбался, только не тому же, чему я, и в ответ на мой демарш просто крепче стиснул объятия, шикнул:

— Не пищи, мы на работе!

И пока я молча извивалась, пытаюсь вырваться, поцеловал уже в губы как следует и от души. Я возмущенно задергалась. В ответ на это мужские пальцы побежали по спине, ласково сжали затылок...

А чего это я, собственно, так сопротивляюсь?

Макс опомнился первым. Отстранился, подышал. Бросил короткий взгляд на дверь — это он прав, хороши бы мы были, если бы сейчас сюда кто-нибудь заглянул! — и продолжил прерванный рабочий разговор. Хоть голос и приобрел приятную хрипотцу, а сердце под моим локтем билось чаще обычного:

— Так, наши планы на сегодня. Я заканчиваю заказ с рубинами, ты — уборку. До вечера уложишься?

Я кивнула:

— Быстрее улжусь.

— Хорошо. Потому что завтра у нас день будет короткий, и ты будешь занята документацией по заказам. Перед отъездом ее нужно сдать, иначе по возвращении Абиес с Кайстен объединятся и съедят нас живьем.

Я закатила глаза в ответ:

— Макс, бумаги в порядке! Там никаких хвостов нет.

Несмотря на это самоуверенное заявление, я все же решила после обеда забежать к обеим и спросить, все ли у нас сдано, что требуется. А то ведь эти и впрямь съедят!

Я поболтала ногами, уточнила:

— Мы слушать речь начальства пойдем или останемся работать?

Макс хмыкнул:

— Ерунда. О'Тулл знает, что мы знаем — этого довольно. Он не формалист. Нинон, я хотел с тобой серьезно поговорить.

— О чем? — насторожилась я. Кто бы знал, как мне не нравятся такие вступления в беседу!

— О безопасности. Пожалуйста, будь осторожнее. Ты сама видишь, что происходит. Мне совершенно это не нравится. — Против обыкновения Макс был предельно серьезен. Похоже, его и впрямь изрядно беспокоил этот вопрос.

Я погладила его по голове, короткие волоски шелково коснулись пальцев. Можно было бы ответить ему, что все происходящее до сих пор никаким боком не касалось временного стажера мастерской О'Тулла. Можно было напомнить, что за пределы той самой мастерской неприятности ни разу не вышли. Даже можно было помянуть, что сам Макс собственному совету не очень-то следовал...

— Хорошо, — вместо всего этого с легким сердцем пообещала я. — И ты тоже будь осторожнее, ладно?

Он пристально изучил мое лицо и кивнул.

Я ослепительно улыбнулась:

— Отлично! Тогда у меня такие вопросы...

Оставшееся время мы провели крайне плодотворно: я успела разобрать все полки в сейфовом шкафу, рассортировав хранящиеся в нем материалы по коробочкам, коробочки снабдив этикетками и расставив по видам. Переселила все, чему в сейфе не место, в стеллаж и собрала в одну горку материалы, подлежащие сдаче кладовщице. Неохваченной моим трудовым порывом осталась только та самая ячейка, манившая меня недоступностью. Макс закончил сборку заказа с рубинами и теперь легкими, ювелирными касаниями силы делал окончательную подгонку.

А на обед мы не пошли — ограничились пончиками, принесенными Максом утром.

Вообще стеллаж в мастерской прима-мастера Максимилиана Шантея меня немножко пугал. Недоброе предчувствие нашептывало, что, так или иначе, уборка этой многовековой свалки меня не минует. От таких мыслей хотелось сбежать с места прохождения стажировки с воплями и не оглядываясь. Надежда была лишь на то, что моя стажировка закончится и я успею удрать отсюда раньше, чем до нее дойдет очередь. Отогнав столь малодушные размышления, я обратилась к хозяину зловещего стеллажа:

— Макс, а где ключ от сейфовой ячейки?

Мастер, который как раз откинулся на спинку стула, чтобы отдохнуть, хмыкнул.

— А зачем он тебе?

— Ну, я бы и там убрала! — самым что ни на есть беспечным тоном отозвалась я, чувствуя, что вожаденная добыча вот-вот выскользнет из рук.

— Ну что ты, Нинон, там чисто! Не переживай, ты сегодня и так отлично поработала!

Я с нарастающим подозрением рассматривала русский затылок. Он что, издевается? Точно издевается. Знает же, как мне интересно, — вот и дразнит, вредитель. Стукнуть бы его! Вот как раз пресс-папье на столе стоит хорошее, мраморное. Тяжелое! Я мечтательно зажмурилась, красочно представляя, как вершу справедливость...

Макс мое молчание истолковал верно — обернулся, подмигнул и, чуть наклонившись, сунул руку под стол. Повозился там недолго и протянул мне маленький фигурный ключик. Я радостно сцапала его, немного недоумевая про себя — ну, надо же, разгильдяй-Макс ключи от сейфовой ячейки в тайнике

держит! А я думала, он на все инструкции чхать хотел.

Небольшая бронированная дверца, маленькая замочная скважина. Ключ вошел в нее мягко и без малейшего сопротивления, повернулся в замке — и тот вкусно щелкнул. Дверца сейфовой ячейки открылась, беззвучно повернувшись на петлях. Я моментально вычислила среди немногочисленных вещей, хранящихся внутри, предмет моего интереса — коробочку с артефактом, доставленным для экспертизы в первый день моей работы с Максом. Теперь вместо бечевки, крест-накрест обвязывавшей коробку и скрепленной свинцовой plombой сбоку, на стальную поверхность была наклеена неширокая бумажная лента, с росписью эксперта городской стражи о проведенном досмотре артефакта, и двумя отиснутыми в сургуче печатями — отделения стражи, проводившего следствие, и личной печатью эксперта.

— А на остальных артефактах такого не было! — Я с интересом показала Максy печати.

— Это стандартная процедура, — пояснил мне опытный прима-мастер, не первый год сотрудничающий с городской стражей. — Если нарушается целостность упаковки, как у нас, или, например, plombу с артефакта при проверке сорвать приходится, тогда артефакт обязательно запечатывают, подтверждая, что никто, кроме эксперта, доступа к нему не имел. А все остальные изделия здесь упакованы не были, так что на них такие строгости не распространяются.

Я поняливо кивнула. Нет, конечно, нас всему учили в школе, но... невозможно ведь хранить в своей памяти всю теорию, преподанную нам за семь лет обучения, разом! На практике оно как-то лучше постигается. Макс между тем продолжил обучать молодежь:

— В остальном для проведения проверки было достаточно присутствия владельца и двух свидетелей. И беса лысого О'Тулл позволил бы кому-то копать в его собственности в его отсутствие, даже если бы это и не было предусмотрено законом! — Макс хмыкнул, потянувшись на стуле и разминая уставшую спину. — Могу спорить на свою репутацию: Горшечник серьезно сунул кому-то на лапу, чтобы проверку проводили здесь, в этой мастерской, а не изымали ценности по описи для изучения их в отделении стражи!

Молодежь в моем лице поняливо хмыкнула — ясное дело, об этом на лекциях в школе не рассказывали!

Не выпуская из рук добытого, я заглянула в ячейку и обнаружила там сопроводительные документы к этому самому артефакту, небольшой кошелек с деньгами — заначка, что ли? От

кого только? Или это рабочие деньги на непредвиденные расходы? — и фантик от конфеты. Фантик я отправила в медную урну, и та благодарно приняла подношение, испепелив его еще на подлете. Правда, сделала я это не сразу, а после небольшого представления в духе «Мастер Шантей, посмотрите, какую ценность я нашла!» с почтительной демонстрацией оного и прочим глумлением над непосредственным начальником. Я ни мгновения не сомневалась, что эта шалость мне еще отойдется, но и удержаться было выше моих сил — в конце концов, он-то меня дразнил без зазрения совести!

А так — и счет выравнивали, и повеселились, и отдохнули. Все же конец дня уже. Устали.

Уверившись, что ничего ценного внутри нет, порядок в ячейке я навела в два счета — успела уже приноровиться за сегодня. А протерев металл насухо, призадумалась. Возвращать спецкоробку под замок мучительно не хотелось. Любопытство распирало, kloкотало и грозило того и гляди хлынуть наружу через уши. Но вот просить Макса показать, что же там, внутри, хотелось куда как меньше, особенно после моей собственной выходки. Наоборот надо было все делать, наоборот! Вот что мне стоило сначала попроситься одним глазком внутрь коробки взглянуть, а уже потом уборкой заниматься?

Я кусала губы и сосредоточенно рассматривала пустое нутро ячейки, раздумывая, как бы так подкатить к Максy, чтобы не дать ему возможности отказать. Макс же в это время рассматривал меня — я снова спиной чувствовала его взгляд.

— Нинон! — позвал он, вырывая меня из раздумий.

Я обернулась, вскидывая брови — что?

Взгляд. Улыбка. Такая теплая, такая ласковая — сердце просто защемило от недоумения. Это что, он вот так улыбается мне? И вся нежность во взгляде — тоже для меня, да? Пока я недоуменно хлопала ресницами, разглядывая Макса, он кивнул на коробку:

— Вскрывай.

— Да?! — с придушенным воплем восторга я коршуном бросилась на коробку, пока Макс не передумал и не отобрал игрушку.

Разорвала ленту. Сломала сургучную печать. Сняла крышку.

Я так не радовалась, даже когда мне на день рождения подарили артефактные серьги с жемчугом отцовской работы!

Макс же смотрел на мой восторг со снисходительностью матерого волкодава, которого забавляет щенячья суета вокруг добытой косточки.

Внутри лежало... нечто. Медальон. С цепочкой. Камни по

кругу, мелкая вязь рун по периметру. Я жадно взглянула на Макса, и он широким жестом разрешил:

— Проверь!

Я отправила легкий магический импульс в сторону артефакта. Сложная штучка. С наскока не разобрать. Я пошире расставила ноги, чуть смягчила колени, расслабила спину. Очень удобная, устойчивая стойка. Прикрыла глаза, сосредоточиваясь на внутреннем видении. Снова импульс в сторону лежащего на столе артефакта.

Нет, работа все же очень сложная. Но делал мастер — очень гармоничный узор энергетических потоков. Макс сделал бы лучше, он сторонник простых и элегантных решений, ревниво заметила я самой себе и продолжила изучение. На выдохе открыла глаза и отчиталась о проделанной работе:

— Артефакт связи. Категория — не ниже седьмой. Предположительно является центральной частью группы...

Н-да, не много же мне удалось установить... Я перешла на нормальный язык:

— К нему вообще-то должны прилагаться еще несколько штук устройств связи поменьше. Нет?

Макс развел руками — мол, чем богаты, тем и рады!

— Наигралась? Упаковывай!

Я охотно подчинилась и уточнила:

— А когда мы с ним работать будем? И вообще, чего от нас хотят?

— Хотят от нас полноценную экспертизу, как ты и прочитала в сопроводительных бумагах. Да, Нинон, не отпирайся, я видел, что ты сунула в них нос! Так что сначала — полная опись, а потом — прогон через все тесты, предусмотренные для таких случаев. Описание процедуры прочтешь сама, нужную литературу я тебе дам. А работу начнем, я думаю, по возвращении с приисков. Как раз должны будут доставить заказанные для нас реактивы и кое-какие материалы. Это все? Или есть еще вопросы? — иронично уточнил мастер.

Я, на протяжении его речи то стыдливо опускавшая глаза, то кивавшая, в зависимости от того, чего от меня требовала ситуация, тут же отозвалась:

— Есть! — И продолжила самым заискивающим тоном из имевшихся в моем арсенале: — А можно я сегодня пораньше уйду? Мне в школу надо, предупредить куратора, что меня две недели не будет. И на рынок хотелось бы, прикупить кое-что в дорогу...

А еще мне нужно было как-то ухитриться и суметь до отъезда заскочить к госпоже Асте. Во-первых, показать, что у меня

получается, во-вторых, посоветоваться по кое-каким вопросам, в-третьих, опять же предупредить, что уезжаю. Потому что, как подсказывало мне чутье, госпожа Аста — она, конечно, женщина старая, слабая. Но при необходимости всю городскую стражу подымет, построит и пропавшую ученицу искать отправит. А ученице — мне то есть — за такие вот выходы с исчезновением запросто клюку о спину ломает. Чувствовался в госпоже Асте характер. Да такой, что кого угодно в дугу согнет!

Макс кивнул — иди, мол! И вернулся к своей работе, только головой покачал. Ага, сама знаю — егоза! Я быстренько вернула артефакт в коробку, коробку — в ячейку, ячейку — на ключ, ключ — мастеру, мастера — в тайник... Ой, нет, размечталась! Ключ мастер убрал в тайник. Сам туда не полез. Я хихикнула своим мыслям и заперла сейфовый шкаф. Дверца, кстати, закрылась легко и непринужденно, ничего бедром подпирать не пришлось. О чем я и сообщила Макс, сдавая ему здоровенный ключ. Быстренько переложила все материалы, предназначенные к сдаче, в освободившийся ящик и уже примеривалась, как бы ловчее его ухватить, когда меня настиг вкрадчивый вопрос:

— Нинон, а что это ты делаешь?

Я с ответом замешкалась, и мастер развил свою мысль:

— Ты что, действительно собиралась его поднимать? И носить?

Я смутилась от такой постановки вопроса. Ой, подумаешь! Сердится, будто я в этот ящик расчлененный труп сложила...

— Я только материалы хотела сдать!

Прима-мастер смерил меня недобрый взглядом:

— Без кудрявых сдам! Все, Нинон. Ящик не трогать — сам отнесу.

И снова отвернулся к рабочему столу. Я улыбнулась сердитой макушке и умчалась на третий этаж, к Абиес, уточнять, что там у нас с документами. Потом обратно на второй, к Кайстен, с тем же вопросом. Макс, пока мы с темнокожей красавицей-дриадой болтали, успел отнести в кладовые мой ящик, отчего кладовщица встретила меня здорово подобревшая. Выслушала вопрос, благосклонно отмахнулась — иди, мол, все в порядке, и я радостно воспользовалась ее минутной слабостью. Влетела в мастерскую к Макс, скинула рабочий халат, косынку, которую по новой привычке теперь повязывала перед уборкой, пристроила на вешалку. С вешалки сняла свою куртейку, спохватилась, повесила назад и споро привела в порядок свое рабочее место, за которым сегодня толком и не работала, но все равно успела разворошить. Снова подхватила куртку, попрощалась и уже совсем собралась убежать, как меня настиг голос Макса:

— Нинон! Ты же помнишь, что мне обещала?.. Будь осторожнее!

Я закатила глаза и кивнула, про себя подумав, что к госпоже Асте, пожалуй, поеду извозчиком. Денег, конечно, было жалко, но раз сама пообещала...

Домой решила не забегать — отсюда, из старого центра, до школы было ближе, чем до улицы Зеленщиков. Потом на извозчике заеду. Я торопливо мерила шагами бульжную мостовую и любовалась городом. Нет, все-таки Лидий удивительно красив. За семь лет я к нему привыкла и часто не замечала окружающей действительности, но иногда будто просыпалась. Смотрела по сторонам, пила его взглядом и не могла напиться. А ведь это всего лишь мастерской квартал.

Мастерской квартал, с нарядными вывесками — то подвешенными на цепях над козырьками, то приколочеными над дверями. Некоторые вынесены над тротуаром на горизонтальные основы.

Лавки, лавочки, лавчонки. Большинство этих лавок устроено при мастерских, как у нас, но есть и просто торговые. Обширные витрины и выставленные у дверей лотки с товаром. Пестрые клумбы с поздними осенними цветами и горшки с ними же почти у каждой двери.

Здесь суета, здесь кто-то возвращается на рабочее место после обеденного перерыва, а кто-то только уходит на него. Идут по своим делам клиенты и просто случайный люд.

Солідные, старые здания — ухоженные, трепетно любимые владельцами. Они видали больше людей, чем девушка вроде меня может вообразить...

Вот в таком странном настроении, то ли лирическом, то ли осеннем, я и добралась до школы.

Куратор выслушал меня молча, покивал, нацарапал пером на листе случившейся под рукой бумаги перечень книг — о крупнейших местах добычи драгоценных камней нашего королевства, о порядке проведения экспертизы месторождений минералов различных видов для нужд артефактики и еще что-то зубодробительно-нудное. То есть нужное! Поинтересовался, как проходит разработка шедевра, получил самый уклончивый из всех обтекаемых ответов и, как ни странно, на этом успокоился. Строго-настрога наказал быть осторожной на приисках, не забывать, не посрамить, не рисковать. Не приставать с расспросами к мастерам и не запятнать честь родного учебного заведения. Я слушала, кивала, обещала. Вырвавшиеся на свободу кудряшки подскакивали, я думала: а открыта ли еще библиотека? Вот бы здорово одним заходом все вопросы решить и завтра уже

не приезжать, а посвятить день сборам...

Скептически оглядев меня, куратор только махнул рукой и пробормотал себе под нос:

— Знаю я вас, студентов! Вам только дай что-нибудь натворить!

На том и отпустил с миром.

Я шла к выходу по родным школьным коридорам и улыбалась им. Я провела в этой школе без малого семь лет. Я любила ее, как можно только любить место, которое не было твоим домом. Меня с моим списком еще ждала библиотека. И, надеюсь, так же меня ждал ее мастер-хранитель.

Повезло. Библиотекарь был на месте, и уже через пятнадцать минут я покидала ее гостеприимные своды, утяжелив свою сумку тремя солидными учебниками. Узнав, что они мне для поездки нужны, опытный хранитель библиотеки хмыкнул и многомудро выдал мне самые потрепанные из тех, что имелись. А я и не была против!

Извозчика я поймала легко, назвала свой адрес и снова залюбовалась городом — все же осень его красила необыкновенно. Был бы он живым, я бы непременно сказала ему — ах, этот сезон вам так к лицу!

Я взлетела по лестнице на пятый этаж. Вынула из сумки книги, сунула на их место вязание. Запасной комплект спиц. Приготовленный подарок для госпожи Асты — белый пуховый платок. Хорошо, что я озаботилась купить его заранее, а не оставила на последний момент как всегда! Пусть я и не сама его вязала, но зато это шерсть горных данжерских коз, и легче и теплее платков не встретишь по обе стороны гор. Ухватила кусок хлеба и, жуя на ходу, помчалась вниз, где меня ждала пролетка извозчика. Хорошо бы заявиться к госпоже наставнице не совсем уж поздно...

Я назвала новый адрес. Щелкнули поводья, и бойкая рыжая извозчицья лошадка звонко зацокала подкованными копытами по булыжной мостовой.

Госпожа Аста моему приходу обрадовалась, а ее кошки — нет. И то и другое было привычно, поэтому демонстративное кошачье презрение меня не расстроило, как раньше. Теперь я, наученная горьким опытом, тоже их показательно игнорирую. А до этого одна дурочка кудрявая им угощение таскала! Лучше бы сама лопала. Чай, печеночка куриная на моем столе не каждый день появляется.

Я вынула из сумки платок. Молча, с полупоклоном, на раскрытых ладонях протянула его наставнице. Та посмотрела — неподвижное морщинистое лицо, темные бездонные глаза. И

мудрость веков, поколений за этим взглядом. Приняла подарок. Сухая старушечья рука коснулась макушки то ли в благословляющем, то ли в опекающем жесте и сразу разорвала контакт, отпуская и позволяя встать. Я как ни в чем не бывало разогнулась и снова нырнула в сумку. Вынула свое вязание.

— Госпожа Аста, я хотела спросить...

Вязать «на глазок» я не решилась, опыт у меня не тот, а потому стащила в больнице Максову рубашку, ту самую, в которой он был в тот злосчастный вечер. Под предлогом «давайте, я выброшу, чтобы госпожу Эдору лишний раз не расстраивала». Макс поверил, и у меня появились размеры.

Кусочек мифрила, что у меня имелся, я распустила на проволоку. Тонкую, с паутинку толщиной. Для этого мне пришлось попроситься в мастерскую к Дейдрэ, на ее «холодное пламя». При попытке ювелира узнать, зачем я так изворачивалась, что она и сама поняла. Улыбнулась, выложила возле горна все принадлежности и, показательно не пытаясь помочь или проконтролировать, ушла. А когда я, жутко смущаясь, принесла ей деньги за пользование ее мастерской — так же улыбаясь, взяла. И я, и она прекрасно знали — шедевр соискатель очередного ранга должен делать сам. На свои средства и без посторонней помощи. Исключение — только для кровных родственников. Вот родительской мастерской я могла бы воспользоваться свободно. Даже помощь госпожи Асты была допустима лишь потому, что она работала в несколько иной сфере, а моя задумка лежала на стыке направлений. И тут уж я могла воспользоваться консультацией сведущего специалиста.

Мифриловая проволока, вытянутая мной собственноручно, напитанная моей силой и теплом, была переплетена с ярко-синей шерстяной нитью. Шерсти у меня было пять мотков, хотя должно бы хватить и четырех, но запас карман не тянет. А металла — всего один клубочек, маленький, увесистый, приятно греющий ладонь. Но его длины хватило бы и на два свитера, с избытком.

Проблема у меня возникла, как ни странно, не с вязанием и не с нитями. Проблема была со спицами! Они искрились. Кололи пальцы слабыми разрядами. К ним липла шерсть, и от них отскакивал мифрил. Нити путались, приходилось разбирать вязание, теряя настрой. И, наведя порядок, снова вызывать нужное состояние. Хоть с постоянными тренировками это и давалось легче, но нервотрепка умиротворению не способствовала!

Пока я объясняла суть своего затруднения и что уже успела предпринять, чтобы его разрешить, госпожа Аста задумчиво рассматривала злокозненный инструмент.

— Значит, ты пробовала брать каждый раз новый комплект, пробовала работать деревянными и даже хотела заказать гномам набор из пенного камня?

Я кивала, все больше подозревая, что что-то упустила и сейчас получу за это в полной мере. Госпожа Аста вздохнула:

— А смотреть ты на них пробовала?

— Да! — обиженно отозвалась я. Ну что я, совсем уж неумеха? — В первую очередь! Никаких следов негативного воздействия! Да и откуда бы ему взяться на четырех разных комплектах...

Госпожа Аста вздохнула еще раз:

— А не негативное влияние ты искала?

— То есть? — Недоуменно хлопнув ресницами, я взяла в руки спицу. Повертела ее — ну нет на ней никаких следов постороннего воздейст... Я замерла на середине мысли. Постороннего! О боги, светлые и старые, пошлите мне немножечко мозгов!

...Хотя вряд ли это спасет ситуацию, стремительно краснея, додумала я.

Это моя сила. Я же все это время силу не только в пряжу сливала — спицы тоже в руках были! Они заряжались и, перенасыщаясь, начинали стравливать избыток.

Очень хотелось побиться головой о стену. И одновременно провалиться сквозь пол. Так и не сумев выбрать, я просто продолжила сидеть на месте, пламеня щеками, ушами и, наверное, даже носом. Госпожа Аста рассматривала меня с интересом. И правда экземпляр редкостный!

— Смотри, милая, тут можно двумя путями пойти...

Я прекратила терзаться и обратилась в слух.

Проблема, не дававшая мне работать четыре дня, решалась в две минуты.

Отчитавшись о своих успехах (невеликих в связи с войной со спицами) и планах (в которых фигурировал алмазный прииск), я засобиралась домой. Мне предстояло еще найти извозчика, который доставит меня на улицу Зеленщиков, ибо над городом уже сгущались сумерки, а обещания я привыкла выполнять.

И слава всем богам! Потому что, когда я выскочила из наемной пролетки возле своего дома, там меня уже ждал Макс.

А на следующий день в мастерской, куда мы явились, соблюдая повышенные меры конспирации, выяснилось, что можно было и не гнать лошадей, спеша успеть сделать все дела сразу. В Гильдии, оказывается, еще не подготовили наши бумаги, и выезжаем мы не завтра, как планировали, а послезавтра в лучшем случае. Я опечалилась — мне хотелось на прииски и

новых впечатлений, да и Макс, поклевывший меня за меры безопасности, вдали от мастерской по логике должен был успокоиться.

Макс опечалился тоже и, решив взять бумажные дела в свои руки, отбыл по направлению к Гильдии артефакторов. Мысленно пожелав ее зданию устоять, я неспешно занялась своими делами — уборкой, бумажками и болтовней, ибо мастер мой, отправляясь на битву с гильдейскими бюрократами, иных указаний мне не оставил. Ну и хорошо — до обеда я себе занятие найду, а после обеда домой отправлюсь. В конце концов, распоряжения про короткий день никто не отменял.

Вечером накануне отъезда Макс ввалился в мою квартирку весь взъерошенный. Неудивительно в общем-то. Ему здорово пришлось побегать и еще больше — погонять всех вокруг, чтобы все необходимые формальности были завершены в срок и поездка не отложилась на еще какое-то неопределенное время. Кажется, мастеру самому не терпелось уже уехать из Лидия.

Никаких сдвигов в расследовании всех происшествий в мастерской по-прежнему не было, поэтому О'Тулл не переставая хмурил рыжие брови и по десять раз проверял замки на дверях, а Максу не давала покоя моя безопасность. На тему чего он не переставал меня долбить.

«И не смотри на меня так! Ты живешь одна, у тебя даже дверь — чистая видимость!..»

То ли он по призванию — лесоруб, то ли по гороскопу — дятел...

Я обреченно вздохнула и пропустила его внутрь. И самого Макса, и сверток в половину его роста, который он чуть ли не волоком тащил за собой. Втащил, разулся и, достав из кармана куртки нож, взялся за таинственную поклажу — срезал веревки, подцепил кончиком лезвия шершавую сероватую бумагу и ободрал многослойную упаковку.

Под упаковкой обнаружилась убойная в своей омерзительности, злобная деревянная рожа, расписанная багровыми синими красками, с губастой пастью и глазами-шарами.

Ритуальная маска квакиутль. Деревянная. Многослойная. Вполовину его роста. На чердак пятиэтажного дома. Пешком. Нет, лесорубы и дятлы тут определенно ни при чем. Баран! В его родословной потоптался упертый баран!

Я бы даже посочувствовала своему мастеру, не будь это целиком и полностью его личной инициативой.

Вырезана рожа была, надо признать, с немалым искусством. Я присмотрелась к ауре предмета, прислушалась к движению

магических потоков — артефакт, без вариантов. Не сторожевой, а скорее защитный. Заряженный. Старый, очень старый.

Ну, это ясно и без разглядывания — сейчас такие не делают. Не потому, что не умеют, а потому, что по закону за это полагается смертная казнь. И совершенно правильно. Защита защитой, но она не стоит пыток, страданий и смертей разумных существ, необходимых для изготовления таких тотемов...

Впрочем, использовать древние вполне разрешено.

Их мало, стоят они баснословно дорого, и для того чтобы легально пользоваться таким вот артефактом, нужно пройти через семь кругов бюрократического ада. И я даже не буду спрашивать Макса, где он ее взял. Печать соответствующего регистрационного органа сбоку болтается — и слава богам!

— Макс. Зачем? — простила я, усевшись на тумбочку под вешалкой. На ногах переносить столь сокрушительное проявление заботы было выше моих сил. При мысли о цене этой вот бандурины кудряшки в ужасе распрямлялись... — И вообще! Если уж у тебя имеется в заглавнике такая вот... — Я неопределенно покрутила рукой в направлении маски, подыскивая изящный эвфемизм слову «дура», не справилась и продолжила: — Такая вот! Почему ты ее в мастерскую не принес, когда там начались проблемы?

Сидя на тумбочке, глядя на него вот так — снизу вверх, чуть ли не запрокинув голову, я остро чувствовала себя маленькой девочкой, которую от великого ума угораздило связаться с взрослым дядей.

— Потому что проблемы в мастерской — это проблемы О'Тулла, — внушительно пояснил взрослый дядя. — А проблемы О'Тулла я решать не подражался!

И я почувствовала себя взрослой умной тетей рядом с малолетним хулиганом. По крайней мере подзатыльник отвести хотелось совершенно нестерпимо. Аж руки зудели!

...А потом пройти ладонью от затылка вверх, против роста волос, почувствовать, как щекочет кожу бархатистый ежик, обхватить загорелое лицо и целовать, целовать сумасшедшего. Куда придется — скулы, глаза с густыми короткими ресницами, лоб, нос...

...Упрямый рот.

Я сидела и грустно смотрела на мужчину снизу вверх. Пропала. Безнадёжно пропала.

— Макс! — ласково, как умственно отсталому напомнила я. — Тебя в этой мастерской могли убить!

— Всего не предусмотритишь! Я где только не бываю. — Драгоценный скатал обрывки упаковки в плотный рулон,

перевязал остатками бечевки, пристроил в углу. Да, в мусорное ведро это не поместится. А, потом вынесу! — Предложишь везде по тому развесить?

Я вздохнула и полезла в шкаф за инструментами. Это чудо артефакторской мысли нужно же еще и повесить!

Процесс затянулся, ибо изначально был непрост. Настройка на нового владельца у таких древних монстров происходила на крови, и если вы не члены племени, имеющие шамана соответствующей квалификации под рукой, то еще и с подпорками. Пентаграмма на стене, там, где будет висеть образина, отпечатки кровавых ладошек — один на обороте маски, три — на стене под ней, и артефакт квакиутль готов служить и защищать новую хозяйку!

Потом мне лечили раненую ладошку методами народной медицины — зализыванием и поцелуями, потом сочли необходимым провести оздоровительную профилактику всего организма...

Макс ушел далеко за полночь, чтобы чинно и благовоспитанно заехать за мной через несколько часов. А я почти мгновенно провалилась в сон.

И снились мне алмазы.

Один из вечеров в доме Шантеев

— Макс, когда ты, наконец, женишься? — Госпожа Эдора Шантей была настроена на серьезный разговор, а еще на то, чтобы не дать уклониться от одного сыну.

— Скоро! — отозвался тот, не отрываясь от возни с очередным артефактом, который он притащил из мастерской городской в мастерскую домашнюю.

Такого ответа госпожа Эдора не ожидала, но замешкалась лишь самую малость, подозрительно рассматривая спину сына, обтянутую тонкой тканью, мимоходом отметив, как мальчик похудел после лечения, это ужас какой-то, позвоночник выпирает — все позвонки пересчитать можно, — она быстро перебрала в уме всех подходящих знакомых девиц, крутившихся вокруг ее сына. Кандидатки в невестки не обнаружила, как и среди неподходящих знакомых. Да и незнакомых в последнее время вроде бы не появлялось... Оставался один вариант. Вариант был хорошенький до невозможности, мил, кудряв и симпатичен лично госпоже Шантей. Но уж больно юн.

Впрочем, это недостаток проходящий.

— Ну и когда? — после непродолжительного молчания, потраченного на все эти размышления, уточнила заботливая

матушка.

— Что — когда? — невинно переспросил ее сын.

Балбес великовозрастный. Как его коллеги выносят? Госпожа Эдора сына любила, но иногда испытывала непреодолимое желание стукнуть его тростью. Подавив этот недостойный зрелой женщины (а в скором будущем — свекрови и, как она надеялась, бабушки) порыв, госпожа Шантей ограничилась угрожающими интонациями в голосе:

— Макс!

— Мам, она боится!

— Чего? — недоуменно уточнила матушка. Мысль, что какая-нибудь девушка может всерьез бояться ее сына, у госпожи Эдоры в голове не укладывалась.

— А ничего, — подумав, отозвался ее сын. — Просто ее маменька слишком давила на дочь, убеждая, что в школе надо в первую очередь искать мужа. Вот теперь ребенок тянет изо всех сил и твердо намерен выйти замуж только после школы. Чтобы маменька, не дай боги, права не оказалась.

Госпожа Эдора прыснула в кулак, и сын, хоть в середине разговора изволивший повернуться к ней лицом, взглянул осуждающе. Она покачала головой и величественно вышла из домашней мастерской Макса. Сопровождаемая стуком трости, госпожа Эдора шла по своему дому и думала о том, что сын, кажется, подобрал супругу себе под стать. А еще о том, что дети — такие дети...

Сколько бы лет им ни было.

Глава 9

Дурдом всегда с тобой, или О дальних командировках

Мы должны были выехать рано. А потому благодаря одному виртуозному «лекарю» я совершенно не выпалась. Чтобы взбодриться, я сделала себе огромную чашку кофе и устроилась на подоконнике, сквозь полуопущенные ресницы наблюдая за проезжающими экипажами в ожидании того, который остановится у дверей дома № 37 по улице Зеленщиков. А в итоге в полудреме благополучно проворонила тот момент, когда Макс все-таки приехал, и стук в дверь стал для меня полной неожиданностью.

Мастер поцеловал меня, выхватил из рук кружку, опрокинул в себя остатки кофе, поморщился — холодный! — и подхватил с пола заготовленную с вечера сумку. Меня напоследок обуяла извечная предпутешественная паника под названием «о ужас, я наверняка забыла что-то очень важное!», но лезть в саквояж и перепроверять в пятнадцатый раз я все-таки постеснялась. Как говорится, деньги и документы при мне, все остальное — дело наживное.

— Ну что, стажер, готова узнать, откуда «слезы недр» берутся? — насмешливо поинтересовался Макс, оглядывая меня с ног до головы, словно тоже проверял — так, кудряшки на месте, ноги-руки на месте, можно ехать!

— Ой, можно подумать, я копеек не видела, — надулась я на снисходительный тон, наматывая на шею шарф. — Вы, мастер Шантей, видать, подзабыли, что в школе в обязательном порядке на Старские прииски возят. Аметисты не алмазы, конечно, зато я даже кайлом полсмены отмахала. Как выразился куратор, для воспитания уважения к будущим партнерам!

Макс, которому не очень-то нравилось, когда я возвращалась к почтительно-вежливому обращению за пределами мастерской, только фыркнул, тряхнул головой и посторонился, пропуская меня на лестничную площадку.

— Вперед, опытная моя. Карета подана.

Едва опустившись на сиденье, я поерзала, убедившись в его несомненном удобстве, а потом широко зевнула и, не задумываясь, пристроила голову на плече у заскочившего следом Макса. В конце концов, не выпалась я по его милости, вот и пусть терпит. Мастер против того, чтобы потерпеть, кажется, не

возражал, лишь только потрепал меня по кудряшкам.

Проснулась я, наверное, спустя часа три — вскинулась, не сразу сообразив, где нахожусь, протерла кулачками глаза, огляделась, часто моргая. Моя возня разбудила Макса, который тоже придремал, откинувшись на спинку сиденья. Сначала он открыл один глаз, потом вздохнул и выпрямился, потянувшись всем телом.

— Где мы сейчас?

Мои родные места находились в направлении прямо противоположном ведущему к Аргейдовым приискам, а потому окрестности мне были совершенно незнакомы. Я прижалась носом к стеклу, но ничего интересного за ним не обнаружила — темные, опустевшие поля с бурой полоской леса на горизонте да овраг вдоль дороги, поросший терновником, уже облетевшим, так что уцелевшие ягоды призывно синели в переплетениях тонких ветвей. Карета мягко покачивалась, изредка подпрыгивая на ухабах.

— Где-то на просторах нашего славного королевства. — Мастер тоже глянул в окно, но с куда меньшим интересом. — В обед должны быть в Санрине, это поселок километрах в пятидесяти от Лидия, к вечеру доберемся до Дарса, там и заночуем.

Я задумчиво кивнула — про Дарс я слышала, да и мало кто не слышал про дарский лен. А уж особая вышивка местных мастериц известна не только на все королевство, но и за его пределами. Жалко, приедем поздно, рынки, поди, будут уже закрыты, а то непременно прикупила бы что-нибудь себе на память и маме в подарок. А то стоит товарам покинуть пределы города, как цена на них возрастает в разы. Да я и по местным-то расценкам едва наскребу на две блузочки, если не хочу остаться без денег до конца поездки. Вот если бы удалось договориться на обмен, то...

Так, Нинон, ну-ка остановись. Ты не на экскурсию по королевству едешь и не за покупками, а в командировку!

— А далеко вообще до Аргейда? — внезапно спохватилась я.

Крупнейшие месторождения мы, конечно, наизусть заучивали, и дай мне карту, в нужное место я бы ткнула весьма уверенно, но не имела ни малейшего представления о расстояниях и времени в пути. Получив установку на две недели командировки, уточнить остальное я как-то не удосужилась.

— К вечеру третьего дня должны доехать.

— Три дня? — изумилась я, отрываясь от стекла.

— Надеюсь, тебя не укачивает, — хмыкнул мастер.

Я показала ему язык и отвернулась, вновь упершись лбом в

холодную гладкую поверхность. Мне вообще нравилось путешествовать. Хотя мои путешествия до сих пор и ограничивались поездками домой на каникулы да школьными экскурсиями. Мне нравилось это состояние — в дороге. Нравилось наблюдать за мелькающими обочинами и почти стоящим на месте горизонтом. Нравилось, что в голове от этого зрелища воцарялась какая-то восхитительная пустота, периодически сменяющаяся мелькающими образами и обрывками мыслей, связанных друг с другом путаными путями ассоциаций. Нравилось ощущение легкого безвременья...

А вот бьющее по лбу стекло, когда карета особенно сильно подпрыгнула на кочке, понравилось куда меньше!

Ойкнув, я отшатнулась, а сильные руки мгновенно ухватили меня за талию и оттянули подальше от дерущихся окон и поближе к теплому мужскому боку.

— Макс? — Я заглянула мастеру в лицо, откинув голову на любезно подставленное плечо. — А ты тоже в Лидийской школе артефактики учился?

— Ага, было дело, — кивнул мужчина, целуя пострадавший лоб.

Я попыталась представить Макса Шантея, прима-мастера и гения, ничего не понимающим и ни в чем не разбирающимся первоклассником и потерпела сокрушительное поражение. Вот выпускником — талантливым разгильдяем, которого наверняка в лицо костерили, а за глаза обожали все учителя, — еще куда ни шло. Интересно, а с чем он получал третий ранг? А четвертый? А звание примы?..

Я даже открыла рот, чтобы задать эти вопросы, но спросила почему-то совсем другое:

— А твои родители не возражали против твоего поступления?

Все-таки, как ни крути, а артефактика — занятие не самое престижное для человека его круга. По сути своей это же ремесло, точно такое же, как плотничество или ткацкое дело, разве что требующее, помимо «ловкости рук», еще и наличие магических способностей.

Макс издал смешной неопределенно-фырчащий звук.

— Если и возражали, то недолго. Я был немножко упрямый.

«Был»? И «немножко»? Да даже если Макс Шантей в юности был в десять раз менее упертым, чем сейчас, то я все равно не представляю, как госпожа Эдора с ним справлялась! Там, наверное, оставалось только махнуть рукой и надеяться, что ребенок не наделает непоправимых глупостей.

Кажется, скептическое недоверие все-таки отразилось на моем лице, потому что мастер ухмыльнулся.

— Зато господин Аттария, должно быть, с восторгом отнесся к тому, что дочь продолжает семейное дело.

— Да, папа был рад, — в окне промелькнуло какое-то яркое пятно. Я с любопытством вытянула шею и подалась вперед, чтобы разглядеть, что там было, но потом передумала и забилась обратно под уютное «крылышко».

— А мама?

Пришлось с сожалением признать:

— А мама не очень. Она полагает, что для продолжения семейного дела достаточно и трех сыновей, а девушке из хорошей семьи стоит озаботиться в первую очередь не карьерой, а тем, как поудачнее выйти за... — Я осеклась и внутренне сжалась, метнув на Макса короткий взгляд. Он слово держал, и вопрос о предложении с первой ночи больше не поднимался, а оттого мне как-то вдвойне неловко было затрагивать эту тему.

В сером взгляде же, наоборот, мелькнули задорные искры.

— Кажется, кое-кто тоже был «немножко упрямым», — развеселился Макс.

Я не сразу сообразила, какой вид принять — невинный или возмущенный, поэтому, боюсь, он получился самодовольным, так что пришлось отвернуться к окошку, скрывая улыбку.

К позднему вечеру мы и впрямь добрались до Дарса, вот только все желание бегать по рынкам в поисках блузочек подешевле из меня было успешно выбито ямами и кочками размытых осенних дорог. Под конец дня на таких, казалось бы, удобных поначалу сиденьях я отсидела себе уже все, что можно. Отчаянно не хватало возможности выпрямиться во весь рост и пройтись, разминая ноги, ныли и спина, и копчик. На ровных участках дороги от плавного покачивания мутило, на ухабистых — трясло так, что зубы клацали. Из кареты я выбралась, едва сдерживая старушечье кряхтение, а оказавшись в своей комнате на постоялом дворе, блаженно вытянулась на кровати во весь рост, не раздеваясь, и почти сразу отключилась. Кажется, Макс приходил будить меня на ужин, но я отмахнулась от него в полусне и только глубже зарылась в подушку, мельком подумав, что путешествия я теперь люблю куда как меньше!

Утром после крепкого сна, короткого душа и обильного завтрака мне похорошело, но — увы! — ненадолго. И вновь путь-дорога по уже знакомому распорядку: четыре часа — обед, четыре часа — привал для лошадей, перекус и еще три-четыре часа уже в темноте и нетерпеливых попытках разглядеть огни на горизонте.

Третий день дался особенно тяжело. От постоянной качки уже тошнило, однообразные пейзажи за окном навевали неимоверную скуку. И от желания выйти из кареты и отправиться

в Аргейд пешком, несмотря на слякоть и морозящий, а то и полноценно бьющий в окна кареты дождь, спасал только Макс, отвлекающий то разговорами обо всем на свете, то ценными указаниями в связи с предстоящей работой, то внезапной проверкой моих знаний.

Я придремывала в полубессознательном состоянии, когда чернильные сумерки за окном вдруг разогнал желтый фонарный свет, а лошадиные подковы куда бодрее застучали по деревянной мостовой. Через несколько минут раздалось громкое «тпру-у!» и карета плавно остановилась. Зычный голос кучера известил:

— Аргейд. Прибыли, господин Шантей!

С меня от этого радостного известия аж весь сон слетел, и сил прибавилось. Я выбралась из кареты, опершись на руку Макса, и с удовольствием потянулась до хруста в костях. А затем задрала голову, разглядывая массивную деревянную вывеску во всю длину фасада трехэтажного дома, перед которым мы остановились: гостинный дом и ресторация «Бриллиант Аргейда». Куда деваться! Не постоялый двор и трактир, а гостинный дом и ресторация! Интересно, а у них в меню картошка с мясом или «картофель, запеченный в горшочке с талийскими травами и мясом, по-кафаронски в белом соусе»?

Ох, про еду я это зря — живот, быстро сообразивший, что мы наконец приехали, громко востребовал недоданную ему за время пути пищу. Хорошо хоть Макс с кучером в это время доставали сумки, и его концерт никто не услышал.

Вопрос пропитания занял меня всерьез, и я отстраненно мечтала то о куриных крылышках, то о бараньих ребрышках, пока мастер обменивался любезностями с распорядителем, и встрепенулась лишь при вопросе:

— Желаете отужинать внизу или подать еду в комнаты?

Макс бросил на меня короткий взгляд, и уголки губ дрогнули в улыбке.

— Поедим здесь.

По мановению руки шустрый мальчишка занялся нашими сумками, а мы направились к приветливо распахнутым дверям «ресторации».

— А здесь неплохо, — все-таки не сдержала удивления я, усаживаясь на любезно отодвинутый для меня резной стул.

Накрахмаленная белая скатерть, свечи, небольшая композиция из цветов, хоть и засушенных. Городок при приисках мне представлялся как-то совсем иначе.

— Аргейду уже больше полутора сотен лет. — Мастер устроился напротив, расслабленно откинувшись на спинку. — Алмазы сами по себе — дело весьма прибыльное, а уж алмазы,

годные для артефактных нужд, вообще клад. Городок небольшой, но весьма процветающий. Здесь почти все работают либо в шахте, либо на сопутствующих производствах. Очистка, обработка, огранка, оценка, продажа. Проще все делать на месте, чем везти до ближайшего города с риском ограбления. Вот и растет Аргейд и развивается.

— Но зачем им тогда повышение статуса? — Я бросила нетерпеливый взгляд на двери кухни. — Еще больше денег хочется?

— Денег много не бывает, — согласился Макс. — Но есть подозрения, что дело не только в этом. Алмазы здесь добывают уже очень давно. И уже несколько десятков лет как перешли на подземный способ. Добыча становится все дороже, а месторождение со временем, увы, не растет, а истощается. Так что вопрос скорее не в увеличении, а в сохранении прибыли.

Мастер замолк на мгновение, задумавшись о чем-то своем, но потом встрепенулся и продолжил:

— А вообще не обольщайся. Это «белая», парадная, часть города — для чистого производства, деловых партнеров и визитеров вроде нас, и она совсем невелика. Грязи тут тоже хватает, как и всякого сброда, жадного до наживы. Так что без меня — никуда, ясно?

— Понимаю, я же не маленькая, — проворчала я, накупившись.

— Дело не в том, что маленькая-немаленькая, а в том, что юная, хорошенькая и, ко всему прочему, имеющая доступ в шахту. — Макс смотрел на меня серьезно и непререкаемо.

Вот последний аргумент выглядел, конечно, убедительно. Хотя мозг в первую очередь польщенно зацепился за «юная и хорошенькая».

— Без тебя — никуда, — заверила я своего мастера.

Пужинали мы быстро — оба были голодные и уставшие, а если верить Максиму — неделя предстояла насыщенная, поэтому сразу после разошлись по комнатам. Я с огромным удовольствием стащила с себя дорожную одежду и, казалось, целую вечность провалялась в массивной чугунной ванне на львиных лапах, смывая накопившуюся за все время пути усталость. Ночная рубашка дарила телу приятную легкость, а широкая кровать так и манила к себе белизной свежего белья. Я нырнула в ее объятия, предвкушая неземное блаженство сна...

И вот тут-то меня ждал невиданной жестокости подвох. Кровать скрипела. Нет, она не просто скрипела. От малейшего моего движения она издавала такие жуткие звуки, будто под ней затаился маньяк, пытающий свою жертву. Стоило мне выбрать

удачную позу и начать проваливаться в сон, как шевеление — и протяжный скрип выбивает его без остатка.

Я села. Снова одеваться и идти вниз скандалить, чтобы поменяли комнату, было невероятно лень, но и заснуть под аккомпанемент страдающих сочленений не получалось.

Поразмыслив еще немного, я накинула на плечи халат и высунула голову в полутемный коридор. Никого. Осторожно ступая по гладкому деревянному полу, я преодолела несколько метров и две двери и неуверенно постучала в третью.

Макс открыл почти сразу. Русский ежик — мокрый, встопорщенный, видать, сам только из ванной, из одежды — одни штаны.

— У меня кровать невыносимо скрипит! — нажаловалась я, опережая возможные вопросы.

Мастер улыбнулся.

— Хочешь, я пойду разберусь?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет. Не хочу. — И шагнула внутрь.

А вообще скрипящая кровать в моем номере — это не так уж плохо. Даже наоборот — очень хорошо!

— ...Рабочий день начинается в восемь, но я советую приходить к десяти, иначе будете толкаться с оравой шахтеров при спуске. Заканчиваем тоже в восемь. Перерыв на обед и отдых два часа с часу до трех. Шахтеры обедают прямо в забое, еду приносят с собой. Во время обеда никого из шахты не выпускают, имейте это в виду... если только нет особых распоряжений или критических ситуаций...

Господин Эрик Дайн, управляющий Аргейдовыми приисками, крупный мужчина с черной лохматой бородой, такой же черной и лохматой шевелюрой, темной задубевшей кожей и невероятно ярко сверкающими на этом фоне серо-голубыми глазами, словно и те были двумя алмазами, уже с добрых полчаса вещал нам о местных порядках.

Мы проснулись сегодня поздно, зато сразу же занялись делом — торопливый завтрак все в том же ресторане — и прямиком на прииски. И теперь я стояла на краю карьера, внимательно слушала зычный глубокий голос, но не могла оторвать взгляда от открывающегося вида.

Поражающая своими размерами белесая воронка в земле куда больше походила на адские врата, чем на шахту. Многочисленные рабочие постройки возле нее, плавно переходящие в сам город, казались на этом фоне по муравьиному мелкими и незначительными. Там, внизу, виднелся вход в шахту,

а от него, раскручиваясь спиралью, вел на поверхность узкий откос дороги, по которому медленно всползали повозки с отработанной породой.

— Как вы планируете проводить оценку? — Интонации сменились. Теперь вместо несколько занудного вещания о привычной для него рутине в голосе послышался деловой интерес. — Не подумайте, что я лезу в ваши артефакторские дела, мастер Шантей, мне просто необходимо предупредить работников и охрану, правила у нас здесь строгие. Сами понимаете.

— Сегодня остаток дня и завтра — оценка наружной части месторождения, — отозвался Макс. Нашу программу я уже выслушала по дороге, поэтому чуть расслабилась, продолжая неотрывно наблюдать за происходящим вокруг. На аметистовые прииски, куда я ездила на экскурсию из школы, все это не было похоже даже отдаленно, а оттого — вдвойне интересно. — Замеры магических полей, их насыщенности, объема трубки. Затем два, возможно, три — зависит от объема работы — дня в забое. И больше мы ваших работников не побеспокоим, дальше по плану оценка самих камней.

Управляющий вдумчиво кивнул.

— Если вам понадобится что-либо — обращайтесь в любое время дня и ночи, сделаем все необходимое.

— Ну, по ночам я все-таки рассчитываю спать, — ухмыльнулся Макс Шантей, и я буквально лопатками ощутила его взгляд.

И нечего на меня смотреть! Можно подумать, я ему спать мешала! Я, между прочим, легла с краешку, никого не трогала. А что спиной к нему прижалась — так незачем было разваливаться так на кровати! И уж тем более я не выгибалась призывно — это у меня просто спина и шея после дороги ноют, вот я их и разминала...

Я спрятала улыбку в шарфе и продолжила обозревать окрестности, пока мужчины утрясали последние организационные мелочи.

Потрясало месторождение не только внешним размахом. Внутренняя магическая сила, питающая камни, здесь тоже была такая, что, когда я первый раз попыталась прощупать ее, у меня аж дух перехватило от скрытой в недрах земли мощи. Алмаз сам по себе — камень силы, энергии. Властный, сосредоточивающий все внимание на себе. В артефактике его никогда не используют как дополнение для усиления свойств других камней, он всегда играет главную роль.

Насколько я знала, Аргейдовы прииски были вторыми по качеству артефактных алмазов. Первое место давно и прочно

удерживало Ново-Илойское месторождение на далеком севере. Однако я проверила, оценка местной добычи не проводилась уже лет десять. За это время показатели могли как снизиться, так и вырасти в разы, будет любопытно сравнить их с ново-илойскими.

— Насмотрелась? — Мастер закончил разговор с господином Дайном и поравнялся со мной, окинув взглядом предстоящий фронт работ.

— Не-а. — Я помотала головой. — Но, полагаю, за неделю этот вид успеет мне надоесть. Откуда начнем?

— Отсюда. Зачем далеко ходить? — Макс присел рядом со стоящим на земле ящиком с инструментами, щелкнул замками, откинул крышку.

И мы начали.

Прима-мастер меня не обманул, когда утверждал, что мы будем много ходить и много мерять. Мы действительно только и делали, что ходили и меряли, меряли и ходили. За полтора дня наружной работы мы излазали немаленький карьер вдоль и поперек. Макс делал первые замеры, затем предоставлял это дело мне. Результат сравнивался. Если были значительные расхождения в показателях, то делался третий, контрольный замер... а Макс попутно объяснял мою ошибку — что именно сбило меня с толку и почему. От огромного количества цифр и нужной информации пухла голова, но ощущение причастности к очень важному, серьезному да к тому же совершенно новому для меня делу опьяняло.

Управляющий навещал нас несколько раз — справлялся, все ли в порядке, не нужно ли чего, приглашал на ужин. Приглашение Макс вежливо, но бескомпромиссно отклонил, сославшись на усталость. Было видно, что господина Дайна терзает отчаянное любопытство по поводу пусть даже предварительных и поверхностных результатов нашей работы, но вопросов он не задавал, а мой мастер не считал нужным оглашать их до окончательного утверждения всех данных.

А результаты, кстати, удивляли. Даже те самые, предварительные и поверхностные, по некоторым показателям они превосходили ново-илойские в разы. И, как подытожил наружную оценку Макс, если подземные разработки не уступят наземным, а оценка камней продемонстрирует значительные отклонения в лучшую сторону, то Аргейд может решительно потеснить Ново-Илойск на алмазном рынке.

На третий день мы отправились в подземную часть шахты.

Стоило признать, я изрядно волновалась. Негромко, но зловеще поскрипывающий при спуске лифт, который шахтеры называли клетью, вечный сумрак, разгоняемый только изредка

мигающим светом магических ламп, и несколько сотен метров земли и камня над головой как-то не добавляли бодрости духа.

Работники шахты внимания на нас обращали мало. Во-первых, сложно вообще на что-либо обращать внимание, беспрестанно махая кайлом. Во-вторых, ну ползают два чудика, ну меряют что-то без конца — под ногами не путаются и ладно.

Я же в переходах от одного места замера к другому с затаенной надеждой смотрела под ноги. Да, я прекрасно понимала, что алмазы в породе разглядеть практически невозможно, а если и разглядишь, на выходе из забоя каждого человека проверяет сначала артефакт-детектор, а затем еще и охранники, если возникают подозрения. Но ребяческое желание споткнуться о невзрачный камушек и обнаружить, что это огромный алмаз, каких еще свет не видывал, было сильнее меня. Макс, похоже, это желание разгадал, потому что то и дело поглядывал на меня, ухмыляясь себе под нос, но никак не комментировал.

А показатели продолжали приятно удивлять. В мою голову начала закрадываться мысль, что О'Тулл, закупавший для своего детища только лучшее из лучшего, после нашей поездки, возможно, пересмотрит поставщика алмазов.

— Макс, а что будет, если статус Аргейдовых приисков повысится? — поинтересовалась я во время обеда, сидя на грубо сколоченной деревянной лавке.

Обедали шахтеры — и мы вместе с ними — в истощившемся забое. Здесь былолюдно и шумно. И не очень уютно. А еще — очень жарко. На такой глубине и без того парило, как летом перед грозой, а в глухом тупике, забитом людьми под завязку, вообще становилось невозможно дышать. Я уже распустила ворот легкой блузы до балансирующей на грани приличия отметки и, если бы рядом был только Макс, а не орава шахтеров, не постеснялась бы, наверное, расстегнуть ее и снизу, подвязав под грудью.

— Очередной передел рынка, — отозвался мастер, проглотив кусок бутерброда. — Вспомни наш визит в «Курт и Курт». Появились данные по новому многообещающему месторождению — они зашевелились, чтобы подороже сбыть уже имеющиеся изумруды, пока еще есть такая возможность и камни не начали стремительно падать в цене из-за возросшей конкуренции.

Я кивнула, сжимая в руках жестяную чашку с водой. Отвратительно теплой, но лучше, чем ничего.

— Сейчас поедим, сбегай, пожалуйста, к управляющему, — вдруг проговорил Макс. — Спроси, нет ли у них своего измерителя насыщенности магических полей. Наш что-то

барахлит.

— Разве? — Я вскинула на него глаза.

— Да, — непререкаемо подтвердил мой мастер.

Мне оставалось только пожать плечами и после гулко пробежавшего по подземелью звука колокола, извещающего о возобновлении работ, поспешить выполнять поручение. Уже подбегая к лифту и радостно предвкушая возможность хоть ненадолго вырваться на поверхность, глотнуть свежего воздуха и хоть чуточку остудиться, я вдруг сообразила — все Макс заметил. И дыхание, ставшее от жары тяжелее, и порывы закатать рукава повыше, и жадные глотки. И если что-то у мастера и барахлит, так это совесть! Знал, что упрусь, если просто отправит освежиться, и пошел обходными путями. У-у-у, коварный тип!

Но назад все же не повернула. Такая ненавязчивая забота в мелочах грела сердце, и отталкивать ее не было никакого желания.

Охранник у лифта без особого прилежания осмотрел меня с помощью артефакта и кивнул в ответ на предупреждение, что я скоро вернусь. Я заскочила внутрь добротной деревянной клетки. Мужчина зафиксировал дверь, проверил. Приказ в переговорное устройство — и кабина дрогнула, чуть просела, заставив сердце ухнуть в пятки, но тут же медленно поползла наверх.

Я уже почти приплясывала от нетерпения, надеясь скорее оказаться под открытым небом, как вдруг раздался громкий треск — словно удар хлыстом.

Кабина рывком накренилась и с жутким скрежетом ударилась о стену шахты. Я испуганно вскрикнула и, не удержав равновесия, пролетела через всю клеть, больно ударившись лбом о — слава богам! — прочно запертую дверь.

Подъем прекратился. Лифт пару раз дрогнул, проваливаясь вниз на несколько сантиметров, показавшихся мне метрами, и замер окончательно.

Я застыла, боясь пошевелиться. Сердце подпрыгнуло и колотилось теперь, по ощущениям в горле не давая вздохнуть. Казалось, стоит мне совершить малейшее движение — лопнет и второй из удерживающих кабину тросов, и я, заключенная в этой деревянной коробке, сорвусь вниз, чтобы в мгновение ока преодолеть десятки метров и разбиться о камни.

«И гроб не потребуется...» — мелькнула предательская мысль. После падения с такой высоты в него и положить-то нечего будет!

Прошло несколько очень долгих секунд. Когда голова уже закружилась от нехватки воздуха, я наконец решилась сделать глубокий вдох. И медленный выдох. Кабина не пошевелилась.

Еще вдох. Еще выдох. И вдо-ох. И вы-ыдох...

Спокойно, Нинон! Это тебе не подъемник в домик на дереве, сделанный из колеса и веревки. Это лифт на одной из крупнейших шахт королевства. Он не может просто взять и рухнуть, отбив тебе пятую точку. Ты же видела своими глазами — два основных троса, один страхующий. Так что все будет в порядке. Сейчас тебя отсюда вытащат...

Что помогло — дыхательная гимнастика или великая сила самовнушения, — неизвестно, но ослепляющая разум паника первых мгновений постепенно отступила. Остались только оцепенение и всепоглощающий ужас. Да-да, никакой паники.

Оглядеться по сторонам было плохой идеей — непроглядная темнота за решеткой клетки не внушала жизнеутверждающих мыслей... Если кто-нибудь собирается меня спасать, то вам лучше поторопиться!

Словно в ответ на эти мысли, сверху донеслось уже знакомое поскрипывание — спускалась вторая клеть.

Замерла она прямо напротив.

— Госпожа Аттария? — громкий мужской голос гулко разлетелся по шахте, объемно наполнив ее целиком, сверху донизу. Я хотела отозваться, но горло перехватило, и не получилось выдать ни звука. — Все в порядке, ничего страшного. Мы сейчас откроем заднюю дверь, отойдите от нее. Ничего не бойтесь.

Я судорожно огляделась. Задняя дверь — это какая? Противоположная от той, в которую я заходила? Ну, тогда все в порядке, я от нее не просто отошла, а отлетела! Да еще и заранее.

На противоположном конце кабины и впрямь началась возня. Клеть мелко затряслась. Я зажмурилась и вцепилась в доски, будто это могло как-то меня защитить, если оставшиеся тросы все-таки оборвутся.

— Госпожа Аттария, — на этот раз голос прозвучал куда тише, практически рядом, — все хорошо, идите сюда.

Куда — сюда? Пришлось собраться с духом и открыть глаза. Перед ними предстал провал на месте противоположной стенки кабины, приветливо распахнутые двери второго лифта и дружелюбно-ласковое лицо одного из наружных охранников, протягивающего мне раскрытую ладонь... через бездонную пропасть между двумя лифтами с полуметр шириной.

Он что, хочет, чтобы я сейчас сделала несколько шагов по готовой вот-вот рухнуть (откуда мне знать, что у нее на уме?!) деревянной коробке, затем спокойно перешагнула через эту черную бездну, чтобы оказаться в другой такой коробке?

Я вскинула на мужчину полные ужаса глаза и едва

удержалась от того, чтобы отчаянно помотать головой.

— Ну же, — поторопил он, протягивая руку чуть вперед. — Если я сам полезу вас вытаскивать, рисков больше.

Не лишено истины. Если кабина держит (пока что!) меня с моим птичьим весом, это вовсе не означает, что она будет вести себя столь же прилежно, если сюда ввалится шкафообразный охранник.

Я с трудом оторвала словно прилипшую к полу ногу и сделала шаг вперед. Клеть не дрогнула, не просела. Я чуть-чуть прибодрилась и сделала еще пару шагов, выходя на середину лифта. Сухой деревянный треск заставил замереть и втянуть голову в плечи.

— Не бойтесь, — терпеливо повторил охранник. — Она не упадет.

Хорошо ему говорить!

Три мелких неуверенных шага — и мои ледяные от волнения и страха пальцы легли в широкую шершавую ладонь. Та мгновенно сжалась, крепко удерживая и внушая некоторую уверенность.

— Вот и отлично, — обрадовался мужчина. — Еще шаг — и все. Вниз лучше не смотрите.

Р-р-р! Кто так делает?!

У меня мгновенно зачесалось все тело от жгучего желания именно это и сделать. И вообще, как я должна шагать, не глядя, куда шагаю, когда между этими проклятыми лифтами пропасть глубиной несколько десятков метров?

Глубокий вдох, как перед прыжком в воду (дай боги, чтобы это и впрямь прыжком не стало!) — и спустя мгновение я каким-то мистическим образом оказалась уже чуть ли не в центре второй клетки. Охранник быстро закрыл дверь, отдал приказ, и лифт тронулся.

Не прошло и минуты, как я на подкашивающихся ногах ступила на твердую землю.

Очень захотелось не просто ступить, а скорее сползти, прислонившись к чему-нибудь твердому. Но во-первых, ничего твердого, кроме коробки лифтовой шахты, в пределах видимости не наблюдалось, а к ней меня не заставила бы подойти и угроза жизни, а во-вторых, я увидела, что в мою сторону уже со всех ног спешит управляющий, а значит, прямо сейчас в покое меня точно никто не оставит.

— Мастер Аттария! — Это обращение я из уст управляющего слышала уже пару раз, но оно до сих пор непривычно резало ухо своей серьезностью. — Как вы? С вами все в порядке? — Не успела я кивнуть, как он круто развернулся и так грозно двинулся

на охранника, что тот едва не попятился. — Какого демона у вас тут творится? Как допустили обрыв троса? Вы хоть понимаете, случись что — с нас головы полетят?! Чтобы поломку устранили до конца смены, и меня не интересует как! А отчет о ее причинах должен у меня быть через десять минут. Остолопы...

Последнее было уже выдохнуто сквозь зубы, когда господин Дайн вновь повернулся ко мне.

— Могу я для вас что-то сделать, мастер Аттария? — резкая перемена тона с рычащего на заискивающе-ласковый заставила меня вздрогнуть и выдать неожиданно для самой себя:

— А у вас нет, случайно, лишнего измерителя насыщенности магических полей? Наш что-то барахлит...

Управляющий растерянно моргнул и встопорщил черные усы.

— Найдем, — уверенно заявил он тоном «даже если нет — из-под земли достанем».

За ту четверть часа, что я просидела в приемной кабинета управляющего, приходя в себя, отламывая мелкие кусочки от предложенной шоколадки и запивая ее холодным (от горячего я благополучно отказалась!) чаем, я успела о многом подумать.

Самым главным осознанием было то, что Максу сообщать о произошедшем категорически нельзя. Человек, притащивший на своем горбу ритуальную маску квакиутль только для того, чтобы с моей головы не упал лишний кудрявый волосок, их ведь тут поубивает всех, к бесу. Но это даже и не важно. Что важно — он почти наверняка больше не пустит меня работать в шахте. А этого я ему точно не прощу!

Значит, о маленьком приключении, сопровождавшем поиски измерителя, надо умолчать. Вот только что будет, если он узнает от кого-то другого?

Воображение живо нарисовало красочное отсечение моей непутевой головы.

Нет, плохая идея.

Но не рассказывать же?

Мучительные размышления прервало появление управляющего с измерителем в руках.

— Вот, мастер Аттария, нашли! — радостно объявил он, присаживаясь рядом. — Может, вам еще что-то нужно?

Я помотала головой, разглядывая лимон на дне чашки.

— Мастер Аттария. — В голосе мужчины послышались знакомые вкрадчивые нотки. — Честно говоря, не знаю, как это и сказать... у меня к вам будет очень деликатная просьба.

Так. Что-то начало мне не очень нравится.

— Видите ли, — продолжал господин Дайн. — Случившееся сегодня в шахте — это выходящая за любые рамки, но все-таки

случайность. Я вам клянусь, что подобного не происходило ни разу за те семь лет, что я занимаю этот пост. Да и можете хоть всех работников опросить — они подтвердят.

Я кивнула — верю, еще не совсем понимая, к чему он клонит и какова же будет просьба.

— Так вот... — Мужчина вздохнул. — Может быть, мы можем как-то уладить это между нами и не ставить мастера Шантея в известность насчет случившегося?

Мне послышалось? Неужели есть шанс не рассказывать Максусу о происшествии? Я удивленно вскинула глаза на управляющего, но тот мое удивление, кажется, истолковал по-своему.

— Поймите меня правильно, мастер Аттария. Эта экспертиза для нашего месторождения значит очень много, и мне не хотелось бы сорвать ее из-за такого досадного инцидента, который больше никогда не повторится. В свою очередь, я мог бы...

Погодите. Про экспертизу я совершенно забыла. А ведь если бы в лифте оказалась не я, а группа шахтеров, то могла бы случиться авария и посерьезнее, с жертвами и, не дай боги, смертями... и это на шахте, где мы сейчас рассматриваем возможность повышения статуса.

Я прикусила губу. Во мне боролись два одинаково сильных желания: утаить от Макса случившееся и тем самым обеспечить себе дальнейшую беспрепятственную работу или же рассказать все как есть, потому что в нашем деле этот «инцидент» значение играл достаточно большое.

— Хорошо, — наконец приняла решение я, и управляющий ощутимо воспрянул духом.

— Но я рассчитываю, что вы предоставите мне отчет по итогам расследования. Ведь расследование будет проведено самым тщательным образом, верно? — с нажимом спросила я.

Управляющий рассыпался в заверениях, что именно так оно и будет. Я встала. Мышцы все еще подрагивали, но внешне вроде бы ничего не было заметно.

— Мне надо вернуться в шахту. Мастер Шантей ждет.

Управляющий тоже поднялся, протягивая мне измеритель, про который я едва не забыла.

— Как вам будет удобно, чтобы я передал подарок? — вдруг поинтересовался он.

— Подарок? Какой подарок? — озадачилась я.

— Ну как же, — кустистые брови чуть приподнялись. — Знак моей признательности о сохранении нашей маленькой тайны.

В памяти промелькнуло, что и впрямь, пока я судорожно размышляла о том, как поступить, господин Дайн вещал что-то

про «скромное вознаграждение за прекрасную работу в каратном эквиваленте, конечно же». О боги, вранье враньем (нет, определенно «наша маленькая тайна» звучит лучше), но до взяточничества я еще не скатилась.

— Забудьте, — произнесла я, стараясь говорить твердо и выглядеть полностью уверенной в своей правоте. — И постарайтесь не ставить меня больше в неловкое положение столь... компрометирующими предложениями.

Я поудобнее перехватила измеритель рукой и стремительно вышла из кабинета.

А спустя несколько минут я стояла в паре метров от клетки и понимала, что в таком чудесном плане — скрыть от Макса произошедшее и продолжить спокойно работать — был один большой прокол. При одном взгляде на эту деревянную коробку в душе зарождался неконтролируемый ужас.

Я сглотнула и медленно двинулась вперед, вцепившись в измеритель, как в спасательный круг.

Провал шахты страшил чернотой. Клеть выглядела хлипкой и ненадежной. Ноги подкашивались. При воспоминании о поскрипывании тросов над головой и жутком щелчке хотелось рухнуть в обморок.

Но еще больше, чем спуск, меня пугала мысль, что, если я не смогу сейчас себя заставить спуститься вниз, не смогу уже никогда. А это несмыслимое пятно на репутации. Кому нужен специалист, который всего боится? И кому нужен артефактор, не способный выполнять самые ответственные работы? Второсортный мастер.

Так что — да, спуск меня пугал. Но профнепригодность пугала гораздо больше.

А потому провожаемая сочувственными взглядами охранников я, зажмурившись, шагнула в клеть.

Сухо щелкнули замки. Двери зафиксированы. Глухой голос в переговорник — «Вторая кабина. Спуск». Шелест тросов, поскрипывание. Белый яркий дневной свет в какой-то момент погас и тут же сменился более тусклым и желтоватым искусственного освещения. Малейший крохотный рывок троса вызывал желание сползти на пол клетки и завывать в голос, а лучше заколотить по двери с воплями «выпустите меня отсюда-а!». И когда она наконец остановилась, а я вывалилась в объятия дружелюбной охраны, было ощущение, что я заново родилась.

На подходе к штреку, где должен был работать Макс, я надолго остановилась, собираясь с духом и приходя в себя.

Все хорошо, Нинон. Все хорошо. Не говорить ему будет лучше для обоих.

Заслышав шаги, мастер выпрямился и с улыбкой пронаблюдал за моим приближением.

— Я подышала свежим воздухом. — С этими словами я торжественно вручила ему измеритель. Улыбка превратилась в широкую ухмылку.

— Что это? — Его пальцы вдруг взметнулись вверх, отводя со лба короткую кудряшку челки.

— Что? — удивилась я, вскинула руку и провела по коже.

Ай, щиплет! Демон, крепко же меня о стенку лифта приложило.

— Ерунда, — беспечно отмахнулась я, внутренне холодея от ужаса. — Торопилась назад, открывала двери клетки лбом.

Макс только покачал головой и вернулся к работе. А я тихонько вздохнула.

Нет, все-таки вранье.

Страх разоблачения настырно грыз меня изнутри весь остаток рабочего дня. А при этом еще и нужно было без конца себя контролировать, чтобы мастер ничего не заподозрил. Я вымоталась за пару часов больше, чем за два дня лазанья по карьере, пока не пришла к мысли, что хватит трястись. В конце концов, я имею право принимать собственные решения. Даже если они окажутся ошибочными. Даже если они не нравятся Макс. Даже если они не нравятся Макс, потому что окажутся ошибочными.

Этот оптимистичный вывод придал уверенности, и дело пошло куда веселее. Но о случившемся я все же не забыла. А потому перед самым окончанием дня вызвалась сходить уточнить расписание на завтра — в каких забоях шахтеры в первую очередь остановят работу, чтобы мы могли их осмотреть. Ну и заодно занести измеритель. Макс согласился без возражений, а я лишний раз порадовалась, что подъем пройдет без него. Успех недавнего преодоления паники еще определенно нуждался в закреплении.

— Мастер Аттария. — Против обыкновения управляющий мне не обрадовался. Вид у него был растерянно-злой. — А я как раз думал, как вам сообщить.

Сердце заколотилось чуть быстрее от дурного предчувствия.

— Авария не была случайностью, — не стал юлить мужчина, избегая тем не менее смотреть мне в глаза. — Трос подрезали.

Находящийся тут же солидный дядечка-орк кивнул и перехватил эстафету:

— По результатам расследования можно утверждать, что трос, оборвавшийся во время аварии, был поврежден не в ходе эксплуатации, а подрезан неизвестным злоумышленником. В

данный момент его личность устанавливается, охрана приложит все усилия и сделает все возможное, чтобы найти виновного. Во избежание подобных ситуаций впредь меры безопасности усилены, — отчитался он монотонным голосом.

И под эту хмурую речь я размышляла о том, что врать Максу все же было скверной идеей...

В гостиницу я возвращалась, погруженная в свои мысли. Мастер лишних вопросов не задавал, кажется, решил, что я устала и вымоталась. Но меньше всего меня сейчас волновали гудящие ноги и слезящиеся глаза.

«Маленькая тайна» вместо того чтобы решить мою проблему, превратилась в «большую катастрофу». Потому что не рассказать Максу о случившемся в свете диверсии было нельзя. Если, как предполагают господин Дайн и его начальник охраны, она была подстроена конкурентами, чтобы сорвать повышение статуса Аргейдовых приисков, то кто может поручиться, что им не придет в голову еще какая-нибудь светлая идея? И они не попробуют, например, припереть мастера-оценщика к стене с ножом у горла. Макса обязательно надо предупредить об опасности.

Но рассказать о саботаже — признаться в намеренном утаивании правды. И если раньше на кону стояла «всего лишь» свобода, то теперь вообще жизнь!

Убьет. Как пить дать убьет. В стене шахты закопает и скажет, что так и было.

В памяти некстати всплыл давний скандал в мастерской на тему моих кудряшек, вернее, их отсутствия. Если он из-за такого пустяка так разъярился, то что же будет сейчас?..

Мы разошлись по комнатам — переодеться и привести себя в порядок перед ужином после суточного нахождения под землей. Но, ставив с себя блузку, я поняла, что чем дольше откладываю признание, тем хуже. А потому торопливо натянула первое, что попало под руку, и вылетела в коридор.

Макс на стук отозвался не сразу.

— Ты уже? — удивился он, открывая дверь. — Подожди две минуты, я... что стряслось?

Да уж, скрывать эмоции вряд ли получится, меня сейчас куда больше волновал правильный подбор слов. Но они почему-то не находились.

— Кое-что случилось. — Я вошла и прикрыла за собой дверь, а потом замерла возле нее, нервно сжимая пальцы. — Сегодня после обеда. Когда ты послал меня за измерителем...

Чем дольше я говорила, тем отчетливее у Макса каменели скулы, тем темнее становились глаза, реже и шумнее — дыхание. И в какой-то момент я опустила глаза, потому что смотреть на

стремительно впадающего в бешенство мастера было попросту страшно.

— ...Я сглупила. Прости.

— Сглупила?! — мгновенно взвился Макс, судя по всему, с трудом дождавшись окончания речи. — Да чем ты вообще думала?! Это не просто глупость, это идиотизм какой-то! Ты за кого меня принимаешь?!

— Просто... — заикнулась я, но тут же стало ясно, что право голоса я на ближайшее время потеряла безвозвратно.

— Ты всерьез полагаешь, что я запер бы тебя в комнате из-за несчастного случая? Я что, за эти два месяца неясно дал понять, что хочу, чтобы ты стала хорошим специалистом? Не я ли прилагал все усилия для того, чтобы тебе помочь в этом? Я похож на идиота, который готов загубить собственные старания из-за какой-то случайности, которая может никогда в жизни больше не повториться?

У меня уже пламенели и щеки, и уши. Я и без того чувствовала вину за случившееся, но теперь в компанию червячков «за вранье» и «за непрофессионализм» вгрызся еще один — «за неблагодарность».

— Но если бы ты знал, что это диверсия, — я все-таки попыталась защититься, — ты не позволил бы мне работать. Как тогда в мастерской — остаться на ночь.

— А ты не думала о том, чтобы не решать за меня, как я прореагирую?! И вообще! Ты. Мне. Соврала! — обвинительно ткнул он, а потом тут же перескочил на преступление по совершенно иной статье: — Ты хоть понимаешь, что мы здесь не в игрушки играем, а занимаемся очень важным и ответственным делом, в котором имеет значение любая мелочь. А подобное — это уж точно не мелочь!

— Макс, я... — Желание оправдаться по двадцать пятому кругу внезапно испарилось, и я только устало уточнила: — Скажи, ты на меня сейчас как на девушку орешь или как на подмастерье?

Мужчина замер на вдохе для очередного обвинения, уставился на меня и вдруг шумно выдохнул.

— Тьфу на тебя, Нинон, такой скандал испортила.

И отвернулся.

В комнате повисла гнетущая тишина, которой я отчего-то не обрадовалась.

— Макс...

Мастер не отозвался, вместо этого, задумчиво глядя в окно, начал методично и неторопливо застегивать рубашку.

Я потопталась у дверей, чувствуя себя на редкость глупо. И

что теперь делать? Уйти к себе, дать ему отбушеваться и вернуться к разговору о том, что после ссор вообще люди частенько мирятся, позже? Или, если я сейчас уйду, он окончательно рассердится?

Хотя куда уж окончательнее...

Я сделала маленький шаг вперед. Еще один. И еще. Пока не уперлась в каменно-напряженную спину своего мастера. В прямом смысле — ткнулась лбом и, помедлив мгновение, неуверенно обняла за пояс.

— Прости, пожалуйста, — глухо пробубнила я белому льну перед глазами.

Сначала Макс не шелохнулся, а затем глубоко набрал в грудь воздуха, шумно выдохнул и обернулся. А мгновение спустя он сгреб меня в охапку, с силой прижимая к себе. Я прислонилась щекой к тонкой ткани, через которую ощущалось биение сердца, и улыбнулась, счастливо закрывая глаза.

— Испугалась? — Мастер вытащил из моих волос шпильки и, не глядя, отбросил в сторону, чтобы зарыться пальцами в радостно рассыпавшиеся по плечам кудряшки.

— Тебя? О да. Такой грозный — жуть! Я впечатлена.

— Дурында. — Он чувствительно дернул меня за локон.

— Есть немножко, — смущенно признала я.

— Немножко?!

— Ладно-ладно, сегодня — много! — Я повернула голову, целиком пряча лицо на широкой груди, и негромко призналась: — Испугалась. Очень.

Руки Макса пришли в движение, скользнули вверх, обняли мое лицо, заставляя чуть отстраниться, вскинуть голову и заглянуть в серые глаза, полные нежности. Мой мастер провел большим пальцем по щеке, — вдохнул, разомкнул губы, будто хотел что-то сказать...

А может быть, мне показалось, потому что в следующее мгновение он наклонился к моим губам, целуя. Неторопливо, с ощутимой, едва сдерживаемой страстью.

В голове все знакомо поплыло, тело мгновенно сделалось мягким и податливым, я потянулась вперед, желая большего, но Макс вдруг оторвался перевести дух.

Или не для этого?

— Значит так, Нинон, — проговорил он с улыбкой, застегивая последнюю верхнюю пуговицу. — С этого момента в шахту мы спускаемся только вместе. И поднимаемся вместе. В сопровождении штатного мага приисков. Собирайся ужинать, я предупрежу, чтобы гостиничная охрана с тебя глаз не сводила. А я пойду уведомя об изменениях в планах господина Дайна,

управляющего нашего мудрейшего...

К окончанию фразы улыбка приняла отчетливо-зловещий оттенок. Он подхватил небрежно сброшенную на кровать куртку и вышел из номера, оставляя меня в одиночестве.

Он что, ушел? Сейчас?! После такого поцелуя?!

Я опомнилась не сразу, а когда выбежала в коридор, Макс уже спускался по лестнице.

— Ты только его не убивай! — безнадежно крикнула я вслед.

— Ты что? — Мастер остановился и удивленно вскинул голову. — Нам же тогда не заплатят.

Вполне успокоенная таким ответом, я вернулась в номер.

Макс не задержался. Он показался в дверях ресторана спустя минут пять после того, как я сделала заказ на нас двоих. Вид у него был возмущенный и одновременно слегка ошарашенный.

— Ты представляешь. — Мужчина сел за стол напротив меня и сообщил, что же именно его так потрясло. — Управляющий мне только что пытался взятку дать!

— За что? — развеселилась я.

— За беспристрастность! — с непередаваемым отвращением ответил самый молодой прима-мастер Гильдии артефакторов за последние пятьдесят лет.

Возмущение кипело и бурлило в нем и грозило выплеснуться наружу. Он выглядел по-настоящему задетым таким предложением.

Бедный Макс! Все-то его сегодня обижают — сначала я, теперь господин Дайн.

— Не расстраивайся, все будет хорошо! — Я пролила на него волны моральной поддержки. — А труп управляющего мы ночью спрячем!

Мастер хмыкнул и наверняка хотел озвучить нечто весьма язвительное, как нас неудачно прервали. Очень несвоевременно.

— Прошу прощения, — произнес вкрадчивый мужской голос, — что столь бесцеремонно прерываю вашу беседу. Но не могли бы вы, мастер Шантей, уделить мне несколько минут вашего драгоценного внимания.

Я вскинула голову и озадаченно уставилась на подошедшего к нашему столику мужчину в строгом черном костюме, с короткой ухоженной бородкой и мудрено завязанным платком на шее. Макс смерил пришельца очень подозрительным взглядом.

— С кем имею честь?.. — не особенно дружелюбно поинтересовался он, откидываясь на спинку стула.

— Меня зовут Гидеон Морли, и я являюсь полномочным представителем Ново-Илойских алмазных приисков.

Опаньки... вот это интересный поворот! Я бросила быстрый

взгляд на своего мастера и заметила, как дрогнули, чуть щурясь, веки. И прищур этот ничего хорошего Гидеону Морли не предвещал.

— Так вы позволите?

Макс нехотя кивнул на свободный стул.

— Еще раз прошу меня извинить за вторжение, — тут же продолжил мужчина, незамедлительно воспользовавшись предложением. — Прервать ваше уединение меня заставили печальные вести, дошедшие сегодня до моих ушей. Авария клетки в шахте, такой кошмар... — Он так стремительно перевел взгляд на меня, что я аж вздрогнула и нервно стиснула салфетку. — Какое счастье, что никто не пострадал! Хотя, конечно же, как я могу такое говорить? Вы, должно быть, пережили настоящий ужас, мастер Аттария? Сложно представить, каково...

— Что вам нужно? — отрезал Макс, впорывшись в господина Морли таким взглядом, что я на его месте предпочла бы незамедлительно испариться, а никак не расплыться в безмятежной улыбке.

— Вы человек дела, мастер Шантей? — Мужчина вдруг снова повернулся в мою сторону. — Мастер Аттария, не могли бы вы оставить нас на несколько минут, мне хотелось бы обсудить с вашим начальником одну деликатную тему.

Я аж изумленно приоткрыла рот от такого откровенного хамства: вмешался в наш разговор, подсел непрошенный, а теперь еще и меня выгоняет?! Но Макс опередил мое недовольное фырчание весьма категорично:

— Только я могу указывать моему подмастерью, чем ему стоит заняться. И если вы настолько желаете мне что-то сообщить, то я бы на вашем месте поторопился, пока мое терпение окончательно не иссякло.

— Как пожелаете. — Мужчина раздраженно дернул уголком губ. — Как человек, долгие годы работающий в сфере алмазодобычи, я крайне озабочен тем, чтобы качество продукта на рынке только возрастало, а не ухудшалось. Аргейд уже давно пытается повысить свой статус, но до сих пор у них это не очень-то выходило. Вы ведь еще не проводили оценку камней? Когда вы ее начнете, то убедитесь сами: несмотря на значительно возросший магический потенциал шахты, сами камни его не вобрали. Да и условия добычи оставляют желать лучшего. Сами посудите, если у них даже клетки падают... — Господин Морли покосился на меня, но затем снова перевел взгляд на заметно помрачневшего и набычившегося мастера. — И собственно, к делу. Наша компания готова приложить любые усилия для того, чтобы вы убедились в бесперспективности Аргейдовых приисков.

В том числе предоставить названное вами количество нашего материала для сравнения качества. В вечное пользование.

— Убирайтесь, — коротко подвел итог беседе Макс. И, судя по степени клокотавшего в нем раздражения, он сейчас был просто по-королевски вежлив.

— Простите? — пришелец недоуменно вскинул брови.

— У вас плохо со слухом? — рокошующие нотки в голосе начали набирать обороты, и мне захотелось нырнуть под стол и накрыть голову руками в преддверии взрыва, несмотря на то что оный мне никоим образом не угрожал.

— Вы, возможно, не совсем правильно меня поняли, — предпринял еще одну попытку человек, решивший покончить жизнь самоубийством. — Если вы опасаетесь, что...

— Пошел вон!!! — взревел Макс раненым быком.

Я против воли втянула голову в плечи, господин Морли подскочил как ужаленный, звякнули столовые приборы на столе. Дверь кухни приоткрылась, и в нее просунулись сразу четыре головы, а охранник на входе направился в нашу сторону стремительно-размашистым шагом.

Полномочный представитель Ново-Илойских приисков одернул костюм, прошипел: «Вы еще пожалеете!» — и вылетел из ресторана пушечным ядром.

Когда все уgomонились — охранник вернулся на свое место, повара и поварята наконец занялись делом, нам подали еду, а немногочисленные посетители перестали на нас опасно коситься, — Макс вскинул на меня глаза.

— Ты знаешь, за что я люблю артефактику?

— Не знаю, — осторожно отозвалась я.

— И я не знаю! Мерзкая работа! Мерз-ка-я! — С этими словами он свирепо атаковал бифштекс ножом и вилкой.

Не хочу даже думать, кого он там представлял. Бедный, бедный Макс...

После ужина он провел в ванной целую вечность, пока я валялась на кровати с книгой. Я даже начала волноваться, не утопился ли он там с горя от дважды нанесенного оскорбления. Но когда я уже собиралась решительно отложить в сторону увесистый том «Особенности артефактной экспертизы месторождений различной величины» и вломиться под каким-нибудь отчетливо-надуманным предлогом, дверь наконец распахнулась, и на пороге в клубах пара возник мой мастер. Не обращая внимания на мой вопросительный взгляд, он пересек комнату, рухнул на кровать, а потом подтянулся и пристроил голову на моем животе.

Я отложила книгу.

— Ты читай, читай, — произнес Макс, не меняя позы и не открывая глаз.

Вместо этого я протянула руку, запуская пальцы во влажные, торчащие иголками волосы, провела, смахивая застывшие на кончиках крохотные капельки. Дотронулась до лба, разгладила залегшую между бровями хмурую морщинку.

Опять я его напугала. Как тогда, когда он увидел меня в мастерской, где на него напали. Решил, что не смог меня уберечь, раз я все-таки оказалась там в ту ночь. И сейчас наверняка казнил себя за то, что его не было рядом в той демоновой клетки.

Вот и шумел громче обыкновения. Вот и срывался на незадачливых взяточдателей. Страх — жуткое, разрушительное чувство. Особенно для мужчины. Для такого сильного, замечательного во всех отношениях мужчины.

Следующие два дня подземной оценки прошли без особых приключений — в обнадеживающе скучной рутине. Клетки не ломались, потолки не рушились, ничего не взрывалось, сомнительными предложениями нас никто не донимал, штатный маг приисков ходил по пятам как пришитый. Возможно, именно поэтому примеревшийся мне пару раз недобрый взгляд в спину только взглядом и остался.

Одним словом, алмазы добывались своим чередом, замеры велись своим.

Управляющий нас больше не донимал. То ли боялся сделать еще хуже, то ли просто боялся. Пока не наступил последний, решающий день — оценка камней. Как бы ни разозлил нас ново-илойский пришелец, он все-таки мог быть прав. Камни не в обязательном порядке реагируют на повышение магического фона. И если, несмотря на впечатляюще возросшие показатели, изменения в свойствах добытых алмазов незначительны, то вряд ли может идти речь о повышении статуса.

От воспоминаний о предыдущей оценке у меня разом заныли плечи, затекла шея и заслезились глаза. Утешало только то, что на этот раз Макс не станет нахально листать в кресле газеты, попивая кофеек, а будет страдать и мучиться вместе со мной и даже, пожалуй, больше меня. Ибо оценка месторождения — это не покупка партии камней для мастерской. Здесь спихнуть работу на подмастерье не получится.

Управляющий заехал за нами в гостиницу в тяжелой черной карете, так и фонившей всякими защитными накрутками, и в сопровождении мага, которого мы начинали уже воспринимать как собственную тень. На этот раз мы направились не в шахту. Добытые алмазы после очистки перевозились в хранилище

торгового дома Аргейда — мрачного массивного здания с таким количеством охраны, которое, как мне показалось, не снилось и королю.

Но вообще все вокруг напоминало о знаменательном визите к «Курту и Курту». Торжественно-мрачные лица, залитое светом помещение без окон, белоснежный стол, лежащие на нем камни. Вот только в отличие от ярких изумрудов алмазы, еще не побывавшие в руках мастера-гранильщика, выглядели куда как менее впечатляюще — всего лишь горки желтоватых стекляшек. Притягательно блестящих желтоватых стекляшек.

Все правильно. Огранка дает камню дополнительную силу, а нам нужно знать их изначальный потенциал.

Макс окинул фронт работ тоскливым взглядом. Взгромоздил на свободное место саквояж с инструментами. Помогая их доставать, я одарила его ободряющей улыбкой. Сегодня последний день работ, а послезавтра мы уедем, и пусть они со своими саботажниками сами разбираются.

Мастер пододвинул к себе первую группу, самых крупных, — всего три алмаза, но каждый размером с перепелиное яйцо. Взял первый, покрутил в пальцах, не торопясь стал рассматривать сквозь лупу, а потом вдруг протянул мне:

— Как тебе, Нинон, камушек в колечко?

Я приняла подношение и скептически оглядела со всех сторон.

— А в сейфовый шкаф ты меня житьпустишь или мне придется свойприобретать?

Макс ухмыльнулся:

— И ротугвардейцев на выход!

Я с чрезвычайно умным видом покивала:

— Рота гвардейцев — это необходимый аксессуар всякой разумной барышни!

Мы оба тихонько прыснули со смеху, но, покосившись на наблюдающих за нами от дверей представителей Аргейдовых приисков, приняли подходящий моменту серьезный вид. Я вернула камень Макс, но в тот момент, когда наши пальцы соприкоснулись, сердце, чье паническое биение я пыталась утихомирить за этими шуточками, чуть не выскочило из грудной клетки.

«Я помню. Я не забыл. Не тороплю. Но помню», — заверил меня короткий многозначительный взгляд.

Я прикусила губу и притянула к себе камни.

Мы покинули здание торгового дома поздно вечером, с трудом отбрыкавшись от «памятных подарков». Стоило признать: при виде брошки-веточки с алмазными капельками росы мое

женское сердце едва не дрогнуло. Благо, помятуя о недавнем скандале, управляющий настаивать не стал, и падкий на красивые безделушки дракон, внезапно обнаружившийся в моей душе, остался ни с чем.

Нас доставили к порогу гостиницы, сдали с рук на руки местной охране и распрощались. Если не навсегда, то очень надолго — все наши дела на Аргейдовых приисках были завершены. По лицу управляющего и по тому, как он ловил каждое слово Макса, было очевидно, что ему до смерти хотелось бы узнать результаты оценки до официального объявления Гильдии. Но такого счастья мастер ему, конечно же, не предоставил. Полагаю, не столько из профессиональной этики, сколько из природной вредности. Впрочем, любопытство терзало не его одного.

— Что ты решил насчет повышения статуса? — прицепилась я, стоило нам оказаться наедине.

— А ты сама как считаешь? — Макс сбросил куртку и откинул голову назад, растирая шею.

— Показатели, вне всякого сомнения, прекрасные и значительно возросли за прошедшие годы по сравнению с последними замерами и соответствуют всем требованиям, но... — Я слегка замялась.

— Но? — поощрил мастер.

— Мне было бы страшно.

— Страшно? — Макс удивленно вскинул брови.

— Вся эта история с Ново-Илойском. — Я передернула плечами. — Ведь не отправь ты меня подышать свежим воздухом, в этой клетке могли оказаться пара десятков шахтеров, и второй трос мог не выдержать такой вес. Это ведь было бы убийство... а потом, когда не получилось подкупить, он угрожал... Я бы за тебя волновалась. Мы тут находимся под круглосуточной охраной. В Лидии ее не будет. Вдруг они решат отомстить, раз все настолько серьезно?

Я посмотрела на него несколько беспомощно. Макс понимающе улыбнулся, сел на кровать и протянул руку.

— Иди сюда. — Он дождался, пока я устроюсь у него на коленях, приобнял и поцеловал в лоб. — Нинон, все, что здесь происходило — своего рода шахматная игра, в которой каждый противник поочередно делает ход. Игроки пожирают чужие фигуры и, без сомнения, расстаются с пешками, чтобы добраться до короля. Но, стоит партии закончиться, они пожмут друг другу руки и разойдутся в разные стороны. Или начнут другую партию. Только в ней уже будут новые фигуры, понимаешь? С повышением статуса Аргейда Ново-Илойск эту партию проиграет,

да. Но никто не будет опускаться до мести. Оборачиваться назад и плодить себе лишние проблемы — заведомо проигрышный путь.

Я задумчиво покрутила пуговицу на его рубашке.

— Значит?..

— Да, — предугадал он мой вопрос. — Получит Аргеид свой статус. Не уверен насчет управляющего, но камни этого достойны.

На душе ощутило полегчало. Если все так, то и впрямь пусть эти акулы сами между собой разбираются. Мы послезавтра уедем в наш маленький родной дурдомчик на три палаты, а они тут, в своем королевском сумасшедшем доме в пять этажей, могут дальше сколько угодно играть в «кто кого перекупит, перехитрит и переубивает».

— Но беса с два О’Тулл еще хоть раз закажет ново-илойские алмазы, — проворчал себе под нос мой мастер.

Да, месть была роскошью, которую Максимилиан Шантей мог себе позволить в отличие от ново-илойских проныр!

Утро началось для меня под знаком ненависти к моему драгоценному. Макс, сам объявивший сегодняшний день выходным, поднял меня в несусветную рань. Все попытки завернуться в одеяло и спрятаться от изверга под подушкой ничего не дали — подушку с одеялом у меня отобрали, а меня саму самым бессердечным образом растормошили. Поскольку спать, когда тебе щекочат пятки, дуют в нос, кусают за плечики и дергают за кудряшки, выше человеческих сил, я сдалась. Села на кровати и голосом восставшего мертвеца проскрипела:

— Чего тебе, злыдень? — попутно пытаюсь убрать с лица волосы и кое-как разобрать их пальцами на отдельные пряди.

Отвратительно бодрый Макс, успевший умыться, одеться и добыть нам завтрак, смешливо фыркнул, наблюдая это зрелище, а потом провозгласил:

— Приводи себя в порядок, завтракай — и пойдем гулять. Выходной у нас или нет?

Я заверила, что выходной однозначно, но зачем же меня в этот самый выходной будить?

— Нинон, — покачал головой он. — До Виелы ехать полтора часа, в карете подремлешь. Ну, тебе самой-то не стыдно? Почти две недели провести в богатейшей провинции королевства — и ничего толком не посмотреть!

Пришлось соглашаться, что да, стыдно, а затем подыматься и идти искать гребень. Тот самый, дареный госпожой Эдорой. У изящной вещицы, помимо исключительной красоты, было еще одно огромное достоинство — артефакт этот был способен

безболезненно расчесать мои волосы даже с утра. А это, если хотите знать, показатель.

В итоге уже через пару часов я признала окончательную и бесповоротную правоту Макса — день выдался замечательный, то, что надо для прогулки по торговым рядам, и провести его в номере было бы кощунством.

Я бродила по широкой рыночной площади, Макс молча присутствовал рядом и не мешал мне вдумчиво созерцать. И было мне непередаваемо хорошо.

За время проведения экспертизы я, оказывается, здорово устала от тесного пространства шахты, ощущения толщи земли над головой, преобладающих темных тонов и однообразного грохота ведущейся близко добычи, и теперь просто впитывала яркие краски торговых рядов, оживленный гомон и бездонное синее небо над головой, умытое частыми дождями. От ощущения простора захватывало дух и щемило сердце. А может, сердце щемило от того, что мой мастер опять лучше меня знал, что мне надо, и позаботился обо мне еще до того, как я об этом попросила. До того, как я поняла, насколько мне это нужно...

С деньгами, кстати говоря, дела у меня обстояли лучше, чем я ожидала: Макс как-то незаметно взял на себя все расходы, а когда я попыталась с ним поговорить об этом, ухмылялся столь мерзко, что я отступилась, мстительно пообещав себе, что по возвращении домой отлучу его от кудряшек. На неделю. Ну... Ладно, на день. Нет, на два!

Так что командировочные, заботливо выданные мне Абиес, были практически целы. И теперь мне выпал реальный шанс их спустить — со вкусом и с удовольствием от процесса. Я выбирала сувениры коллегам и родным. Потом с почтовой каретой домой отправлю. Им должно понравиться — подарки из первой моей настоящей командировки!

С сувенирами для коллег определилась быстро — им нужно дарить что-то, связанное с Аргейдовыми приисками, а потому встречающееся только здесь. И недолго думая я направила наши с Максом стопы к камнерезам.

Обилие лавок, торгующих изделиями из поделочных и полудрагоценных камней, впечатляло. Мы гуляли, заходили во все по очереди, приценивались, присматривались, придирчиво выбирали, торговались... Словом, получали удовольствие от жизни!

Агатовые бусы — характерной округлой формы — для Марты. Канцелярский набор из чернильницы, ножа для бумаг и пресс-папье, сработанный из какого-то зеленого камня, судя по всему, форстерита, приятного травянистого цвета — для Абиес. Зажим-

накосник с цирконами и фиолетовым пиропом — для Дейдрэ. Коса для гномы — больше чем просто прическа, она должна оценить...

От камнерезов перебралась к торговцам керамикой — здесь тоже было из чего выбрать.

Нарядный горшок, расписанный глазурью и украшенный кварцевыми вставками (особо ценный тем, что эти вставки можно запросто вынуть, начертить под ними руны для повышенной прочности, а затем так же легко закрепить обратно) — для нашей амулетожорки. Она, на дармовой энергии близкой дриады, да в отсутствии других конкурентов, раскормилась так, что в старый горшок уже не вмещалась.

Кружка с видом Виелы для Кайстен.

Не удержалась, купила еще одну, с надписью «Алмазная жила» — для господина Боллиндерри. Сама, конечно, не понесу — Макс поднесу и заставлю подарить шантажом и угрозами!

А в одежном ряду я надолго застряла возле лавки с изделиями из того самого дарского льна, украшенного характерной вышивкой. В Дарсе не красят ткань — вещи у них всегда разных оттенков белого, цветная только вышивка. А тон полотна зависит от того, какой метод отбеливания применяли мастерицы. У них там уйма секретов профессиональных имеется, они и лен сушат по-особому, ткут по-особому и вроде бы даже растят его не так, как везде. А уж их вышивальщицы и вовсе на весь мир знамениты. Хоть выбор в Виеле и беднее, чем в Дарсе, а цена куда выше, но все же — не та, которую за такую же вещичку заломят у нас в Лидии или тем более в столице! Можно вообще одну блузку купить для мамы — ей приятно будет...

Я уже почти решилась тряхнуть мошной, когда Макс взял меня за руку и негромко сказал:

— Оставь, Нинон. Я договорился с нашим трактирщиком в Дарсе, что мы у него же остановимся на обратном пути, а он условится с кем-нибудь из знакомых мастериц, тебе прямо в трактир и принесут твою обожаемую вышивку. У них это распространенная практика, я так понял. Пойдем, уже полдень, сейчас пообедаем и поедем назад, если тебе больше ничего не надо. Я еще хотел тебе Аргейдский музей алмазодобычи показать — интересное и поучительное зрелище, позор падет на головы артефакторов, бывавших в Аргейде и не посетивших сие богоугодное заведение! Если мой знакомый там все еще работает — в закрытый фонд напросимся...

Макс вел меня к какому-то трактиру, так и не выпустив моей руки, я же семенила за ним, и под его бодрые мечты о музейных запасниках в моей голове впервые робко шевельнулась пугливая

мысль — а может, и правда выйти за него замуж? Раз он еще не передумал?..

Спустя пару недель, на Аргейдовых приисках

— Почта, господин Дайн, — известила секретарь, положив на стол перед управляющим несколько конвертов. Один из них отличался изрядной пухлостью и тяжелой сургучной печатью с золотистым оттиском Гильдии артефакторов.

При виде этой печати у мужчины разом вспотели ладони, сердце остановилось и панически ухнуло в желудок, а по позвоночнику пробежал неприятный холодок.

Он дождался, пока секретарь уйдет, тщательно прикрыв за собой дверь, нервно вытер руки об штаны и дрожащими пальцами взломал печать.

«Согласно запросу от 10 мая текущего года, была проведена очередная оценка алмазного месторождения Аргейда. Эксперт-оценщик, прима-мастер Максимилиан Шантей, и его ассистент, мастер 2-го ранга Нинон Аттария, постановили — присудить месторождению первую категорию взамен обозначенной ранее второй. Копии замеров прилагаются к данному свидетельству. Дата. Подпись».

Господин Дайн шумно выдохнул и откинулся на спинку стула.

Слава светлым богам! Но кто бы мог подумать, что иметь дело с честными артефакторами — такое утомительное и нервное занятие?..

Глава 10

Лучшая защита — нападение, или О пользе водных процедур

Обратная дорога далась мне гораздо легче. То ли я притерпелась к неудобствам, то ли домой хотела так, что ничего другого не замечала. А еще я приспособилась спать, пристроившись на плечо Макса, взамен периодически ссуживая ему свои колени. И это здорово скрашивало монотонность пути!

Посетив все попутные города в обратном порядке, обзаведшись горкой мелких и не очень (ах, мой вышитый лен!) покупок, мы наконец вернулись в Лидий.

Знакомые разноцветные шпили рванулись в небо, стремясь угнаться за иглой ратуши. Колеса кареты дробно застучали о брусчатку мостовой совершенно особенным образом, больше нигде такого звука не было. Нет-нет, я не придумывала и не убедила себя в этом, все так и есть.

Город улыбался мне — и мне хотелось выскочить из кареты и побежать навстречу его улыбке, распахивая руки для объятий, принимая пахнущие морем поцелуи ветра. Лидий, увенчанный низким небом поздней осени, был прекрасен.

По домам решили не заезжать. Уж лучше сразу съездить в мастерскую, отчитаться о результатах поездки и потом домой — отдыхать, чем мотаться туда-сюда, тратя драгоценное время на бессмысленные разъезды.

Здание мастерской встретило нас приветливо сияющими окнами и вывеской, качающейся на массивных цепях под козырьком навеса. Как будто никуда и не уезжали!

Возница, получив указание ожидать пассажиров здесь, приготовился задремать на козлах, вполглаза присматривая за тем, чтобы городская шпана не влезла в карету с целью пошерудить в багаже, а мы пошли в мастерскую, в которой не были две недели и по которой, чего скрывать, успели изрядно соскучиться.

— Макс! Где тебя бесы носят, когда ты так нужен? — прошил перекрытия от третьего этажа до первого вопль господина О'Тулла, прозвучавший, стоило нам только войти в двери лавки.

Н-да, и впрямь как будто не уезжали...

— Это кричит тот самый лепреконт, который сам отправил меня в командировку. Практически силой! — иронично шепнул мне на ухо Макс и, чуть ли не насвистывая, направился к

лестнице, навстречу новостям.

Я тихонько прыснула в ладошку, глядя ему в спину. Ишь радуется. Ну да, истосковался бедненький! Я улыбнулась и повернулась к собственному источнику информации, который тут же сгреб меня в объятия, сияя улыбкой, звеня цепочками и излучая тепло. Шаен небрежно махнул мне из своего угла, прогудел: «Привет, Кудряшка!» — и снова погрузился в чтение газеты, делая вид, будто вовсе и не наблюдает, как мы с Мартой обмениваемся писками, визгами и объятиями. Ага, как будто я не вижу, что у него ухмылка сейчас до затылка дорастет!

Наобнимавшись с подругой вдоволь и убедившись, что за время отсутствия ни одна из нас радикально не изменилась, я наконец спросила о насущном:

— Марта, что это было-то?! Что здесь вообще творится?

— О, милая, я тебе сейчас такое расскажу — ты обалдеешь! Подожди, сейчас позову Аби и Дейдрэ, пойдем в «Горшочек», за обедом все и обсудим. — И умчалась к лестнице, шелестя юбкой, а последние слова ее донесли уже откуда-то сверху.

— Да я уже обалдела, — пробормотала я себе под нос, изумленно приподняв брови ей вслед.

А потом плюхнулась на стул рядом с Шаеном.

— Ну? Ты думаешь делиться со мной информацией?

— Терпи, Кудряшка! Сейчас тебе все расскажут. И даже покажут в лицах, — хохотнул массивный, лысый и татуированный охранник, легко уклоняясь от моего обиженного тычка локтем в ребра и ероша мне в отместку волосы на макушке.

С негодующим воплем я бросилась наводить порядок и оставила попытки выудить из коварного орка сведения.

Да и зачем? Мне сейчас и впрямь все в лицах покажут.

«Чудесный горшочек» встретил теплом общего зала, притягательными ароматами и свободным столиком у арочного окна, за которым любила располагаться наша девичья компания. Я с жадностью, которой сама от себя не ожидала, заказала полный обед, почему-то налегая на морепродукты, передала меню Дейдрэ, сидевшей справа, и выжидающе уставилась на главную рассказчицу:

— Ну?

— О'Туллу предъявили обвинение в шарлатанстве! — торжественно выпалила Марта, и я поперхнулась соленым сухариком с общего блюда, который грызла в ожидании заказа.

— Ну, не самому О'Туллу, а нашей мастерской, — рассудительно поправила ее дриада, невозмутимо постучав меня по спине. — И официальных обвинений предъявлено не было. Были три жалобы, поданные неизвестным лицом в стражу, в

магистрат и в Гильдию, с обвинением в том, что приобретенный у нас артефакт не работает. Стоимость указана какая-то астрономическая, у нас подобные выполняют только Макс и мастер Вийон и только на заказ, а этот чудила на букву «м» утверждал, что артефакт именно куплен в лавке. И продан он был как работа ведущего специалиста мастерской. И клеймо, что характерно, предъявил.

— Мастерской? Не мастера? — встревоженно уточнила я.

Абиес понимающе улыбнулась и успокоила:

— Именно мастерской.

Она ненадолго замолчала, пока подошедший официант расставлял наш заказ, и продолжила, когда он ушел:

— Впрочем, все хорошо, что хорошо кончается. О’Тулл встал на дыбы, потребовал подать ему жалобщика и съел бы его без соли, если бы его желание исполнили. А так все закончилось гильдейской экспертизой, признавшей, что сроки изготовления артефакта и клеймления не совпадают, подняли дело о нападении на Макса — словом, все снова свалили на покойного мастера Дайнира.

Марта фыркнула:

— Как будто в нашем богоспасаемом городе преступников, кроме несчастного Курта, не осталось!

Дейдрэ грустно улыбнулась при этих словах и приняла эстафету рассказчицы:

— Я с Боллиндерри ходила смотреть, что там за артефакт такой, и могу поклясться на чем угодно — не наша это поделка. Но на нас так резво начали обвинения во всех смертных грехах вешать, что поневоле подумалось: а не были ли аргументы пострадавшего звонкими и круглыми?

Она помолчала, гоня по своей тарелке вилкой и хлебом тушеный грибок, и продолжила:

— Нас спасла безупречная многолетняя репутация мастерской. Ну и еще луженая глотка О’Тулла. Гильдия встала горой, Горшечник на кого-то там надавил, и расследование провели честь по чести, да в кратчайший срок.

Я слушала этот рассказ и не могла отделаться от ощущения нереальности происходящего. В моем мировоззрении плохо укладывалась мысль о том, что можно вот так просто взять и опорочить доброе имя одной из лучших артефактных мастерских в Лидии. Как это так — обвинить нас в шарлатанстве? У кого язык повернулся, рука поднялась? О чем мог только думать такой человек!

— Тут еще сыграло роль, что, затянись вдруг расследование, наши государственные заказы и заказы от города должна была бы

принять на себя Гильдия. А все мастерские и гильдийские мастера сейчас и без того перегружены, рук не хватает — вот и постарались наши руководители не допустить волокиты.

Я кивнула. А мысли мои вертелись вокруг того, как легко порой опорочить чье-то доброе имя и от каких мелочей зависит его сохранность... Настроение совсем уж было ухнуло вниз, как вдруг я вспомнила:

— Ой! Девочки! Я же вам подарки привезла!

Остаток обеда прошел куда веселее — подружки наседали, требуя подарки предъявить или хотя бы рассказать, что это, а я отбивалась. Мол, все завтра — сегодня из багажа никак не достать, да и что там за подарки? Так, сувениры махонькие! И я уже не помню, кому что купила, да и вообще, какие подарки, девочки, вы о чем?! Не помню ничего такого!

Из «Чудесного горшочка» мы возвращались, то и дело переглядываясь и хихикая, как школьницы-младшеклассницы.

На следующий день я проснулась очень рано. Мне странно спалось эту ночь без Макса, которого я сама убедила, что вечер он должен провести с госпожой Эдорой после двухнедельного-то отсутствия, а я все равно страшно устала и засну, едва коснувшись головой подушки. Сказать было проще, чем сделать. За время поездки я настолько привыкла к постоянному его присутствию, что оказаться вдруг одной было как-то... странно. Благо мне было чем себя занять. Свитер сам себя не свяжет. Синенькие клубочки по мне словно даже истосковались, и вязание шло еще веселее, чем раньше.

Вот только ночью я проснулась и потом какое-то время не могла заснуть от того, что отчаянно искала и не нашла широкой груди, в которую так удобно уткнуться носом или использовать ее вместо подушки.

Так что на работу я пришла даже раньше Марты и минут десять сидела на ступеньках мастерской. Щурилась, наблюдая за тем, как краешек дымчато-бледного солнца, укрытого осенней хмарью, робко выбирается из-за красной черепичной крыши.

— Да ты здесь скоро поселишься, — развеселилась ведьмочка, отпирая дверь лавки. — Так соскучилась?

— Ага, — кивнула я, подхватив с земли пакеты с подарками. — Ну их, эти алмазы! Кому они вообще нужны?

Марта в ответ на это только как-то очень печально вздохнула. Пришлось ее утешить, что хоть алмазов я и не привезла, зато есть бусы, которые, возможно, ее чуточку утешат, а еще прекрасно подойдет к глазам!

Наш штатный продавец подарку обрадовалась так, будто я ей

дарственную на прииск преподнесла. Она стиснула меня в объятиях, а потом тут же кинулась показывать обновку показавшемуся в лавке Шаену.

— Кстати, у меня для тебя тоже кое-что есть! — объявила Марта, вернувшись за прилавок. — Вернее как, не совсем для тебя, но... в общем, вам с Максом вчера утром посылку принесли. Я думала сначала Кайстен сдать, а потом решила, что вы вот-вот вернетесь, так зачем лишний раз беспокоить спящего дракона? — Она весело мне подмигнула, а потом нагнулась и выставила на отполированное дерево картонную коробку с несколькими почтовыми штемпелями и одним — самым крупным — алхимической лаборатории «Тиррэл и сыновья».

Ой, так это же реактивы для госэкспертизы! Я просияла и едва удержалась от того, чтобы тут же перерезать слегка обмахившуюся бечевку и зарыться в приобретение с головой. Скорей бы пришел Эйрин и открыл мастерскую. И где вообще Макса носит, когда нам тут реактивы пришли?

Драгоценный все же не заставил себя ждать и появился в мастерской спустя несколько мгновений после того, как маг разомкнул контур, и я подхватила коробку с прилавка, чтобы поднять ее наверх. Весь какой-то востропанный, Макс поздоровался со всеми присутствующими разом, походя выхватил ношу из моих рук и направился к лестнице. Мне оставалось только пожать плечами и вприпрыжку поскакать за ним.

— Ты чего? — Я осторожно прикрыла за собой дверь. — Не выпался?

— Да, — не стал спорить мастер, сгрузил коробку на ближайший стол и стремительно шагнул ко мне...

— Ма-акс, — простонала я несколькими долгими минутами позже, когда внезапно обнаружила, что из восьми пуговиц блузки застегнутыми оставалась ровно половина — и то скорее всего ненадолго. — Не здесь же! Вдруг кто-то зайдет!

Мужчина, не поднимая головы и не отрывая губ от моей шеи, протянул руку и повернул ключ в скважине.

— Макс! — уже строже одернула я, сообразив, что эти слова были восприняты вовсе не как попытка прекратить провокационные действия, а скорее как просьба усилить меры безопасности.

Но и этот сигнал остался без внимания.

Тогда я поднырнула под упирающуюся в дверь над моим плечом руку, ужом выворачиваясь из объятий, и выскочила на середину комнаты.

Макс обернулся и посмотрел на меня, торопливо застегивающую блузку, как ребенок, которому сначала вручили

конфету, позволили развернуть фантик, а потом тут же отобрали, не дав даже надкусить.

— Не дуйся. — Я подошла к нему, положила ладони на грудь, успокаивающе погладила там, где громко и быстро стучало сердце. — Хочешь, я тебе вечером что-нибудь вкусенькое приготовлю?

— Хочу, — проворчал драгоценный недовольным тоном, явно считая предложенную замену неравноценной. — Дораду хочу. Жареную. С розмарином. И креветками... — Чем больше он перечислял, тем светлее и мечтательнее становилось выражение его лица.

— Тоже истосковался по морепродуктам? — хихикнула я. — Вчера в «Горшочке» я себе такую огромную порцию их заказала, что думала — лопну! Будет тебе твоя дорада. — Я приподнялась на цыпочках и поцеловала его в уголок губ. — А сейчас надо работать. Нам реактивы привезли для экспертизы, видел?

— Глаза б мои на них не глядели, — проворчал мастер, после чего повернулся к коробке и, подхватив со стола нож для резки по дереву, одним легким движением разрезал бечевку и вспорол плотно склеенный картон. — Доставай свою игрушку, будем изучать.

Несколькими минутами позже я сидела за своим столом, на котором лежал тот самый, не дающий мне покоя медальон. Макс прислонился к столешнице рядом, вытянув ноги и скрестив руки на груди, и вещал образцово-менторским тоном. Я столь же образцово внимала, прилежно сложив руки на коленях, хотя они так и чесались ощупать неизвестную вещицу со всех сторон.

— При проведении оценки артефакта в первую очередь полагается тщательно изучить и записать все внешние параметры предмета. Точные размеры самого артефакта и составных частей, их детальное описание.

Ну, это просто. Большую часть этой информации я и после давнишнего беглого осмотра могла выдать. Серебро. Восемь круглых аметистов, по полкарата, не больше. Расцветка от бледно-сиреневого в верхней части медальона до густо-фиолетового в нижней. В центре — крупный горный хрусталь идеальной огранки, сверкающий не хуже бриллианта. Вязь рун по периметру. Ее стоит изучить пристальнее, но, судя по тому, что артефакт скорее всего относится к категории связанных, именно эти руны привязывают к «основе» несколько более мелких того же назначения.

— ...При изучении внутренних потоков стоит действовать осторожно, даже если артефакт не активирован, поскольку он может иметь скрытые источники энергии или запасные

активирующие элементы на случай неполадок.

Я кивнула. Это мне тоже известно. Собственно, поэтому для настоящей экспертизы и требуются различного рода вспомогательные материалы. Сложные артефакты вроде этого зачастую делаются многослойными, могут иметь различные дополнительные свойства и даже быть защищены от исследования. Вот уж не хотелось бы, чтобы он в ответ на грубое проникновение взорвался у меня в руках, не оставив Максу на память даже кудряшек.

А вот как проводить глубокую экспертизу, нас не учили. Алхимические реактивы для подобных процедур стоили очень недешево, и массово закупать их для нужд учеников не могла себе позволить даже такая школа, как наша. Да и работа для артефакторов это была не самая распространенная. Экспертиза была необходима для судебных или следовательских нужд или же при обнаружении каким-либо образом сложного артефакта неясного предназначения, владельца или производителя которого установить не удалось. Что само по себе случалось не так-то часто.

Макс выставлял на стол реактивы из коробки, подробно поясняя, что для чего предназначено. Я внимательно слушала, параллельно любуясь то длинными пальцами, перебирающими флаконы, пакетики и коробочки, то крохотной морщинкой — знаком сосредоточенности — между темными бровями.

Экспертиза оказалась делом непростым, трудоемким и педантичным. Первую половину дня я занималась тем, что изучала и записывала все характеристики медальона — точные размеры, подробные характеристики камней и их магического потенциала, описание и расшифровка каждой руны и ее предназначение в данном конкретном артефакте... Макс в этом деле мне компанию не составил, целиком и полностью доверившись моей аккуратности, и взялся за новый заказ, а к экспертизе присоединился только после обеда, когда пришло время заняться детальным выяснением того, что же собой представляет эта безделушка как артефакт.

Разобраться в нагромождении внутренних потоков было сложно. Мой мастер то и дело озадаченно цокал языком, недовольно качал головой и брезгливо морщил нос, когда попадались силовые узлы, которые даже мне, малоопытному стажеру, казались лишними и непрактичными.

— Здесь что-то не так, — сделал вывод Макс, следом за мной разглядывая артефакт, погруженный в широкую колбу с зеленоватым эльфийским раствором, призванным визуализировать ключевые магические течения. Сила в нем

начинала мерцать и пульсировать голубоватым светом.

Я вгляделась в потоки. Нет, наворочено, конечно, много всего, но все циклы замкнуты и выведены в несколько ключевых точек: активация, деактивация и четыре позиции для связи с теми самыми, отсутствующими в наборе, прикладными артефактами.

— Смотри, — не разглядев понимания на моем лице, прима-мастер ткнул пальцем в колбу. — Видишь вот эту нить? Что проходит через все точки и выводит на активацию?

— Вижу, — кивнула я. — Но так и должно быть, разве нет? Связной поток...

— Да, должно, — согласился Макс. — А теперь присмотришь повнимательнее.

Я почти уперлась носом в колбу, до рези в глазах вглядываясь в тончайшие мерцающие волосинки энергии, оплетающие медальон, словно кокон, и уже хотела отстраниться, разочарованно качнув головой, как заметила...

— Их две! Вторая почти целиком скрыта за первой! Но зачем делать два связующих потока? И вообще так усложнять... — Я растерянно вскинула глаза на мастера.

Тот неопределенно пожал плечами.

— Два потока, завязанных на активации, делаются только в том случае, если нужно запустить одновременно две никак не связанных друг с другом функции.

— Но здесь не видно никаких других функций. — Я снова всмотрелась в зеленоватую глубину.

— Значит, либо их нет и двойной поток — ошибка мастера... — Я позволила себе наградить Макса скептическим взглядом. Артефакторы, способные создавать плетения такого уровня, столь глупых ошибок, думается мне, не допускают. — Либо, что более вероятно, второе предназначение артефакта мастер пожелал скрыть, и у него это очень хорошо получилось.

Макс выудил артефакт из жидкости, тщательно, насухо вытер. Покрутил в пальцах, как безделушку в ювелирном магазине.

— Сколько, говоришь, он весит?

— Двадцать три грамма.

— Слишком легкий. — Макс снова принялся разглядывать вещицу, и в серых глазах стремительно разгорался охотничий азарт.

— Разве? — усомнилась я, отчего-то испытав некоторый укол ревности. Это моя игрушка, он сам так сказал!

— Посмотри на толщину серебряной основы. Он должен быть тяжелее как минимум в полтора раза.

— Пожалуй... — неуверенно произнесла я. — И что теперь

делать? Как выяснить, что там за скрытая функция?

Макс с явным сожалением положил медальон на стол.

— Напишем запрос в Управление, нужно разрешение на проведение вскрытия. А пока ждем ответ, оставим под присмотром контролирующих амулетов, пусть последят за активностью. Не хотелось бы, знаешь, залезть внутрь, а потом обнаружить твои кудряшки где-нибудь в столице.

— Вскрывать... — протянула я с некоторым сожалением, задумчиво провела кончиком ногтя по выпуклому хрусталу.

— Мы осторожно, — утешил меня Макс, погладив по плечу. Ладонь затем скользнула на шею, средний палец пару раз обвел по кругу выступающий позвонок...

Я машинально склонила голову, блаженно прикрыла глаза на несколько мгновений, позволила пальцам скользнуть ниже, подныривая под ворот рабочего халата и блузки, а вскинув ресницы, наткнулась на донельзя самодовольный взгляд. Я не удержалась и показала мастеру язык. Тот в ответ дернул меня за кудряшку.

А что? У нас все серьезно. Все по-взрослому!

— Хватит так улыбаться, вредная девчонка, — проворчал Макс, возвращаясь к своему столу. — Сходи к мастеру Вийону, заberi у него контролирующие амулеты, я ему одалживал. Если они еще заняты, то надо спросить у Кайстен. Установишь контроль за этим артефактом и поможешь мне с текущим заказом.

Я с готовностью подскочила с места, порывисто обняла его со спины, чмокнула в щеку и умчалась выполнять поручения.

А потом я увлеченно играла в расстановку контролирующих артефактов, Макс — в строгого наставника, бдительно следящего за подмастерьем (не будем уточнять, на какой именно части тела я чувствовала его взгляд), когда снизу по старой доброй традиции донесся вопль, прошивающий перекрытия. На сей раз для разнообразия вопила Марта.

— Макс! Спустиись, к тебе посыльный!

Поскольку я всем видом демонстрировала занятость (не то чтобы мне трудно — а так, из вредности), то спустился действительно Макс. А вернулся с лицом недовольным и озадаченным.

— Что-то случилось? — насторожилась я.

— Мне все-таки придется завтра пойти на прием в загородной резиденции градоправителя. Я не собирался, это очередная нудятина. Но сейчас получил записку от главы Гильдии. Он хочет воспользоваться случаем и в обязательном порядке обсудить кое-какие вопросы.

— Значит, завтра ты будешь занят весь вечер? — уточнила я, стараясь не слишком выдать радость в голосе. Нет, я вовсе не мечтала избавиться от Макса, но свободный вечер для работы над шедевром определенно мне не помешает.

— И полночи скорее всего, — вздохнул драгоценный. — Так что завтра меня не дожидайся... если, конечно, ты не хочешь поехать со мной.

Погруженная в мысли о том, сколько я успею сделать и как мне потом улучшить момент и повидать госпожу Асту, я не сразу уловила перемену интонации в мужском голосе — от хмуро-деловой до заискивающе-искусительной.

— С тобой? — переспросила я, озадаченная как тоном, так и предложением. — А разве ты можешь привести подмастерье?

— Подмастерье — нет, — прищур серых глаз с каждым мгновением становился все хитрее и хитрее, и в ответ на мой недоуменный взгляд Макс наклонился к моему уху и пояснил жарким шепотом, будто доверял самую страшную из тайн: — Но некоторые из присутствующих будут определенно рады познакомиться с будущей госпожой Шантей.

Я мучительно покраснела и прижала ладони к запылавшим щекам. Благо требовать ответа мастер не стал. Буднично заключил: «Подумай об этом», — поцеловал меня в кончик носа и вернулся к работе.

И хотя я точно знала, что не поеду завтра ни на какой прием, вдруг подумалось, что словосочетание «будущая госпожа Шантей» произвело на меня совсем не тот эффект, которого я ожидала. В животе екнуло, и сердце заколотилось с утроенной силой.

Вот только совсем не от ужаса.

В моей милой, тихой, уютной квартирке на чердаке дома № 37 по улице Зеленщиков нынче былолюдно. И не очень тихо. И не слишком уютно.

Строго говоря, куча стражи, канюками слетевшаяся на ошметки невезучего злоумышленника, еще ни одной квартире уюта не добавляла. Как и сами ошметки неизвестного придурка, невесть зачем попытавшегося влезть в мою квартиру некоторое время назад.

И вот я сидела на собственной постели, закутанная в одеяло, в состоянии некоторого ступора и созерцала хаотичное движение сотрудников доблестных органов правопорядка. Даже некоторые вопросы их слышала. На иные даже отвечала. А мыслей в голове — ни одной. А, вру! Есть одна — одеться бы! Но для этого нужно встать, пройти пять шагов по комнате перед кучей чужих мужиков, сверкая нижним бельем, шлепая ногами в пушистых,

чистых шерстяных носочках по загаженному полу... Да и не хотелось.

Можно я еще чуточку вот тут, на кровати, посижу?.. И хорошо бы еще одеяло на голову натянуть.

Сорвавшаяся со стены маска так и рухнула у окна и теперь, частично завалившись набок, опиралась на подоконник. Створки верхних двух ликов откинулись в стороны, как ставни, а последний, самый нижний, ничем не напоминал вырезанную на куске дерева и примитивно раскрашенную личину. Сейчас это была натуральная рожа, ощеренная, с вращающимися, налитыми кровью зенками. Ритуальная раскраска — киноварь с белыми и черными полосами — казалась нанесенной на живую кожу.

При любой попытке подойти ко мне ближе чем на два шага толстогубая пасть скалилась, обнажая жуткие зубы, ноздри раздувались, и свирепое шипение давало понять — кровожадный дух, живущий в маске, подобных вольностей не одобряет.

Честно говоря, даже на меня, точно знающую, что хозяйке артефакт вреда не причинит, впечатление он производил сильное.

Появление Макса слышно было издалека — как бы не с первого этажа! Скандал вышел знатный, хоть и короткий — и я от души посочувствовала стражникам, пытавшимся задержать прима-мастера. Кажется, даже моя маска так не орала, обнаружив вторгшегося на ее территорию злодея...

Он влетел в квартиру в ореоле гнева, запаха дождя, ночной улицы и привычно дорогого мужского парфюма. Сопровождаемый криком снизу «Эй, там! Этого пропустите!» и топотом ног, спешащих следом. Рванулся ко мне под вопль старшего из стражников «Не подходить!».

— Нинон, ты в порядке? — потряс меня, непривычно жестко заглянул в глаза, сразу и оценивая мое состояние, и определяя на глазок степень повреждений, и прикидывая, а не пора ли бестолковую спасать.

— Угу. Все хорошо. — Я через силу вяло улыбнулась.

Он накинул мне на плечи свое пальто, прикрыв им прямо поверх одеяла, и распрямился стальной пружиной, оглянулся зло.

— Почему до сих пор не оказана помощь? — вроде и не громко рыкнул, но невысокий полноватый дядька, что в самом начале пытался ко мне подступиться, виновато крикнул и рот открыл оправдываться...

— Не подпускают, — хмуро перебил толстячка старший следственной группы и без слов ткнул пальцем в сторону тотема.

Макс негромко ругнулся под нос. Шагнул к маске — и артефакт, только что беспрепятственно пропустивший мастера ко

мне, предупреждающе вздернул губу, обнажив в угрозе крупно вырезанные зубы и десны, а потом воздух прорезал тонкий, пронзительный свист — до того мерзкий, что мозг, казалось, высверливали изнутри. Но прима-мастер не был бы прима-мастером, если бы не попытался совладать с упрямой деревяшкой. Он попробовал все же прикоснуться, подойти со стороны левой скулы и начертить блокирующий символ. Вокруг маски дрогнуло пространство, воздух наполнился ощутимым лишь артефактором гулом силы, собираемой для удара. И мужчина отступился. Двух предупреждений оказалось достаточно, а третьего, как правило, не дают...

Ну, логично. Макс мне стража по всем правилам передал, теперь он мой. И если некоторые послабления (например, приблизиться к охраняемому объекту) мужчине, как дарителю, позволены, то вмешиваться в работу артефакта он сможет только после того, как я проведу ритуал возврата.

Старший группы, орудовавшей в моей квартире, дождался, пока мастер отойдет от агрессивной маски, и насел с вопросами уже на него. Кто такой? Как здесь оказался? На каком основании врываетесь на место проведения следственных мероприятий? В каких отношениях состоите с хозяйкой квартиры?

Макс слушал, отвечал и медленно наливался злобой. Кому как, а мне это было отчетливо заметно. Не быстрыми, легко гаснущими вспышками бешеного темперамента, а медленной, тягучей, неспешно заворачивающейся в тугой ком яростью... Таким я его еще не видела. И предпочла бы не видеть и дальше. В какой-то момент он перестал отвечать на вопросы, плотно сжал губы и легким стремительным шагом вышел из квартиры.

— Вольфгер! — Макс, свесившись с перил, заорал куда-то в пустоту лестничного пролета. — Вольфгер!!!

Что он творит? Ночь же... Сейчас и те, кого тотем не перебудил, проснутся. Голоса на лестнице стали тише, зато ближе.

— Макс, чего ты орешь? Какая муха укусила? — раздался негромкий и какой-то усталый голос собеседника мастера.

— Капитан, я тебя предупреждаю! Еще раз увижу этого кретина, что у тебя здесь за старшего, — и о моей помощи можете забыть! — Макс вернулся в мою квартиру в сопровождении здорового, массивного мужчины в форме городской стражи.

А у нас все без изменений! Я сижу, старшой стоит, все остальные усиленно работают. Красота и полная гармония! Еще бы одеться уже...

— Макс, полегче! — успокаивающе попросил мастера его спутник, тот самый Вольфгер, метнув на подчиненного

предупреждающе злой взгляд. — У тебя социальный контракт с Управлением, а мой человек просто делает свою работу!

— Лейт, я сказал — ты услышал. Если я его еще раз увижу в Управлении — услуги от меня вы станете получать строго в рамках, оговоренных контрактом. Никаких дополнительных консультаций и добровольных ночных выездов. В лучшем случае. А в худшем... Мой контракт находится у Управления только потому, что я лично просил об этом градоправителя. Перевести его в магистрат или администрацию Лидия — вопрос двух частных разговоров.

— Макс, а мы? — Собеседник все-таки постарался перевести все в шутку, смягчить ситуацию, но мастер продолжал упрямо нагнетать.

— А вам прима-мастер — слишком жирно. Оборзели.

Безмолвный поединок взглядов, глаза в глаза, но аргументы Макса весомее, и названный Вольфгером уступил.

— Давай так. Ты перестанешь злиться, а мой парень извинится, — примиряюще предложил он. — Ночь, нервы. Все переволновались, устали...

И Макс Шантей, недовольно дернув ртом, неохотно, но согласился.

И впрямь погорячился.

Офицер повернулся ко мне, подошел, насколько позволил бдительный артефакт. Поздоровался. Повторно, кажется. Представился:

— Вольфгер Лейт, вервольф. Капитан стражи и ответственный за расследование происшедшего в вашей квартире. Не возражаете, если я вас допрошу?

Я разглядывала мужчину с интересом и, пожалуй, симпатией. Угмонить взбешенного Макса без скандалов и последствий? Мужик, дай мне мастер-класс! Такое дорогого стоит. И против допроса не возражала. Повторного. В этот раз я его по крайней мере замечу.

Бумага, любезно предоставленная капитану подчиненными. Перо. Спокойный, слегка усталый, крупный мужчина на стуле передо мной. Незнакомый мужчина — на привычном, знакомом до последнего гвоздя, стуле. Ощущение нереальности нарастало.

Легкие шаги на лестнице — кто-то поднимался сюда, в мою квартиру. Звонкой дробью цокали каблучки, походка летящая и стремительная. Звук красивый.

Пришедшая ворвалась в мой дом — вся как будто свечением окутана. Нарядное белое пальто, сияющие светлые волосы. Вместе с ней как будто ворвался солнечный свет посреди моей отратительной, незадавшейся ночи. И я внезапно начала

злиться. На толпу посторонних людей, из-за которых я уже час как не могла одеться. На всех, кто ворвался в мой дом без спроса и без приглашения. На идиота, припершегося ко мне ночью. Заляпавшего мои вещи своей кровью. Заварившего все это.

И гнев поднял меня вперед. Злость сделала за меня эти пять шагов в носках и белье, под прикрытием черного кашемирового пальто Макса, словно доспехов. Не я взяла со стула свои вещи — их подхватила чистая, неразбавленная агрессия. Она клокотала внутри меня, шипучей пеной заливала голову, но я все же успела заметить в настенном зеркале отражение. Один из стражников открыл рот что-то сказать мне вслед. Напоролся на тяжелый взгляд Макса и захлопнул его.

Правильно. Лучше не лезьте сейчас ко мне!

Укрывшись за ширмой, отделяющей ванный закуток, я выскользнула из вещи, хранящей запах моего мужчины — запах, поддерживающий во мне силы. Пристроила пальто прямо на ширму.

Начала одеваться. Меня чуть потряхивало. В рукава рубашки попасть удалось не с первого раза. А за шторкой читала бодряую скороговорку обязательных формальностей вновь прибывшая. Мастер-артефактор, надо же. Из того самого контролирующего органа.

Всем доброй ночи — Шантей, привет. Должность-категория-имя. Зарегистрировано нарушение целостности печати, время. Дежурила-прибыла, время.

Небыстро там у них, да. А за ширмой продолжали общаться:

— Ну, что здесь? — Мастер излучала благожелательность и позитив. — Артефакт типа «тотем», класс защитный. Активен. Срабатывание штатное, причин для беспокойства нет!

— Угу, труп в лохмотья есть, а причин для беспокойства нет! — поддакнул кто-то из группы, и тут же заткнулся.

— У нас тут прима-мастер имеется, — прогудел капитан. — Отключить пытался. Так ваш защитный тотем без причин для беспокойства чуть его не угробил, к демонам!

Надеть штаны удалось уже легче. По крайней мере с первой попытки. Обувь и вовсе подчинилась моей воле без капризов.

— Ничего удивительного, артефакт древний, да еще и племенной, да еще и на крови. Чтобы его деактивировать, нужны специальные принадлежности и сложные ритуалы...

Я, проходя мимо маски, шлепнула ее ладонью по лбу. Раскрытой, голой ладонью — по бордовой коже в белой с черным росписи. Ударила мимоходом, но от души, вложив сил с избытком. Артефакт, потеряв неустойчивое равновесие, упал на пол — уже безжизненным куском дерева.

— Или твердая хозяйская рука, — не меняя интонации, завершила речь дамочка.

Она держала в руках крупную шайбу служебного медальона: считать фоновые показатели с артефакта и регистрационные — с печати. Светлые волосы — восхитительно короткие, до середины шеи, и сияли гладким белым золотом. На тонких пальцах — массивные кольца, и, я уверена, это не простые украшения. Белое пальто было распахнуто, под ним черная ткань строгого брючного костюма, пояс с фигурной бляхой ведомства. Вся она воплощенный профессионализм и элегантность. И свет. Раздражение подхлестнуло меня, и я, демонстративно не замечая того, что топчу улики, прошла на кухню.

Проверила, есть ли в чайнике вода, и запустила плитку. На Макса я намеренно не смотрела. Пока я зла, как шершень, мне не страшны допросы и трупы. Стоит мне увидеть тревогу в его глазах, пожалеть себя — и я развалюсь на куски. Забьюсь к Максусу под крылышко и буду рыдать у него на груди, надеясь, что все оставят бедную маленькую девочку в покое. А я не такая. Я со всем справлюсь.

На миг задумалась — кофе или чай? Да, вот только кофе мне сейчас и не хватало! И так взвинченная... Молча достала чайную заварку, выставила сахарницу, чашки... Хм, а чашек у меня только две. И стульев тоже два, считая тот, на котором расселся капитан. Макс, не стесняясь, присел на кровать, всем остальным пришлось стоять.

А нечего рассиживаться! Вы сюда работать прибыли!

— Ну, что там с вашими вопросами? — напомнила я капитану.

В пустой заварочный чайничек — две мерные ложки чайного листа. Щелкнуть ногтями по гладкому глиняному боку, испещренному символами, когда-то мной и выведенными алхимической тушью. Подождать, пока активированные руны согреют сосуд.

— Пожалуйста, для протокола. Назовите ваше имя, род занятий и расскажите, что произошло.

Залить водой, согретой до состояния «белого ключа», приготовленную заварку. Бережно, плотно накрыть крышечкой.

— Нинон Аттария. Проживаю в этой квартире в течение трех лет. Оканчиваю Лидийскую школу артефактики, прохожу стажировку по специальности в артефактной мастерской господина Боллиндерри О'Тулла. Сегодня, около часа пополудни, проснулась от жуткого шума. Оказалось, что кричала маска квакиутль — охранный артефакт, сработавший в силу неизвестных мне причин. Включив свет, обнаружила, что

причиной срабатывания стало проникновение в мое жилище неизвестного, останки которого сейчас собирает по моей квартире ваша группа. Опознать не могу. Предположений относительно причин происшедшего не имею. Все, больше по факту случившегося мне сказать нечего.

Привычные действия успокаивали, помогали собраться.

— Вы уверены, что не встречали этого человека раньше?

— Вы видели, что маска от него оставила? Мне трудно что-то определенно утверждать. Повторите мне этот вопрос, когда составите приблизительный портрет злоумышленника, — мой голос звучал хладнокровно, сухо. Как будто и не волновало меня наличие в моей квартире трупa. Не пугал до дрожи в коленях сам факт его здесь появления, когда он еще не был таковым.

Развернувшись к госте, я вежливо предложила ей чай, и едва она согласилась, в разговор вмешался капитан:

— Я бы тоже не отказался.

— У меня всего две чашки, — отрезала я.

А сияющая блондинка, проходя мимо офицера, походая выдернула из-под него стул с безмятежной уверенностью женщины, которой воспитанный мужчина не смеет не уступить. И вервольф даме культурно уступил. Она пристроила стул у столика, присела — пальто свое шикарное так и не сняла, и оно, распахнутое, легло красивым обрамлением эффектной женщины. Осанка, движения рук, взявших чашку, — все было исполнено естественной элегантной женственности. Я вновь засмотрелась на ее стрижку — гладкий шелк, щекочущий кончиками прядей шею... Когда-нибудь решусь и сделаю себе такую же! Я бросила косой взгляд на Макса, так и сидящего на моей постели. Напряженные плечи, закаменевшие скулы. Взгляд осязаемо-плотный. Жесткий.

...Пожалуй, не скоро. Если вообще решусь.

Посыпались вопросы Вольфгера Лейта. Он задавал их профессионально-участливым тоном и вообще был безупречно вежлив. Но допрашивал дотошно. Тасовал свои вопросы, чередовал, перефразировал. Сохраняя на лице выражение сочувствия. Нет, я не требовала рассыпаться передо мной в утешениях и понимала, что оборотень, стоящий передо мной, — матерый профессионал, просто выполняющий свою работу. Но заварником ему в голову хотелось запустить просто невыносимо.

Капитан ослабил нажим. Не иначе как почувствовал мое желание. Переключился на специалистку по артефактам повышенного уровня контроля:

— Что скажете, мастер Алмия?

Блондинка ответила безмятежным взглядом:

— Печать Управления не нарушена. Незаконных вмешательств в настройки артефакта не выявлено. Несанкционированных воздействий на артефакт не выявлено.

Мастер отвечала официально и лаконично. И вервольфу это откровенно не нравилось.

— Подробнее. — Голос капитана, и так низкий, зазвучал жестче.

— Все будет указано в отчете! — Артефактор любезна до невозможности и отшила капитана со всей своей благожелательностью.

Она сделала глоток чая и продолжала улыбаться — сдержанно, углами губ. Спина идеально ровная, колени сжаты, ноги скрещены в щиколотках. Свет отражался в гранях бриллиантов в сережках. Благородное достоинство образа не портили излишне крупные кольца и массивные служебные артефакты. Это даже логично — совершенство не должно бросаться в глаза. Леди. Безупречна.

И лишь на дне зрачков, укрытое ресницами, плескалось лукавство — не скажу, не скажу! А вот и не заставишь!

Ярко ощутилось раздражение капитана. Тщательно сдерживаемое, но все же проявившееся. И мое собственное, полыхнувшее порохом, на который неразумно обронили искру.

— Мастер Алмия, вы не могли бы просветить насчет ваших предварительных выводов меня? Как хозяйку артефакта. — Мой голос так вежлив, что это просто оскорбительно.

Да, я была зла. И не собиралась это скрывать — в моем доме творилось демоны знают что, а им лишь бы игрища свои межведомственные устраивать! И именно поэтому на ее удивленный моим тоном взгляд я с прежней ядовитой вежливостью пояснила:

— У меня тут человека убило. Представляете?! Проснулась среди ночи — а квартира вся его ошметками заляпана! Хотелось бы знать: а какого, собственно, беса?!

Удивление эксперта-артефактора сменилось сочувствием и... ободрением? Она улыбнулась одними глазами — неожиданно тепло и вполне мирно поинтересовалась:

— Коллега?

— Будущая, — буркнула я и села наконец на свой стул. Ноги тут же начали мелко подрагивать глубинной мышечной дрожью.

— Выпускница? Значит, уже коллега! — не согласилась гостя. — В настройках рылась?

Я отрицательно дернула головой и, плотнее обхватив горячую чашку ледяными пальцами, сделала крохотный глоточек.

Чай горячим комком прокатился по пищеводу, но желанного успокоения не принес.

— Маска достаточно агрессивно настроена была. Когда подарили, поверхностные параметры проверила на соответствие необходимым и больше не лезла.

Мастер задумчиво кивнула своим мыслям, а капитан снова влез с вопросом:

— Проверили параметры? У вас были причины сомневаться в намерениях дарителя?

Эксперт Управления по контролю магических проявлений посмотрела на офицера Управления городской стражи. Со смесью некоторой жалости к умственно отсталому, легкого недоумения, как ему оружие-то выдали, а также сдержанной скорби, что именно ей, по недосмотру светлых богов, приходится разжевывать убогенькому прописные истины. Каюсь, но боюсь, что мой собственный взгляд сейчас мало чем отличался от взгляда госпожи эксперта. А если и отличался — то вряд ли в лучшую сторону...

— Капитан Вольфгер. Древние артефакты подобного порядка обладают в некоторой степени собственной волей. А поскольку магия эта сугубо кровавая, то и воля их редко бывает благодетельной. Ритуал передачи от владельца владельцу — это момент ослабления контроля. Именно поэтому по окончании ритуала рекомендуется проверить и обновить параметры и настройки артефакта. Ибо в состоянии «бесхозности» тотем мог их «сбросить», заменив на произвольные или же вовсе обнулив до первичных. Халатность в обращении с такими охранниками чревата чрезвычайно серьезными последствиями! — высокомерно сообщила блондинка офицеру.

И, развернувшись ко мне, уже совсем иным тоном, деловым и спокойным, продолжила:

— Кстати, теперь можешь возиться со своей игрушкой совершенно безбоязненно. Ты ее «покормила» — все, ты полновластная владелица.

Мельком глянув в сторону Лейта, я увидела тихое бешенство во взгляде, направленном на мастера Алмию. Кивнула словам эксперта. Спутанные кудряшки упали на глаза, я раздраженно отвела их за ухо и уточнила:

— Отчего «страж» сработал так избыточно?

Мастер элегантно и непринужденно пожала плечами:

— Согласно показаниям индикаторов, воздействие соответствует норме.

— Так что, этот взломщик меня в кровавые брызги разнести собирался? — тоскливо спросила скорее саму себя, чем

собеседницу.

— О нет. Просто маска-то предназначалась не для индивидуального использования, а для защиты деревни от врагов — видала, громадина какая? Для работы по площадям ваяли. Маски для частного пользования вполне можно носить на лице, размер позволяет. Вот и получилось как получилось! Не переживай, потом просто мощь на самый нижний уровень выставишь — и будет тебе счастье, — успокоила меня дама.

Уловила движение со стороны нависающего над нами капитана и без вопросов пояснила сама, пока эксперт-артефактор не воспользовалась случаем еще немножко побесить противника:

— Эти маски квакиутль действуют по принципу соразмерности. Если бы преступник влез ко мне с целью кражи — просто не смог бы покинуть квартиру. Имей он намерение принести физический вред — отделался бы болями и судорогами. Убийце — смерть. Все тождественно. Все равноценно. Вот только маска-то у меня рассчитана на массовое воздействие.

И, поставив недопитый чай на стол, неожиданно яростно закончила:

— Отмывая теперь жилище от этого ублюдка!

— Все верно, — согласилась мастер, — подробности со всеми замерами пришлю отчетами, официальный протокол получите после расшифровки показаний с артефактов-индикаторов, за сим позвольте откланяться!

Она поставила свою чашку, тоже не пустую, поправила волосы, пальто и, неожиданно перегнувшись через стол, сжала мою ладонь в ободряющем жесте поддержки. Кивнула напоследок Макс у, не удостоив прощанием всю следственную группу во главе с их капитаном, покинула мою квартиру. Так же стремительно и легко, как в нее ворвалась.

Ее уход как будто дал отмашку на старт — все разом заговорили, Лейт выдал что-то рычащее нецензурное, а Макс пружинисто поднялся на ноги и уточнил у всех присутствующих, скоро ли они нас покинут.

Дальнейшие события я запомнила урывками.

Вот Макс спорит с капитаном, настаивая, что все необходимое они уже сделали и могут закончить позднее. Или в крайнем случае могут отпустить хозяйку квартиры. Вот я натягиваю куртку, а Макс, присев на корточки, помогает мне обуться. Вот мы сидим в пролетке извозчика, и я, уткнувшись лицом в его плечо, рыдаю. Безудержно, с подвываниями и успокаиваюсь, лишь когда экипаж останавливается и Макс помогает мне выйти. Вот я сижу на диване в просторной, хорошо освещенной гостиной, а надо мной стоит госпожа Эдора. Крутит

мою голову, осматривает зрачки, щупает запястья, попутно выговаривая сыну. У меня в руках — высокий холодный стакан с водой, с резким запахом валериановых капель. Я пью, и зубы стучат о его край. А я уже успокоилась настолько, что мне от этого звука неловко, и я переживаю, что вот сейчас его случайно разобью... И Макс. Он рядом все время. И от этого мне становится легче, чем от успокоительных капель и целительской магии его матушки. Кажется, все вместе это наконец-то дает эффект, потому что я слышу слова госпожи Эдоры: «Макс, проводи Нинон в зеленую спальню!»

И дальше — снова провал.

В себя я пришла уже в выделенной мне спальне, причем очнулась настолько, что сил хватило на препирательства с Максом. Довольно, кстати, бессмысленные, но бодрые. Суть их заключалась в том, что Макс действительно поселил меня в гостевой комнате.

Кто-нибудь, объясните мне, чем меня это не устроило.

— Ну, не при матушке же мне было тащить тебя в свою постель! — веселился Макс.

Я кротко смотрела на него, сидя на кровати, на роскошном покрывале в этой самой «зеленой» спальне его дома. Макс раздевался. Не спеша, со вкусом. Медленно расстегнул ворот. Большой палец скользнул по белому льну. Следующая пуговица. Кисти — темные на белом фоне. Движения — привычные, уверенные. Ме-е-едленные.

— А что ты вообще тогда здесь делаешь? Это гостевая комната! Иди отсюда — у тебя своя есть! — фальшиво и насквозь неубедительно возмутилась я, оторвавшись от притягательного зрелища.

Он только ухмыльнулся. Ворот рубашки разошелся, открывая узкий клин загорелой кожи груди. Мужчина расстегнул рукава. Левый. Неспешно, вальяжно. Правый. Так же уверенно-неторопливо. Щелкнул фигурной пряжкой ремня. Расстегнул. И снова вернулся к полам рубашки. Я чуть не застонала и только после этого сообразила, что замерла столбиком, зверьком-сусликом и заворуженно наблюдаю за предложенным зрелищем. Которое, собственно, для того и было предложено. Кажется, сейчас на меня всю производили впечатление!

Посмотрела в глаза мужчине. Сглотнула.

Тепло. И забота. И желание. И проказливая ухмылка.

Это что, все для меня, да? Мамочки! Заверните мне этого мужчину навынос!

Полы рубашки окончательно разошлись в стороны, Макс взялся за пуговицу на поясе брюк.

...К бесам, не заворачивайте, я его сейчас съем!

Я осторожно встала. Медленно, почти крадучись, подошла к объекту. Обошла по кругу. Это игра. Это такая замечательная игра, и мне в ней сегодня можно все! Мужчина терпеливо ждал. Не удержавшись, прижалась к спине, обняла за пояс, потерлась лицом, щекой чувствуя сквозь тонкую ткань рубашки сильные мышцы, стержень позвоночника, делящий спину вдоль, выступы лопаток. Он откинул голову, отзываясь на ласку, коротко потерялся затылком о мою макушку. Тихонько вздохнул. Ладонка сама погладила эластичный живот. Большой палец пригладил выемку пупка, ноготки легонько царапнули гладкую кожу.

Отстранилась. С сожалением отпустила мужскую талию. Пошла дальше. Завершила круг, оказавшись лицом к лицу. Похозяйски положила руки на тяжелый кожаный ремень. Запрокинув голову, вгляделась в его лицо. Наблюдает за мной из-под опущенных ресниц. Замер в восхитительной неподвижности. М-р-р, какой же он вкусный. На него вкусно даже просто смотреть. Я потерлась щекой о грудь. Голая кожа отозвалась на прикосновение совсем иначе, чем прохладная ткань — вздрогнул, там, глубоко, быстрее забилося сердце... Поцеловала. То самое место, под которым стучало, гнало кровь по венам сердце сильного мужчины.

И тут же, чтобы не расслаблялся, куснула — под соском, не сильно, но ощутимо. Зализала укус. Кажется, у кого-то проблемы с дыханием! Надо же, такой молодой... Я сочувственно потерлась щекой об укушенное место. Мысленно цокнула языком — боюсь, от моего сочувствия ему не лучше! Наоборот даже... Расстроилась. Скользнула ладонями по талии, ребрам, по спине. И впилась ногтями в длинные, гладкие мышцы, притягивая его к себе, подымаясь на цыпочки, прижимаясь к губам, целуя. Жадно, торопливо, отчаянно.

Без слов рассказывая, как мне сегодня было плохо без него. Как я испугалась. Как нуждаюсь в нем, в его утешении. И как ценю все, что он для меня сейчас делает.

Мужские руки, до того замершие в неподвижности, взметнулись вверх, они сжали меня в объятиях, и через миг мы уже целовались — как сумасшедшие, как приговоренные. Прижимаясь друг к другу. Не в силах остановиться, оторваться друг от друга хоть на мгновение...

Отстранилась. Отдышалась. Развернулась и ушла в ванную. Мне определенно нужно сбавить накал! Иначе я его изнасилую прям тут! И даже — прямо стоя. Интересно, сколько лет тюрьмы мне дадут за изнасилование Макса Шантея, совершенное при полном его попустительстве, но с учетом, что он происходит из

влиятельной семьи, а я приезжая, и, в случае судебных разбирательств, у меня не найдется ни связей, ни состояния?

Я разделась, бросив одежду неопрятной горкой на полу, ступила в душевую кабину. Открыла краны, и вода обильным горячим дождем пролилась сверху. Кто бы знал, какой испачканной я себя чувствую! Смыть это и не тащить в близость с Максом.

Душевую кабину заволокло паром. Мысли об оставшемся в спальне мужчине вновь заполнили голову. Какой он... Ур-р!

Вопрос о величине возможного срока занял меня всерьез. Итак, он мужчина, и он сильнее — это можно отнести к смягчающим обстоятельствам. Но он мой начальник, и тогда это должностное преступление. Или должностное преступление — когда наоборот? Тогда обстоятельств,отягающих состав преступления, в моих действиях не обнаружено! Я возрадовалась и намылила руки — сначала левую, потом правую, безжалостно проигнорировав ванную.

Какая ванная, когда у меня там недораздетый Макс стоит?!

Ой! Уже не стоит...

И это просто возмутительно!

Вошел в душевую, голый — в чем мать родила...

— Макс, так нечестно! Я сама хотела снять с тебя штаны! И вообще, уходи отсюда! Не трогай меня!

Притиснул к стенке, полностью игнорируя трепыхания. Завел мои руки вверх, зафиксировал запястья одной рукой...

— Макс, пусти! И немедленно отпусти мои руки! Боги, да не в душевой же! Макс, мы убьемся!

Поцеловал ключицу. Прикусил. Лизнул. Не обращая внимания на попытки вывернуться, проложил цепочку поцелуев от шеи до ушка. Прикусил мочку. Прижался всем телом, впился поцелуем в шею...

— Прекрати, пожалуйста, прекрати... Ма-а-акс, Макс, здесь скользко! Мы упадем, и точно убьем... ох, да что ты вытворяешь! Макс, Макс, Ма-а-а-акс...

Он сжал мои запястья левой рукой, правая скользила по телу, губы не замирали ни на секунду... Мне было так хорошо, и так сладко и нестерпимо хотелось обнять его. И струи дробились о его спину, разлетались невесомыми брызгами, и можно было вволю сцеловывать их с широких плеч, чувствовать под губами на его груди и горле...

— Пожалуйста, милый, хороший, родной, пожалуйста, отпусти, ну, пожалуйста, дай я тебя обниму-у-а-а-а! Хватит! Хватит, пожалуйста... Еще-о-о! Да-а-а! Да, Макс, еще, пожалуйста, любимый, дорогой...

Тело сладко обмякло, руки отпустили, но это уже и не волновало. Мир, кажется, только что прекратил вращаться. Потом подумал и возобновил движение, но уже в другую сторону. Я Нинон Аттария, проживающая по адресу: дом 37 по улице Зеленщиков. Это — Максимилиан Шантей, проживающий... А бес его знает, я адрес не спрашивала! Но провалов в памяти вроде не обнаружено, интеллект понемногу возвращается — это радует. Руки двигаются, ноги... О, ноги тоже уже двигаются! Только трясутся...

Я помотала головой, разгоняя снующие хаотичные мысли, обняла за пояс своего ненаглядного — он, кстати, так и стоял, опершись ладонью о стену душевой над моим плечом с одной стороны и лбом в нее же — с другой.

Он там дышит хоть? Спросить, что ли? Ой, сил нет! Я зевнула и пристроила голову ему на плечо. Пульс по крайней мере есть — лбом чувствую... Я вот тут немножко посплю, хорошо? Усталость навалилась неподъемным грузом, глаза закрывались сами собой, и уже не хотелось ничего — только спать, спать и спать... Ну и можно немножко обниматься.

— И все равно я сама хотела тебя раздеть!

Пудобнее пристроилась на его плече, потопталась на месте, перехватила руки в замок, намереваясь уснуть здесь и сейчас. А что? Здесь хорошо, тепло, здесь Макс...

Мыл меня мой мужчина уже без моего участия. Я, кажется, даже двигалась, когда меня просили. Но не просыпалась.

Парой дней позже

— Ах, Эдора, твой Макс уже не мальчик, ему давно бы пора обзавестись семьей, порадовать мать внуками! — сладко пела Ноэлла Роутест, старинная приятельница, встретившись с Эдорой Шантей за кофе в кондитерской.

— Помяни мое слово, — хмыкнула в ответ на эти слова любящая матушка, — полугода не пройдет, женится!

— Это на ком?! На той безродной соплушке, что ли? — ревниво ужалила давняя подруга счастливую свекровь. Будущую.

— Почему же безродная? Очень приличной крови девочка, из хорошей семьи. А что не из знатных — так и мы, чай, не аристократы. Так что пусть твоя Ланка приостынет и не позорится! Нечего ей за занятым мужиком бегать, достоинство ронять. — Госпожа Эдора, возвратив собеседнице шпильку, невозмутимо отделила ложечкой крохотный кусочек пирожного и отправила его в рот, запив маленьким глотком кофе.

Ноэлла Роутест последовала ее примеру, про себя подумав,

что, пожалуй, сию радостную весть подругам сообщать не станет. Особенно градоправительнице Терезе Вардстон, хвалившейся на днях, что ее племянница на недавнем приеме буквально лишила завидного холостяка Шантея дара речи.

Глава 11

Непростые раздумья, или О том, как создаются шедевры

Мне снились струи воды, стекающие по плечам и спине, пар, обнимающий меня невесомым коконом. Сильные руки, беззастенчиво скользющие по всему телу, от головы до мизинчиков на ногах, взбивающие мои мокрые волосы в невесомую пену, одурительно пахнущую яблочным шампунем. Горячий водопад, обрушившийся на макушку. Я отфыркивалась, мотала головой и все равно не открывала глаз.

Мне снилось, как на плечи легло огромное махровое полотенце, и я стояла, закутавшись в него, и терпеливо ждала, пока все те же руки не промокнув вторым, поменьше, мокрую шевелюру, с которой падали на пол звонкие капли. А потом я стала совершенно невесомой, взмыла в воздух птицей, а спустя несколько мгновений упала в огромное белое облако с неуловимым ароматом жасмина. Другое такое облако накрыло меня сверху, и я провалилась в них с улыбкой на лице. Потому что почувствовала, как моего лба коснулся такой родной, такой знакомый поцелуй. Провалилась под сладкую колыбельную из всего лишь нескольких слов:

«Я люблю тебя, Нинон...»

Проснувшись, я даже не сразу поняла, что уже не сплю. Было, как во сне, очень тепло, мягко, от чистого накрахмаленного белья едва уловимо пахло жасмином, толстое пуховое одеяло накрывало словно снежной шапкой. Я сладко, почти с хрустом потянулась, стремительно забывая, как это часто бывает, что же именно мне снилось, но сохраняя ощущение — что-то очень хорошее! — и приоткрыла глаза.

Светло-изумрудные обои стены напротив стали для меня неожиданностью. Я рывком села, не понимая, где нахожусь. Воспоминания нахлынули стремительно, вместе с паникой и отвращением к причине моего здесь появления. Нечеловеческим усилием воли загнав их в самый дальний угол сознания, я огляделась и быстро успокоилась, наткнувшись взглядом на спящего рядышком Макса. Мужчина лежал на спине, чуть повернув голову набок. Умиротворенное лицо, взъерошенный ежик, медленно, едва заметно вздымающаяся грудь.

Мой мужчина.

Я мысленно посмаковала это смелое заявление и не смогла

сдержать улыбки — та лезла, непрошенная, и совершенно не хотела убираться.

Мо-ой.

Протянув руку, я пригладила торчащие вихры; почти не касаясь, провела кончиками пальцев по щеке, спустилась ниже, положила ладонь на грудь, прислушалась, как бьется сердце, ударяя ровно в центр ладошки.

В следующее мгновение его рука взметнулась, дергая меня за запястье, и одновременно с этим Макс перевернулся, подминая меня под себя. Я самым трусливым образом взвизгнула, трепыхнулась, как пойманная в ладони бабочка, пытаюсь вырваться, и только потом сообразила, что никто меня убивать не собирается. А этот подлюка нагло ухмылялся, по-кошачьи щурясь, с видом совершеннейшего превосходства. Разозлившись на собственный испуг и на то, что он застал меня врасплох, я зло стукнула его по плечу и вредно увернулась от поцелуя. Первое мужчину не впечатлило, второе не сильно расстроило — он зарылся носом в мои волосы и так и застыл, весомо придавливая меня к кровати.

А потом двинулся к шее, дыша мелко и часто, словно тычущийся в лицо хозяина щенок. Я тут же забыла про гордую неприступность и начала извиваться, безуспешно пытаюсь отстраниться.

— Ма-акс! Прекрати! Перестань сейчас же! Щекотно!

Безрезультатно. В дело пошли еще и руки, я почти что звывала, рыдая от смеха, грозилась наслать на мучителя какое-нибудь Очень Страшное Проклятье с помощью Очень Страшного Артефакта, который обязательно когда-нибудь изобрету-у-у-у!

Но остановился он, только когда я окончательно обессилела и распласталась по кровати раскрасневшейся, тяжело дышащей, но совершенно безвольной куклой, не возражавшей ни против поцелуев, ни против «боммм-к», ни против того, чтобы меня похозяйски пристроили на широкой груди, великодушно позволяя отдышаться и прийти в себя.

— На работу сегодня пойдешь, Кудряшка? Может, тебе лучше остаться здесь, с матушкой? Отдохнуть тебе не помешает. — Мастер запустил пальцы в копну моих спутанных кудрей, методично перебирая их, словно расчесывая.

Сразу я вопрос не уловила, блаженно жмурясь, когда волосы натягивало — не больно, но чувствительно, — а потом тут же отпускало. Новое движение — новое покалывание, словно точечный массаж. Пальцы зарылись особенно глубоко, касаясь кожи, а потом, словно гребнем, провели до самых кончиков, одним слитным усилием выпрямляя прядь, но стоило отпустить,

как она тут же закрутилась в привычное состояние.

Я уже все простила, и мне хотелось весь день пролежать так, нежась в кровати и напрашиваясь на ласку, словно кошка. Но спустя несколько мгновений щедрое предложение до меня все-таки дошло и слегка отрезвило. Мне сложно было представить, как на самом деле отреагировала госпожа Эдора на все случившееся этой ночью. Полагаю, когда Макс привез меня, она повела себя скорее как превосходная целительница, а не одна из первых леди Лидия. Но по здравом размышлении ситуация складывалась более чем неловкая. И я даже не знала, как смотреть почтенной матушке Шантей в глаза.

— Нет, я с тобой. — Я теснее прижалась к теплому боку.

Макс, видимо, что-то уловил в интонации, потому что настаивать не стал. Вместо этого взлохматил напоследок все кудри разом, заставляя меня вскинуться и помотать головой в попытке отбросить волосы с лица, и сел, подытожив: «Тогда подъем!»

Я потянулась за одеждой, которую один заботливый мужчина перенес из ванной на тумбочку возле кровати.

— Я пойду к себе одеться и умыться, ты можешь спускаться вниз, столовая справа от лестницы или подождать меня зд... — Макс осекся, поймав мой испуганный взгляд, и тепло улыбнулся. — Тоже со мной?

Кивнув, я опустила голову под предлогом застегивания пуговиц на рубашке.

— Нинон. — Мастер подошел и опустился на корточки, чтобы заглянуть мне в глаза. — Тебе здесь нечего бояться, слышишь? И уж тем более некого. Моя матушка тебя не съест. На завтрак она употребляет гренки, а не маленьких кудрявых девочек.

— Ничего я не боюсь, — вспыхнула я и с вызовом добавила: — Я просто хотела посмотреть на твою комнату. Ты же мою видел, а я твою нет — это нечестно!

— Согласен, — кивнул Макс со всей серьезностью, не пряча искры смеха в глазах. — Тогда идем.

Мы вышли в коридор — светло-коричневые стены, картины в позолоченных рамах, мраморная ваза с какой-то пальмой в углу, темные резные двери. Макс миновал одну из них, распахнул вторую и приглашающе взмахнул рукой, пропуская меня вперед.

— Располагайся. — Мужчина поцеловал меня, замершую за порогом, в висок и скрылся за дверью справа, откуда вскоре донесся шум воды.

Да, мне бы тоже не помешало умыться, пока он будет одеваться. А сейчас я медленно двинулась вперед, озираясь, как в музей, неуверенно обводя кончиками пальцев контуры мебели из

темного дерева с золотисто-медовым оттенком. Кровать с высокими столбиками и тяжелыми перекладинами на них, но без балдахина. Небрежно брошенная на столик возле нее раскрытая книга. Я наклонила голову и приподняла книгу, чтобы разглядеть название. «Взаимодействие различных минералов в артефактах многофункциональной направленности». Хихикнула. Тоже мне чтение на ночь. Вспомнила, с какого рода литературой частенько засыпаю сама, и окончательно разулыбалась — два сапога пара. Дошла до окна и отвела в сторону полупрозрачную штору из тонкого шифона. Моим глазам открылся вид на сад, чуть мрачный сейчас, под низким осенним небом и с голыми, облетевшими ветвями, но, несомненно, прекрасный и манящий прохладой в жаркий июльский полдень.

Я вдруг поняла, что никогда раньше не задумывалась особенно о положении Макса в обществе помимо того факта, что он является одним из лучших мастеров Гильдии. А сейчас остро ощутила, что это не просто дом и не просто сад. Это самое настоящее фамильное гнездо, в котором выросли многие поколения представителей одной из старейших лидийских фамилий. На работе происхождение Макса не особенно бросалось в глаза — дорогая одежда периодически пряталась под рабочим халатом, модные ботинки — под слоем пыли, металлических стружек и еще боги знают чего, а благообразная вежливость высшего света — под ядовитым характером. А ведь эта роскошь для него — простая повседневность.

Я оглянулась и снова обвела взглядом комнату. Красиво. Чего греха таить, мне здесь нравилось. Хотя я и не имела совершенно ничего против моего уютного чердачного гнезда с дерущимися потолками.

Последняя мысль была лишней. В памяти мгновенно всплыл заляпанный пол, который я только-только вымыла, кровавые брызги на собственноручно разрисованном окне и безнадежно испоганенные подушки на подоконнике, на который вообще было страшно смотреть. Чужие люди, топчущие светлые половицы. Грязь. Тяжелый запах крови.

К горлу подступил ком, а глаза отчаянно защищало.

Я зажмурилась и сжала подрагивающие губы. Раз все закончилось хорошо, значит, вчерашнее — просто страшный сон. Я не буду на нем заикливаться. Не буду! Как будто мне подумать больше не о чем! Тут вон куда более наболевшие вопросы решения требуют с учетом новых деталей...

Если я выйду замуж за Макса Шантея, я не просто сменю фамилию. Я целиком поменяю окружение. Нет, никто не запретит мне все так же бегать в «Горшочек» с девочками из мастерской на

обед. Но вечера? Выходные? Званные ужины. Официальные мероприятия на высшем уровне. Многочисленные правила, тонкости... требования. И сдается мне, ко вновь прибывшим они куда выше, чем по отношению к тем, кто в этом кругу с рождения.

А если о плюсах?

Я перееду в этот огромный красивый дом и буду спускаться на завтрак в столовую справа от лестницы. Чтобы погулять по саду, мне больше не придется скатываться с пятого этажа и преодолевать три квартала до городского парка. И готова поспорить на свои кудряшки, у Макса здесь есть личная мастерская...

— Нинон, если хочешь умыться, я нашел запасную зубную щетку. Гребень там есть, но если он тебе не подойдет, попросим другой у матушки.

Мужчина приблизился, обнял со спины, прижался к моей щеке своей — только что побритой. Мне ужасно нравилось прикасаться к ней в такие мгновения, целовать прохладную, гладкую-гладкую кожу, вкусно пахнущую дорогим одеколоном.

...Если я выйду за него замуж, то смогу это делать каждое утро. И каждый вечер засыпать вместе. И вместе гулять по любимому городу, держаться за руки и не бояться, что кто-нибудь нас увидит.

— О чем ты так задумалась, Кудряшка?

Губы расплылись в улыбке. «Тебе бы наверняка понравилось то, о чем я думаю. Но, прости, мой хороший, этими мыслями я делиться пока не готова».

— Всякая ерунда. Я — умываться! — И, мимолетно коснувшись губами его щеки, я поспешила в ванную.

Пригоршня холодной воды оказалась очень кстати, а вот мужской гребень с короткими частыми зубцами безнадежно завяз в кудряшках, поэтому я кое-как распутала их мокрыми пальцами и на том успокоилась. В мастерской есть несколько запасных шпилек, а до мастерской и так сойдет.

Вот только на лестнице, при спуске в столовую, страх снова холодной клешней сжал сердце. И захотелось спрятаться за спиной Макса и не высовываться, благо птичье телосложение это прекрасно позволяло. Я знала, мой мастер не даст меня в обиду, но мне до смерти не хотелось видеть разочарование и неодобрение в глазах его матери, прикрытое налетом светской вежливости.

Госпожа Шантей, стоило нам зайти в столовую, улыбнулась мне так приветливо, словно я была долгожданной гостьей, а не безродной девицей, которую сын притащил посреди ночи в совершенно неадекватном состоянии. Она подставила Макс

щеку для поцелуя и приглашающе указала мне рукой на стул по правую руку от себя.

— Как вы себя чувствуете, Нинон? Слабости нет, голова не болит?

— Все в порядке, спасибо. — От откровенно дружелюбного, располагающего тона мне даже стало стыдно за мысли, роившиеся в голове несколько мгновений назад.

— Это славно, но я бы посоветовала вам выпить очень крепкого чая, — произнесла она, этот самый чай мне наливая. — И, я полагаю, сегодня вы хорошенько отдохнете. Наш дом в вашем полном распоряжении. Без лишнего хвастовства замечу, что здесь имеется превосходная библиотека.

— Это очень любезно с вашей стороны, — открестилась я. — Но в мастерской очень много работы и...

— Какая работа после всего случившегося?.. — искренне возмутилась госпожа Шантей. — Макс!

Мастер вскинул голову, отрываясь от тарелки, перевел взгляд с матушки на меня, потом обратно. Хмыкнул, ухмыльнулся — нашли крайнего! — и с независимым видом вернулся к еде.

Я вновь встретила взглядом с такими знакомыми глазами на еще пока мало знакомом лице. Госпожа Шантей вздохнула, недовольно покачала головой, но больше ничего не сказала, только непрерываемо подложила мне еще одну свежую булочку с абрикосовым вареньем.

На это у меня возражений не нашлось. Булочки и впрямь были выше всяких похвал.

Покидала я особняк Шантеев в глубокой задумчивости. После завтрака с госпожой Эдорой, принявшей меня как родную, все сомнения и страхи перед высшим светом улетучились, будто их и не было. Одобрение человека, чье мнение было действительно важно, получено. А все остальное не имело значения. Да и вообще, в Городе Мастеров жене мужчины вроде Макса куда охотнее простят неумение быть леди, чем неумение быть мастером. А мастером хорошим я обязательно стану.

— Нинон. — Я вынырнула из размышлений и оторвалась от созерцания городских красот, сменяющих друг друга за бортиком пролетки. — Пока все не уляжется, мы проживем в моей городской квартире.

Это явно был не вопрос, но я все равно кивнула. И только спустя несколько мгновений озадачилась:

— У тебя есть квартира?

— Родители выставили меня из дома на совершеннолетие. — Макс по-мальчишески усмехнулся. — Воспитывали самостоятельность. Я там жил до смерти отца. Сразу

предупреждаю, там может быть пыльно.

— Ты меня туда жить зовешь или уборку делать? — Я подозрительно сощурилась.

— Одно другому не мешает, — развел руками мастер. — К тому же у тебя это превосходно получается, даже несмотря на то, что окно кое-кто так и не домыл.

Мне оставалось только ткнуть вредителя локтем в бок.

Разговоры-разговоры... Вокруг сплошные разговоры. Сегодня утром, только придя на работу, Макс поднялся на третий этаж к О'Тулли, прихватив по пути Дейдрэ. В кабинете у Горшечника после краткого пересказа ночных событий объявил, что я ночевала сегодня в доме у Шантеев. И пожалуй, пока домой не вернусь — у него будет безопаснее. Слушатели ошарашенно молчали. А потом заговорили все разом, костеря на все корки обнаглевших бандитов, стражей-бездельников, возмущаясь бездействием городских властей...

Итог подвел О'Тулл, морщась как от зубной боли и нервно дымя трубкой:

— Все хорошо, что хорошо кончается! Идите работать все...

К обеду в мастерскую к Максусу заявился Вольфгер Лейт. Предъявил мне составленный магами-криминалистами портрет вчерашнего злоумышленника, которого я, кстати, не опознала. Потратил десять минут на допрос — не вспомнила ли я со вчерашней ночи чего-либо важного? А не знала ли я некоего Енгорса Шальфа? Точно не знала? Уверена, что не знала? А если подумать? Все равно не знала? Ну что ж, пока у нас больше нет к вам вопросов, но если вдруг что-нибудь вспомните, обязательно сообщите!

А потом он повернулся к Максусу:

— Я бы хотел поговорить с вами о ваших вчерашних показаниях...

Макс мазнул по мне взглядом, и я демонстративно повернулась к своему рабочему месту, взялась за чертежные принадлежности. Даже по моей спине было видно: чертежи сами себя не подготовят! Макс укоризненно вздохнул. Если он пытался воззвать к моей совести, то совершенно напрасно — совесть тоже считала, что нам хорошо бы послушать, о чем будет идти речь.

Потому что Макс, судя по выражению его лица, очень даже в курсе.

Вольфгер Лейт поудобнее устроился на стуле:

— Вчера вы сказали, что в квартиру по улице Зеленщиков, № 37, вы были вызваны запиской от потерпевшей.

— Сказал, — согласился Макс. — И еще вчера мы выяснили,

что Нинон этой записки не писала. И что записки у меня нет, мы тоже выяснили еще вчера. Она пропала, так что подтвердить свои слова мне нечем. Вольфгер, прекрати выкать и изображать любезность и переходи сразу к делу.

Капитан хмыкнул и последовал совету Макса:

— Повтори, пожалуйста, что там было написано?

Макс нервно дернул плечом и отозвался:

— Просьба срочно приехать, потому что ей кажется, что ее хотят убить, и ей страшно.

— Макс, почему, получив записку, ты не усомнился, что она написана твоим подмастерьем, и сразу поехал к ней?

Судя по ухмылке моего мастера, он ни минуты не сомневался, что вервольф давно все понял. Но капитан смотрел серьезно и терпеливо ждал ответа, и я затаила дыхание, ожидая, что же ответит Макс.

— Потому что я люблю эту девушку. И ты увидел это еще вчера. Но если тебе так важно, для официальных документов скажу даже больше — я сделал ей предложение, на которое она пока не дала ответа. Да-да, Нинон, не красней — скрывать что-то от оборотня бессмысленно, все равно разнохает.

Я покраснела еще сильнее и, чтобы отвлечься, стала перебирать карандаши, раскладывая их по степени твердости. Щеки горели, и уши тоже. Сама не ожидала, что эти слова, сказанные Максом вслух и постороннему человеку, так на меня действуют.

Макс улыбнулся:

— Не переживай ты так, Нинон! Дальше Лейта эти сведения все равно не пойдут.

И с нажимом уточнил у капитана:

— Верно ведь?

Тот, наблюдавший за нами с выражением, подозрительно похожим на умиление, заверил, что никому и ничего, разве что в случае крайней необходимости. Я подозрительно пробуравила офицера взглядом. Вроде не издевается... Странно. Вот я бы на его месте померла бы от смеха!

Макс между тем вернулся к теме записки:

— В общем-то почерк был похож. Но не так чтоб слишком. Да и сама записка была какой-то мятой, в кляксах. Я не сказал бы со стопроцентной уверенностью, кто ее писал, но в любом случае поехал бы к Нинон. Потому что если это шутка — то это очень плохая шутка.

Лицо капитана стало непроницаемым. Совершенно. И по моему, это был очень скверный признак.

Да что там — мне и самой случившееся не казалось шуткой.

А Макс, помолчав, заговорил. Но как-то медленно, осторожно подбирая слова. Так, будто бы сам был в них не уверен:

— Понимаешь, что меня еще тревожит... Я не собирался ехать на этот прием. И не поехал бы, если бы накануне посыльный не доставил мне записку якобы от мастера Нористера с просьбой быть. Его интересовали некоторые рабочие вопросы.

Он снова замолчал, сомневаясь, и капитан Лейт его поторопил:

— А на самом деле?

— И на самом деле магистр Нористер был очень рад меня увидеть. Он сразу же вцепился в меня по тем самым рабочим вопросам. Но он меня не вызывал.

— Кто знал о том, что ты подарил своей девушке охранный артефакт?

Вопрос, прозвучавший вроде бы невпопад, сбил меня с толку. При чем тут это?

Макса же резкая перемена темы не озадачила:

— Никто. Я принес тотем к Нинон прямо перед отъездом в Аргейд, потом две недели квартира была заперта, после возвращения с приисков гостей у Нинон еще не было. — Макс вопросительно посмотрел на меня, и я согласно кивнула. — А до того страж хранился в моей городской квартире, запертый в домашнем сейфе, как и положено.

— Как и положено, — повторил капитан за моим мастером. — А что, если не секрет, побудило тебя сделать столь необычный подарок?

Макс ответил. Доходчиво и нецензурно, в краткой, но эмоциональной речи выразив свое отношение к предшествовавшим акту дарения событиям.

Вольфгер, слушавший Макса все с тем же каменным выражением лица, молча сунул руку в карман пальто и вынул оттуда нечто. Я начисто забыла про чертежи и вытянула шею, пытаюсь рассмотреть, что там.

— Тебе знаком этот предмет? — Капитан положил на стол рядом с Максом принесенное.

Нож. Складной карманный нож. Изящная безделушка — полированное черное дерево рукоятки, костяные накладки на черене, по спинке рукояти тянется широкая костяная полоса, переходящая в резную драконью морду в оголовье. Кость, кажется, моржовая. Дорогая вещь. Я ее ни разу не видела.

Макс, окинув нож беглым взглядом, тоже покачал головой, а капитан пояснил:

— Нашли на месте происшествия. Сам понимаешь, у стажерки-подмастерья такой игрушке взяться неоткуда. А вот у

тебя — запросто может иметься.

Взял нож со стола, повертел в пальцах, разглядывая на свету, и заключил:

— Так что, думаю, это несостоявшееся орудие убийства.

Моего, стало быть, убийства. Я нервно стиснула кулаки. Карандаш, зажатый в руке, обреченно хрупнул.

— Думаю, события должны были развиваться так: злоумышленник проникает в квартиру к госпоже Аттарии, убивает ее и бесследно исчезает, оставив нож. Дождается, пока на месте преступления появишься ты, и вызывает стражу от имени какого-нибудь соседа, обеспокоенного шумом. Стража, естественно, приезжает — и что видит? Труп девушки, мужчину, находящегося в ее доме среди ночи, уделанного в крови... Ведь ты бы попытался оказать ей помощь, верно?

Макс кивнул. Он слушал вервольфа молча, не перебивая. Только черты лица заострились, да во взгляде, устремленном на нож, горела ненависть.

— Так вот, факт твоей связи с подчиненной мы бы установили быстро, даже надумай ты ее скрывать. И все. После этого ты мог бы до хрипоты доказывать, что ни при чем, что тебя подставили, — кто бы тебе поверил?

— У меня не было причин, — голос Макса был таким спокойным, что у меня волосы на затылке зашевелились. Держал в руках он себя явно с трудом.

— А причины следователь сам придумал бы. Мало ли — может, девушка шантажировала тебя связью. Или требовала жениться. Или изменяла. Или изводила ревностью. Поверь, вариантов тьма!

Макс стиснул зубы. Он верил.

Мне нестерпимо хотелось подойти и утешить его, успокоить.

— Вспоминай, Макс Шантей, кому ты сумел настолько досадить, — спокойно и буднично закончил речь Вольфгер и убрал нож обратно в карман.

Я не выдержала. Бросив на стол изувеченный карандаш, встала и шагнула к Максусу.

Коснулась пальцами его скулы, разворачивая голову, заставляя смотреть на меня, а не куда-то в пространство, где перед его внутренним взором наверняка еще крутился в пальцах оборотня нарядный складной нож. Не надо ему этой картинки. Пусть смотрит — я здесь, я с ним, я жива. Погладила его — легонько, пропуская сквозь пальцы русые волосы. Нестерпимо хотелось принять на себя его боль, его страх. Как ни странно, сказанное капитаном меня не особо пугало — я еще вчера приняла и пережила мысль, что меня хотели убить, а вот Макс...

Он поймал мою руку, прижал ладонь к губам, потерся об нее щекой каким-то совершенно кошачьим движением. Глаза прикрыты, густые короткие ресницы отбрасывают тень, придавая лицу вид изможденный и одновременно загадочный. Смотреть больно. Совсем его эти мерзавцы измучили...

Макс открыл глаза, взглянул на меня и попросил, с сожалением выпуская мою ладонь:

— Нинон, сходи, пожалуйста, к О'Тулли. Скажи, что я просил спуститься ко мне в мастерскую.

Короткое мгновение нашей нежности и невозможной близости прошло.

Когда я поднималась на третий этаж, мысли в моей голове крутились, метались и сталкивались, порождая хаос. Размышляя о том, что, по мнению Макса, вчерашнее происшествие связано с работой, иначе зачем бы ему О'Тулл, я не задумалась об очевидном — а почему Максу было не позвать господина владельца мастерской традиционным способом, то есть просто заорав с нашего этажа на хозяйский. И напрасно не задумалась — это была лишь первая ласточка...

Когда же я, вслед за Боллиндерри О'Туллом, вернулась на рабочее место, капитан меня поблагодарил и из мастерской выставил! Это здорово поубавило моей к нему симпатии. Макс протестовать и не подумал, предатель. Признаться, в этот момент у меня и к Максусу симпатии поубавилось... Подслушать, о чем они говорят, не удалось, но обеспокоенные лица, взгляды, которыми мужчины обменялись перед началом разговора, — все свидетельствовало о некотором взаимопонимании. И о том, что мне лучше бы присутствовать, если я хочу быть в курсе.

К сожалению, этой точки зрения здесь больше никто не разделял.

Конечно, я не спорю — внутренние дела мастерской меня, временную сотрудницу, никак не касаются. Но... Не в том же случае, когда из-за этих секретов меня убить пытаются!

И вот теперь я сидела внизу, у Марты, от нечего делать помогала ей наводить порядок в витринах: она протирала сами стеллажи и закрывающие их стекла, а я стирала пыль с многочисленных артефактов и амулетов, выставленных для демонстрации в торговом зале. Пыльная, должна сказать, у Марты работенка!

Вот только занятые руки никак не мешали мне думать. И нервничать тоже.

Думы эти не радовали. Руки делали знакомую еще по дому работу — не раз и не два мне приходилось заниматься тем же самым в родительской лавке при мастерской, а в голове меж тем

варилось ведьмино варево. Сами собой всплывали в памяти события месячной и двухмесячной давности, припоминались кое-какие детали и мелочи. Находилось простое объяснение многим странностям, и выстраивалась четкая цепочка причин и следствий.

К моменту, когда уборка закончилась, я совершенно точно знала, что мне следует делать. Поблагодарила Марту и, проигнорировав ее изумленный взгляд, отправилась наверх. Коротко постучала в дверь, которую уже так привыкла открывать без стука, и, не дожидаясь, пока мне запретят, вошла.

— Мастер Шантей, а можно я сегодня пораньше домой уйду? — выдала я с порога самым сладким тоном, имевшимся в моем арсенале.

Макс одарил меня растерянным взглядом. Верно, подозревал, что сегодня меня из мастерской не вытянешь и парой ломовых лошадей. И не без оснований. А вот хозяин откликнулся моментально:

— Нинон, — начал он вкрадчиво, — а это ничего, что у нас работы полно?

— Господин О'Тулл, ну, пожалуйста! — заныла я, отчаянно давя на мужскую жалость работодателя. — Меня вчера чуть не убили, я так испугалась, так перенервничала! Я ночью почти не спала, так переживала — вы не поверите!

В ответ меня смили откровенно скептическим взглядом. Двумя скептическими взглядами. Сообразив, что драгоценного и лепрекона так просто не проведешь, я сменила тон и совершенно буднично закруглила мысль:

— А еще у меня останки убийцы по всей квартире валяются. Если успели протухнуть, то и за два дня этот ужас не отмыть...

От этой мысли желудок, вроде бы со вчерашней ночи угомонившийся, опять подкатил к горлу. Боги, представляю, как там воняет!

О'Тулл, уловивший, к чему я клоню, среагировал мгновенно:

— На два дня не отпускаю! Сегодня, так уж и быть, можешь быть свободна...

Ну, я же знала! Я всегда знала — наш начальник прижимистый, ворчливый, но не злой! Макс, вмешавшийся в наш разговор, мигом остудил мою радость:

— Одну не пущу!

Я сникла. Однозначно беспокойство Макса имело под собой основания, вот только присутствие ненаглядного в моих планах не учитывалось. Больше скажу — оно им, планам, прямо противоречило. Но все же я не зря считала этого мужчину лучшим в мире — оценив мою расстроенную мину, а также

сообразив, что, находясь в квартире, я не смогу сунуть нос в их секреты, он повернулся к вервольфу:

— Лейт, выдели ей, пожалуйста, сопровождающего из своих людей. Это на один день.

Ну, так еще куда ни шло! На сопровождающего я согласна, сопровождающего я переживу и даже рада буду! Вопрос решили в десять минут, и вскоре я в компании одного из ребят, что ночью были у меня в квартире вместе с капитаном, уже усаживалась к скучающему на проспекте извозчику.

Дом № 37 по улице Зеленщиков встретил меня привычной тишиной и спокойствием. Я нырнула в парадную и, игнорируя удивление своего спутника, решительно постучалась в дверь квартиры на первом этаже. Здесь жили госпожа Рена Кинст, почтенная матрона и мать семерых очаровательных детишек в возрасте от года до двенадцати, с мужем, сапожником Льюко Кинстом. Доходов супруга семейству было маловато, и достойная женщина частенько бралась за разумную плату починить чье-то белье, помочь со стиркой либо готовкой, да и уборку ей можно было доверить безбоязненно. Женщиной она слыла ответственной и добросовестной, и пусть раньше мне к ее помощи прибегать не приходилось — я и сама вполне способна прополоскать свои немудреные наряды, а студенческий доход не так велик, — в нынешних обстоятельствах я готова была раскошелиться. Ничего, на жизнь хватит, а станет совсем туго — отпишусь родителям, что поиздержалась, на шедевр потратилась. Ради такого случая уж вышлют денег дитятку, отступятся от строгих воспитательных принципов!

Госпожа Рена к просьбе отнеслась с пониманием — конечно, она наслышана о кошмарном происшествии в моей квартире, и, разумеется, молодой девушке не стоит смотреть на такие ужасы. Она даже уступит мне в цене, я ведь и так столько всего пережила! Я представила, что ожидает добросердечную соседку у меня на чердаке, и мрачно вздохнула:

— Не стоит, госпожа Рена. Там такое!.. Как бы еще надбавка не потребовалась.

Поймала сочувственный взгляд, ответила на него грустной улыбкой и повела гостей наверх, нащупывая в кармане курточки ключи, предусмотрительно прихваченные Максом накануне.

Звонко щелкнула внутренняя пружина в замке, я потянула ручку на себя, с замиранием сердца ожидая, что встретит меня за закрытой дверью...

Все оказалось не так ужасно. Да — запах, но фрагменты тела забрала следственная группа, а окно, вскрытое покойным взломщиком, кто-то предусмотрительно оставил приоткрытым, и

холодный осенний сквозняк не дал застояться воздуху в квартире. А малоприятные пятна на полу и кое-где на стенах — беда поправимая.

...Смотреть на свое оскверненное жилище было больно.

«Съеду», — подумала я неожиданно для самой себя и тут же поняла, что это правильно. Может, со стороны и глупо искать новое жилье на те три месяца, что мне осталось стажироваться, но... Я сюда не вернусь. А окружающие могут думать что им угодно.

— Вот видишь, все вовсе не так страшно, как ты думала! — вмешался в мои мысли голос госпожи Рены. — Ты покажи мне, где у тебя что, и иди, милая, иди — нечего тебе тут... Вон как с лица сблелнула, одни глазищи зеленющие отсвечивают!

Я принужденно улыбнулась ей кивком в сторону кухонного стола, на котором так и стояли две недопитые чашки чая, показала стражнику, где он может подождать. Шагнула к кровати и, приподняв матрас, достала незаконченный свитер — саарская шерсть, глубокий синий цвет, вязка лицевой гладью. Ни узоров, ни излишеств. Только тонкая-тонкая, с паутинку толщины, мифриловая проволока, закаянная в холодном пламени, напоенная моей силой, гибкая, легкая и прочная. Почти невидимая.

Так, главное забрала. Теперь еще спицы, два мотка шерсти — один понадобится точно, а второй... Пусть будет! Мало ли. Хотела было собрать вещи, которые возьму с собой к Максу, но раздумала — вечером он меня отсюда забирать будет, так что придется вернуться все равно, тогда и соберу. А сейчас время жалко. Деньги, документы, ключи забрала еще вчера. Больше мне пока ничего и не нужно. В двух словах обсудила с соседкой уборку, показала, где у меня хранится нужный инвентарь. С благодарностью приняла ее предложение постирать постельное белье и другие загаженные вещи, что попадутся, попросила захлопнуть дверь перед уходом и с облегчением покинула стены квартиры, что была мне уютным гнездышком долгих три года. Выделенный в сопровождение стражник молча последовал за мной.

Извозчик негромко цокнул языком, шевельнул поводьями, и лошадка бодро зацокала подкованными копытами по булыжной мостовой, торопясь доставить меня к дому госпожи Асты.

— Ты вроде собиралась уборкой заниматься, — осуждающе протянул подчиненный капитана Лейта, когда я расслабилась, удобно откинувшись на сиденье пролетки.

— Я ею и занялась, — с достоинством подтвердила я, — в первую очередь. А теперь, когда этот вопрос решен, займусь другими делами.

Стражник, который даже представиться не удосужился, молча сверлил меня взглядом. Пытался. Но я после семи лет обучения в школе артефактики и стажировки у Макса Шантея к сверлению устойчивая. Ну если, конечно, без использования подручных средств. Словом, не этому салаге на меня давить! Поздно, дружок, ты уже в пролетку сел. Я безмятежно прикрыла глаза, давая легкое злорадство и настраиваясь на работу.

Городские звуки отступили, страхи, что весь день сегодня следовали за мной, стали прозрачны, легки, как осенние дымки. Посторонний мужчина рядом на сиденье не отвлекал от мыслей. Я успокаивалась. Вспоминала наши с Максом счастливые моменты, перебирала драгоценные воспоминания, ласковыми касаниями оживляя радостные минуты. Его сегодняшняя нечаянная нежность. Выражение лица моего мужчины, в котором непонятно, чего больше — болезненной муки или наслаждения. И ощущение его щеки под моей ладонью. И вчерашняя готовность вцепиться в горло любому, кто покажется для меня угрозой. Бездонное синее небо над рыночной площадью Виелы, то непередаваемое чувство, когда окончена сложная, трудная, но хорошо выполненная работа, и ощущение переплетшихся пальцев, когда он не пожелал выпустить моей руки. Тепло, разливающееся во мне от осознания внимания и заботы.

К дому наставницы Асты я подъехала в совсем ином настроении, чем отъезжала от своего. Сейчас я была спокойна, в солнечном сплетении теплым комочком жила уверенность — все будет хорошо. Все божьей милостью и нашими трудами обойдется.

Белые стены, бордовая черепица. Дом пожилой одинокой старушки, не бедствующей, но и не богатой. Одинокой? Небогатой? Ой ли! В доме этой женщины хранится сокровищ на несметные суммы, вот только не всякому дано их взять. Древние знания абы кому не передаются. И то, что меня допустили к самому краешку, одним глазком позволив заглянуть за завесу обыденного, привычного, уже честь. Великая милость. И я ценила. Я безмерно ценила оказанную помощь, проявленное доверие. И потому, входя в дом, уже привычно поклонилась мудрой старой женщине в пояс.

— Доброго дня, госпожа Аста!

Но наставница нынче удостоила меня лишь мимолетного касания к макушке, показывающего, что она увидела и оценила мой жест. Куда больше ее интересовал человек, пришедший со мной. Скользнув по нему коротким взглядом, она властным тоном бросила:

— Это не тот.

Я не сразу поняла, что обращается наставница ко мне, а не к стражнику, а когда до меня дошло, что она имеет в виду, я резко замотала головой, а потом быстро-быстро закивала — мол, да, не тот!

Пожилая мастерица шагнула вперед и, цепко ухватив стража за подбородок, повертела его голову из одной стороны в другую, пристально взглянула ему в глаза, а потом требовательно спросила:

— Кто таков?

Когда старая Аста спрашивала таким голосом, лично меня так и тянуло рассказать ей все-все, и лучше бы она осталась услышанным довольна: умела наставница проморозить до костей одними только интонациями. Вот и стражник не стал запираяться и играть в великую военную тайну, назвался:

— Тревор Драу, сотрудник пятнадцатого отделения стражи города Лидия, приставлен сопровождающим к Нинон Аттария на сегодняшний день.

И из пальцев госпожи Асты он все же вывернулся, даже отступил на шаг для пущей безопасности. Я поспешила вклиниться в паузу, пока наставница не вывернула парня наизнанку, как меня при первой встрече, выведав всю подноготную и пару-тройку служебных тайн в придачу мимоходом.

— Госпожа Аста, я, собственно, потому и пришла! У нас опять творится бес знает что, и кровищи по горло, вы на свитерок не глянете? Печенками чую — заканчивать надо, да побыстрее бы!

Госпожа Аста отвела от Тревора Драу взгляд, как будто на волю отпустила. Бросила через плечо:

— Можешь на улице на скамье подождать.

И обернулась ко мне. А я уже раскладывала вывязанные заготовки на столике, готовясь предъявить строгому наставничьему взору.

— Вот это рукава, это передняя планка, это задняя планка, но она еще немного не довязана, — частила я, волнуясь, как будто не выпускница школы артефактики, переделавшая прорву полноценных самостоятельных работ, а зеленая пригостишка.

Будто госпожа Аста сама не видит, что спина свитера еще не довязана!

Наставница же пристально рассматривала мой труд. Лицевую сторону, где не было ничего, кроме собственно лицевой стороны свитера. Изнанку, на которой я своим волосом вышила оберегающие знаки. Там, с внутренней стороны, по подолу и манжетам еще самые обычные бытовые руны шли — на прочность, на носкость, на чистоту. На защиту от моли. Все

вышла, что вспомнилось, лишь бы никто, взглянув на мое рукоделие особым взором, не усомнился — вещь самая обычная. И если заката, то только на самые обычные, практичные моменты.

Пока мастерица пристрастным взглядом изучала представленную ее взгляду работу, я отчаянно нервничала, вспоминая, где петля неудачная, где стежок кривой, и одновременно радовалась, что дел там осталось на самом деле чуть — только заднюю планку довязать и сшить заготовки в единую вещь. Ну и конечно, недостатки исправить, если укажут...

— Тут и тут подправить надо. А на левом рукаве знак на износостойкость слишком близко к краю вязаного полотна положен — когда сшивать начнешь, следи, чтобы швом руну не повредить. Или спарывай и отступай от края.

Госпожа Аста положила проверенные заготовки назад на стол, отшагнула, изучая детали будущей защиты с расстояния, и вздохнула:

— Эх, зря ты ко мне в ученицы идти не хочешь. Я бы такую умелицу из тебя вырастила!

Я замотала кудрявой головушкой, торопясь отказаться, пока старая мастерица не привела какие-нибудь совсем уж убойные аргументы, которые отклонить будет не так просто.

Ну, не люблю я работу с нитью, не мое это. Вот камни, металлы — это да, это другое дело. И вообще, я обычный, самый что ни на есть классический артефактор, мне нравится моя профессия, я получила ее от отца и передам по наследству детям, если все в моей жизни сложится удачно.

Госпожа Аста, словно и не заметив моего отчаянного отказа, продолжила:

— А вот мастера твоего я не взяла, и никто из наших не взял, хоть он и искал ученичества!

Я опешила от свалившегося мне на голову вороха информации. «Никто из наших»? Их что, больше одного таких, как госпожа Аста, что ли? И мой мастер про них знал, раз просился в ученики? А как вообще взаимодействуют приверженцы древних, полубрядовых направлений с официальной Гильдией?

Ощущение было такое, словно я ухнула в реку и меня понесло ее течение, накрыв с головой, и там, под этой рекой, вдруг обнаружилась еще одна река, и потоки эти как-то взаимодействуют, переплетаются, но не сливаются и катят, катят свои воды... Информации, открывшейся мне от этой небрежной, словно случайно брошенной фразы, было столько, что с ходу я ее всю и увидеть-то не могла. Я мысленно «вынырнула», мысленно «отряхнулась» и «погребла к берегу»:

— Госпожа Аста, а можно я у вас сегодня поработаю, а то у меня дома жуть и уборка?

Она кивнула с чуть затаенной в углах губ улыбкой.

А мастера она и не могла взять. Теперь, увидев, что мир чуть сложнее, чем я о нем думала, я понимала это ясно. Макс искал знаний, а я хотела защитить близкого человека. Разные цели, разная мотивация. Хотя не удивлена, что Макс, с его рациональным, пытливым умом, было интересно — что же от него прячут? Я улыбнулась этой мысли. Устроилась в уголке, в кресле-качалке, с задней планкой, спицами и клубками. Искоса взглянула на госпожу Асту. Она сидела в другом углу, в обычном кресле, со своим вязанием. И в углах ее губ по-прежнему пряталась теплая улыбка.

Мне было жутко интересно, правильно ли я догадалась. Ей было любопытно услышать мои вопросы. Я не собиралась их задавать. Аста не желала подталкивать.

Река в реке.

Я улыбнулась своим мыслям и принялась за вязание. Дело сегодня двигалось особо резво.

Руну на рукаве спарывать не пришлось, удалось положить шов аккуратно, а остальные мелочи и вовсе легко подправились. В итоге к вечеру я не только закончила работу, но даже и постирать свитер успела, чтобы волокна расправились и легли как надо. Аста, дай ей ее боги здоровья и побольше учениц толковых, показала, как быстро высушить любую вещь — эдакая смесь из магии и практической сметки, включающая в себя простыню и положенный на нее шепоток.

А теперь я смотрела на свитер у себя в руках, раскладывала его, гладила ладонями чуть влажную шерсть и не могла поверить, что все, труд мой завершен и осталась сущая малость — подарить!

Мамочки мои, как же я буду его дарить?! Приятное волнение, приятные мысли.

Безумно приятные мгновения!

Я вернулась домой вовремя и даже с получасовым запасом на то, чтобы собрать вещи. Тревор Драу, добросовестно не отходивший от меня ни на шаг, не спешил меня покидать, даже когда я вновь оказалась под защитой маски. Чувство прекрасно выполненной работы подарило мне на редкость благостное настроение, а потому я сжала ладони над служивым, заварила ему чай и выложила на стол хлеб и сыр. Сверлящее неодобрение из его взгляда стремительно испарилось — недаром все-таки от матери к дочери передается простая истина про мужчин и

желудки. С чувством выполненного долга я вышла с кухни и только тогда позволила себе окинуть внимательным, а не беглым взглядом свое жилище.

Госпожа Рена постаралась на славу. Ничто теперь не указывало на то, что еще недавно здесь все было заляпано кровью. Разве что пропали несколько подушек с подоконника и маленький коврик, подаренный мне братом на новоселье. Добрая женщина, наверное, не теряет надежды их спасти.

Так что все было как раньше. И при этом — совершенно чужое, не мое. Точно такое же ощущение у меня было по первости, когда я только въехала и еще не устроилась. А теперь оно вернулось, когда пришло время покинуть дом № 37 по улице Зеленчиков.

Не теряя больше ни минуты, я взгромоздилась на стул и полезла на шкаф за сумками.

К Макс у я решила взять только самое необходимое — одежду и личные принадлежности. Даже учебники и конспекты, поразмыслив, оставила пока здесь. А уж многочисленной мелочовке, которой я за четыре года полностью самостоятельной жизни обросла, как пруд ряской, там точно делать нечего. Потом перетащу, когда найду новое жилье. Заодно и ревизию проведу, что из этого стоит сохранить, а чему место на помойке.

Так что, когда драгоценный негромко постучал в дверь, я была полностью готова.

— Все собрала? — Макс выглядел каким-то взъерошенным и не на шутку обеспокоенным.

— Кажется... — Я даже как-то растерялась в первые мгновения, наблюдая за тем, как он стремительно пересекает комнату, пожал руку стражнику и сообщил, что тот может быть свободен.

Подобревший от бутербродов мужчина предложил свои услуги в качестве носильщика, и Макс, поразмыслив мгновение, кивнул на две сумки, стоящие у моих ног, а сам решительно направился к маске, так и валявшейся на полу. И то верно. Это «украшение» вполне может пригодиться и на новом месте...

— Макс, что случилось? — все-таки спросила я, когда пролетка тронулась с места.

Мастер открыл было рот, но затем покосился на извозчика, мотнул головой и буркнул: «Дома». Я не стала настаивать — дома так дома — и сосредоточилась на дороге. Макс бросил кучеру адрес — Самшитовый переулок, дом двадцать, но где это находится, я не имела ни малейшего представления.

А повозка катилась по исхоженным вдоль и поперек улицам в направлении школы. Спустя какое-то время мы миновали ее

величественное здание с высокими гранитными колоннами и широкими ступеньками, серебряные буквы отчетливо мелькнули в свете фонарей... и пропали. Пролетка свернула, углубляясь в переплетение жилых улиц, и спустя каких-то пять минут остановилась возле трехэтажного кирпичного дома с выбеленным подъездом-портиком.

Я хотела помочь Максу с сумками, но тот только расфырчался и вместо кожаного ремешка ручки вложил в протянутую ладонь ключи.

— Третий этаж, правая дверь.

Литые чугунные перила, каменные, чуть истершиеся от времени ступеньки и тяжелая дверь — не чета моей чердачной «видимости». Ключ вошел и провернулся легко, а вот раздавшийся при открытии скрип известил, что хозяин это жилище давненько не посещал. В коридоре за дверью царил непроглядный сумрак, я нерешительно замерла на пороге, но тут на лестничную площадку взлетел Макс, потеснил меня, не глядя мазнул ладонью по деревянному резному квадрату справа, и на потолке неярко вспыхнула магическая лампа. Судя по всему, квартира мастера была обустроена по последнему слову артефактики.

Макс сгрузил на пол сумки и большой пакет, из которого торчали пушистые морковные хвостики, и умчался обратно вниз, за маской. А я, поразмыслив несколько мгновений, решила, что экскурсия по квартире подождет, и, подхватив пакет с пола, отправилась на поиски кухни.

Благо далеко идти не пришлось, так что, когда мой драгоценный ко мне присоединился, вдоволь нашебуршившись где-то в квартирных глубинах, мясо уже шипело на сковородке, мелко нарезанный лук готовился к нему присоединиться, а я принялась за морковь — нож бодро стучал по доске, оставляя после себя тонкие оранжевые кружляши.

Макс сел напротив и несколько долгих мгновений почти медитативно наблюдал за движениями моих рук. Я его не торопила, хотя любопытство требовательно грызло изнутри. Что же там за новости, что сам прима-мастер Максимилиан Шантей был выбит из колеи и на редкость озадачен.

Он дождался, пока я одним широким жестом смету овощи в мясо, помешаю, накрою крышкой, и тогда позвал:

— Иди сюда.

Я обогнула стол и скользнула к нему на колени, привычно поерзала, устраиваясь, вызвав улыбку. Макс не менее привычным жестом высвободил мои волосы, дернул за кудряшку и произнес:

— Поздравляю вас, стажер Нинон Аттария. Вам довелось

принять непосредственное участие в раскрытии заговора против короны.

Я не сразу уловила сказанное, недоуменно хлопнула ресницами, а Макс, прекрасно понимая, что сказанное всего лишь эффектно-красивая фраза и к ней однозначно должны прилагаться объяснения, вздохнул, погладил меня по спине и продолжил, не дожидаясь уточняющих вопросов.

— Когда ты ушла...

— Когда вы меня выставили, — вклинилась я, восстанавливая справедливость.

— Не буду рассказывать! — Макс сурово сдвинул брови к переносице.

Я помотала головой: «Молчу-молчу! Продолжай».

— Когда ты ушла, — с нажимом продолжил драгоценный, сделав выразительную паузу, но я на провокацию не поддавалась и всем своим видом дала понять, что я вся концентрированное внимание. И почтение.

В конце концов, отомстить можно и позже, а мне тоже есть о чем ему рассказать. Хе-хе, то есть не рассказать!

— Лейт спросил, есть ли у меня самого идеи насчет того, кому могло понадобиться меня так подставлять. — Макс перестал дурачиться, сцепил пальцы на моем боку и пристроил подбородок на плечо. Дикция прима-мастера от этого стала слегка невнятной, а дыхание щекотно касалось кожи шеи, но я не возражала. А он продолжил, устало и задумчиво: — Идеи-то у меня на самом деле были, поэтому я и послал за О'Туллом. Веришь, Нинон, мне все время упорно казалось, что бесовщина, которая здесь творится последние месяца три, имеет один источник. Просто так, без оснований.

— Это называется — интуиция! — назидательно проговорила я, прижавшись щекой к его макушке.

Ну, нравилось мне его, такого взрослого и умного, поучать. Имеет же девушка право на свои маленькие слабости? Макс строго дунул мне в шею, я пискнула, показательно устыдилась, мимоходом поцеловала русый ежик. Символические извинения были приняты, и мастер продолжил:

— У О'Тулла была мысль, что это связано с охранными амулетами для визита короля, помнишь?

— Помню! Нас из-за этой мысли на другой край королевства выслали! — откликнулась я и потянулась помешать наш ужин, томящийся на огне.

Для этого надо было бы встать, но покидать уютные, насиженные колени не хотелось. Я привстала, пытаясь сдвинуть крышку сковороды деревянной лопаткой, и преуспела больше,

чем хотелось бы — чугунная крышка с грохотом упала на пол. Я виновато плюхнулась на место, пугливо сжавшись в комочек. По кухне поплыл дивный аромат тушеного мяса. Как-то вдруг сразу вспомнилось, что я сегодня только завтракала, да и то как-то несерьезно, и, между прочим, ужасно проголодалась. Макс вздохнул, покачал головой, и я точно знала, что сейчас он сжеживает улыбку мне в свитер. Вот прямо ключицей ее сквозь ткань ощущала. А мастер встал вместе со мной на руках, пересадил меня на свое место и прошел к месту побоища. Подобрал крышку, ополоснул, отобрал у меня лопаточку, которую я так и зажала в руке, и принялся стоя помешивать содержимое сковороды. Я сосредоточенно наблюдала за ним, постепенно забывая и про еду, и про беседу...

Какая спина!

Э... О чем это я?

Макс сам вернул меня к предмету разговора:

— Лепрекон, конечно, имел все основания так считать. Вот только, когда мастерскую пытались подставить, заказ на королевские амулеты был уже сдан Гильдии. Тем не менее эта попытка означала одно — нас хотят избавить от госзаказов. Если это не охранные артефакты, значит, что-то другое. А если вспомнить, что два происшествия из этой череды были связаны конкретно со мной, то... у меня в работе сейчас всего один государственный заказ, Нинон. Один-единственный.

— Артефакт связи, — кивнула я, наблюдая, как он привычными, отработанными движениями перемешивает мясо, лук и морковь, томящиеся в собственном соку.

Нет, все-таки есть в мужчине, готовящем еду, что-то завораживающее...

А с этим артефактом изначально что-то было нечисто. Не зря он нам не понравился.

— Вольфгер, услышав о том, что с медальоном большие непонятки, в скоростном темпе организовал разрешение на вскрытие. И я его провел.

Макс помрачнел и замолк на несколько мгновений, а я затаилась и даже не стала возмущаться: «Без меня!» — ожидая продолжения.

— Как мы и предполагали, артефакт был двойной. Вторая половина скрывалась внутри медальона, который должен был открываться при нажатии на нужную комбинацию камней. У него была довольно простая, даже примитивная функция... знаешь про взрыв магических накопителей?

Я хмыкнула — что за оскорбительный вопрос... Тема программная, стыдно было бы не знать. Магические накопители

— капсулы, которые маги могут наполнять свободной энергией, чтобы потом восполнить ее запасы или использовать большее количество, чем позволяет их организм. Они бывают совсем крохотные для личного пользования и огромные, способные снабжать энергией десятки и сотни волшебников. Такие обычно установлены в местах, где большое количество магов часто и подолгу колдуют: в магических университетах и академиях, в госпиталях, в некоторых учреждениях специфической направленности. Да в том же ведомстве по контролю за магическими проявлениями, где изволит служить приснопамятный мастер Алмия. Разумеется, все это верно при условии, что рядом нет природного источника силы.

А еще эти накопители применяли в горном деле. Магическая энергия остается энергией, и если ее выпустить в мир сразу всю, то она из потенциальной, как ей и положено, переходит в кинетическую и сметает все на своем пути, спеша рассеяться в пространстве, — проще говоря, взрывается. Взрыв этот более точный, чем динамитный, а при наличии мага становится вполне контролируемым и направляемым, так что разработки побогаче вовсю пользовались этими приспособлениями.

— Ну вот. — Макс вздохнул. Постучал лопаточкой по краю сковороды, скидывая прилипший к ней лук и морковь. — Наш артефакт связи оказался еще и детонатором для магического накопителя. Да не абы какого, а накопителя Лидийского университета точных магических наук.

Мой рот открылся сам собой. Университетский накопитель был вообще крупнейшим в Лидии. Следующий после него по величине находился в городской больнице и был меньше в два раза. Да если его взорвать, то в радиусе квартала, а то и двух, все будет стерто с лица земли! Кому это нужно?.. Да бес с ним — кому! Зачем?!

— Макс... — У меня перехватило горло, и голос сел, но драгоценный и не собирався тянуть кота за хвост и выдерживать эффектные паузы.

— Визит его величества с наследником в следующем месяце включает в себя в том числе осмотр одного из главных лидийских учебных заведений. Предполагается также, что его будут сопровождать все самые видные светила магических и артефакторских наук нашего времени, представители Гильдий. — Он помолчал и добавил: — Не исключена вероятность, что и мне придется поучаствовать в этом мероприятии.

Мастер прислонился спиной к кухонной тумбе, сжал пальцами столешницу. Я смотрела на него, забыв про все на свете, не в силах поверить в услышанное.

Все это время у нас в неприметной коробке в дальнем углу полки, почти что забытый и ненужный, валялся артефакт, который мог стоять жизни нескольким тысячам людей. Орудие страшного, кровавого заговора, который должен был уничтожить не только королевское семейство, но и добрую половину, если не больше, научной элиты королевства. Убить Макса!

На кухне на какое-то время зависла тишина, нарушаемая лишь негромким шипением мяса под глухой чугунной крышкой. Я беспомощно смотрела на своего мастера и не находила слов.

— Да... — Он кивнул каким-то своим мыслям. — Кто именно за этим стоит, пока неизвестно. Артефакт попал в руки городских властей из банковской ячейки прима-мастера Юлия Аттерия, скоропостижно скончавшегося в своем доме в первых числах сентября...

Я вздрогнула. В памяти сам собой всплыл тот самый первый день, когда я угодила к Максy в подмастерья. И голос Марты: «Умер!.. Он не родственник тебе?»

— Поскольку ни прямых наследников, ни завещания мастер после себя не оставил, все его имущество по закону должно быть оценено и продано с аукциона в счет государственной казны. Готовые изделия, на которые не нашлось предъявивших права заказчиков, были распределены по мастерским для предварительной проверки. Так артефакт попал к нам. Лейт предполагает, что Аттерия убили. Хотели таким образом замести следы, когда пришли за готовой работой. Но мастер заказчикам не доверял и перестраховался. — Макс немного помолчал и мрачно добавил: — Как показала практика, это не сильно помогло, но, пожалуй, туда ему и дорога.

Возмущаться — как можно такое говорить?! — я и не подумала. Какие бы мотивы ни преследовал Юлий Аттерий, он знал, что именно он создает. А значит, знал и для чего. И оправданий для подобного поступка, как по мне, не существовало.

Вместо этого я поднялась со стула и, шагнув к Максy, порывисто обняла его за пояс, прижимаясь щекой к груди, чтобы ощутить ровное биение сердца. Этот звук мне нужен был сейчас как никогда. Мужчина прижал меня теснее, обхватив за плечи; поцеловал в лоб.

— И что теперь?

— Теперь артефакт забрала стража. Вольфгер будет держать меня в курсе по старой дружбе, но это дело переходит полностью под его юрисдикцию. Пока что. Дальше им, полагаю, займутся королевские дознаватели, так что быстро в покое нас не оставят. Эти всю душу вытрясут из всех. Зато... — Я почувствовала, как

его губы тронула улыбка — кажется, Макс пытался сбросить с нас обоих давящий груз мрачного откровения. — У нас одним заказом меньше, освободим себе вторую половину пятницы и уйдем на выходные раньше.

— Ага, — скептически поддакнула я. — С господином О'Туллом уйдешь пораньше. Он тебе вместо одного освободившегося заказа десяток подкинет и еще посокрушается, что мастерская на грани банкротства и надо больше работать, больше!

Мастер только хмыкнул, признавая мою правоту. Я потерлась щекой о тонкий ворс свитера, вновь прислушиваясь к сердцебиению.

Он тут. Все будет хорошо. Он теперь не умрет ни от страшного взрыва, ни от удара в спину. И если об этом не позаботится стража, то позабочусь я.

— Макс. — Я отстранилась, вскидывая голову. — У меня для тебя есть подарок!

Мастер успел только удивленно вскинуть брови, а я уже умчалась в коридор, где пристроила на вешалке свою сумку. Выудила свитер, подавила панический порыв еще раз осмотреть его и ощупать (все уже десять раз проверено-перепроверено!) и поспешила обратно на кухню, мимоходом посожалев, что не подумала о красивой упаковке. Впрочем, Макс мне маску притащил тоже без ленточки.

— Вот! — Я дождалась, пока мастер отложит в сторону лопатку и вновь накроет мясо, и просто сунула свитер ему в руки, не придумав каких-либо красивых слов и объяснений.

Вид у Макса был радостно-растерянный. Он сжал в пальцах синий шерстяной сверток, не торопясь его разворачивать, и смотрел на меня взглядом, полным недоверчивого восторга. От этого взгляда мне сделалось жарко и захотелось одновременно поторопить его, чтобы скорее смотрел и мерил, и провалиться под землю.

Руки пришли в движение, бережно, неторопливо развернули. Макс приподнял свитер, разглядывая на свету, а затем положил на стол. Пальцы безошибочно скользнули на изнанку, прошлись по вышитым бытовым рунам, поднялись выше, там, где, полностью невидим для глаза, свил узор мой волос...

Меня прошиб холодный пот.

Догадается! Как пить дать догадается! А ты что хотела, глупая, это же прима-мастер!.. А если он догадается, то ведь и кто угодно догадаться может? И смысл тогда подарка? Не будет это уже тайной и надежной бронеи...

Я отчаянно кусала губы, когда Макс вновь поднял на меня

взгляд. От неожиданности я еще и язык едва не прикусила.

Улыбнулся.

— Спасибо, Кудряшка. Подарок замечательный.

Я устала на него недоверчиво. Допроса не последовало. Обвинений в том, что я ему тут пытаюсь подсунуть неизвестно как сотворенный мощнейший артефакт — тоже. Пальцы гладили мягкую шерсть, неосознанно очерчивая контуры силовых течений. Но то — руны! Мелкие и незначительные. Значит, силы, заключенной в самой нити, в самой вещи, не чувствует? Уж кто-кто, а Макс Шантей не прошел бы мимо загадочного артефакта и выпытал бы всю подноготную — как мне удалось сделать такую вещь? Но он только счастливо улыбался, глядя на меня. Поэтому я недоверчиво уточнила:

— Правда?

— Ну конечно!

Он шагнул ко мне со вполне очевидными намерениями, но я выставила вперед ладонь, останавливая его на полпути, и упрямо насупила.

— Померяй сначала!

Макс улыбнулся, подцепил край своего свитера, стянул, небрежно бросил на спинку стула. Русский ежик легко пронырнул в неширокую горловину, синяя шерсть мягко прильнула к телу. Я огладила складки, придирчиво осмотрела рукава — не коротки ли? В идеале потыкать бы его еще ножом, чтобы проверить работу артефакта, но боюсь, что этот жест я адекватно объяснить не смогу...

Макс наблюдал за мной с подрагивающими в полуулыбке уголками губ, а стоило мне отступить на шаг, признавая, что даже на самый придирчивый взгляд свитер сел идеально, как он одним резким движением ухватил меня за талию и вскинул себе на плечо.

— Макс! — взвизгнула я, извиваясь и пытаясь сползти вниз. — Ты что делаешь?!

Мастер призвал меня к порядку легким шлепком и потащил куда-то в темные недра квартиры.

— Сейчас ты мне покажешь, как этот самый чудесный на свете подарок снимается.

Я мгновенно покорно обмякла. О! Я сама его сниму? И можно будет скользнуть ладонями по напряженному животу, целовать каждый сантиметр обнажаемой кожи, дразниться, когда он будет пытаться нетерпеливо вмешаться...

Некстати проснулся здравый смысл. И возможно, немножко голод.

— Но там же мясо! — Я тряхнула закрывшими лицо

кудряшками и снова попыталась высвободиться.

— Значит, тебе стоит поторопиться с раздеванием, — только и был ответ.

...Этим вечером я долго не могла заснуть от обилия впечатлений и забивающих голову мыслей. Новое место, внезапные страшные открытия, воспоминания о ночном кошмаре и последовавшем за ним невероятно остром наслаждении. Теплая улыбка Эдоры Шантей. Вновь сковавший душу страх потерять Макса. Благодарность и восторг в серых глазах от неожиданного моего внимания...

Он давно уже спал, а я полулежала рядом, смотрела на него и думала: кому я вру?

Я живу с ним как с мужем. Тревожусь за него как за мужа. Я уже давно согласилась, что выйду за него замуж. А что вслух не сказала...

Знаю, виновата — но мне слишком сложно вот так, с ходу, перекроить планы на жизнь, пересмотреть и перерешить. И решиться.

Потерпи еще немножко, родной. Мне нужно еще немного времени.

Я склонилась к его лицу и коснулась губами щеки, виска, губ. Легко-легко, невесомо.

А когда я решусь сказать это вслух, мы поедем ко мне домой, и ты попросишь моей руки по всем правилам, и я буду молча краснеть за твоей спиной под изумленными взглядами родителей, признаваясь — да, я выросла, и — да, я люблю...

*Незадолго до окончания рабочего дня,
в мастерской*

— Тише ты!

— Сама тише! Звенишь своими бусами, как звонарь на Старой площади!

— А ты толкаешься!

— А ты...

Мужские голоса за дверью сделались чуть громче, и обе жадные до новостей сплетницы, понимающие, что в мастерской происходит что-то из ряда вон выходящее, но до сих пор не имевшие возможности выяснить, что именно, притихли.

— Дела... — вынес вердикт низкий бас капитана стражи. — Ну что, господа, поговорим по-мужски? Только вот я не уверен, что этот разговор стоит слышать звонким созданиям, пытающимся притаиться за дверью.

Та тут же распахнулась, заставив девушек отскочить в

стороны, а на пороге возник лепрекон с воинственно торчащими бакенбардами.

— Не умеете подслушивать — так не беритесь! — внушительно отрезал он. — Позор на мои седины...

Дейдрэ и Марта, с позором отогнанные от дверей, обиженно разошлись по своим местам, и только Аби невозмутимо красила ногти в своей приемной.

Мудрая дриада совершенно точно знала, из кого и каким образом она будет вытряхивать информацию. И теперь просто ожидала, пока ее носитель придет к ней сам.

Глава 12

Следственные мероприятия, как они есть, или О планах и реальности

Макс с самого утра был непривычно тих и задумчив. До того непривычно, что задумчивость эта отдавала мрачностью. А придя на работу и провозившись над текущим заказом каких-то полчаса, он вдруг подскочил и умчался в неизвестном направлении так стремительно, что я даже рот открыть не успела, чтобы задать вопрос. Бросил только: «Я скоро вернусь!» — и был таков. «Скоро» это, впрочем, затянулось. Я уже начала волноваться и с большим трудом заставила себя проглотить обед в «Чудесном горшочке», невпопад отвечая на вопросы подружек и неотрывно следя за крыльцом мастерской.

И все равно проморгала, потому что, когда поднялась в мастерскую, Макс уже сидел за своим рабочим столом, уткнувшись носом в лупу, и крутил в пальцах тот самый злосчастный медальон, едва не стоивший жизни нам обоим.

— Где ты его взял? — возмутилась я. — И зачем?

Если исчезновение этой вещи из мастерской, когда ее забрал Лейт, я вчера посчитала большим облегчением, то ее возвращение — зловещим предзнаменованием.

— У Вольфгера одолжил под честное слово вернуть до окончания рабочего дня, — отозвался мастер, не поднимая головы. — Хочу кое-что проверить.

— Макс, оставь это дело страже. — Я приблизилась и положила руку ему на плечо.

Мужчина вскинул на меня глаза.

— Стража не вездесуща и не может ходить за нами по пятам. И что-то мне подсказывает, что никакая добрая душа не донесла до заговорщиков сведения о том, что их заговор раскрыт и артефакт покинул мастерскую. Отслеживать его перемещение они не могут, иначе не таскали бы бумаги из разных мастерских. В свою очередь, стража понятия не имеет, где и как их искать. И мне бы, знаешь, не хотелось, чтобы ей удалось обнаружить этих гадов по уликам, оставленным на месте твоего убийства, когда они попытаются в очередной раз дотянуться до этой вещицы. — Он постучал ногтем по хрусталу.

— И как эту проблему поможет решить возвращение артефакта в мастерскую? — От мысли, что весь кошмар, творящийся здесь, еще не закончился, а над нашими жизнями по-

прежнему висит весьма реальная угроза, сделалось тоскливо.

— Я хочу его осмотреть еще раз. Возможно, мы что-то упустили. Что-то, что может помочь найти этих заговорщиков.

— Хорошо. — Я подтащила поближе стул и забралась на него с ногами, обхватив руками колени. — Но я уверена, что ты разобрал его по камушкам. Что ты мог упустить?

Я ни капельки не сомневалась, что один из лучших мастеров Лидия и королевства просто не мог не учесть даже самые мелкие детали.

— Не знаю. Пока не знаю. — Макс покачал головой, вновь устремив взгляд на артефакт. — Помимо двойного дна, я не нашел никаких отклонений. Все в норме. Даже несмотря на накрученные узлы, которые нужны только для маскировки, это обычный артефакт связи. И даже вполне рабочий.

Его лицо вдруг застыло, а глаза на мгновение будто остекленели.

— Обычный. Рабочий... — медленно повторил он и вперился взглядом в лупу.

Указательный палец очертил окружность медальона, переместился на аметисты. Я не совсем понимала, что происходит, но на всякий случай затаила дыхание, опасаясь даже моргнуть. На втором снизу камне справа палец замер. Макс прикрыл глаза, глубоко выдохнул, расслабляя тело, а затем три раза мелко ударил по аметисту, посылая в камень три коротких импульса.

В ответ на это хрусталь полыхнул радужным светом. Полыхнул — и погас как ни в чем не бывало. Макс вскинул голову, и в глазах его светилось торжество. Ему даже не требовалось мне ничего объяснять, я и сама прекрасно понимала, что это означает.

Мы думали, что артефакт связи — это простокрытие. И что отсутствие придаточных связных амулетов объяснялось тем фактом, что в них просто не было необходимости. Но то, что сейчас проделал Макс — простенькая проверка связи при отладке подобного рода артефактов, — ясно давало понять, что как минимум один подобный амулет имелся и находился в самом что ни на есть рабочем состоянии.

— Ты думаешь, он у них? — У меня отчего-то пересохло в горле, и я сглотнула.

— Уверен. Эти артефакты работают по принципу тесной взаимосвязи. И когда мы начали проводить глубокую проверку, мы однозначно задевали связующие узлы, что не могло не отразиться на паре.

— И? — Здесь ход мыслей мастера мне уловить не удалось.

Макс чуть улыбнулся.

— Нинон, когда я получил записку от магистра с просьбой быть на приеме?

Сердце подскочило до самого горла.

— Вечером того дня, когда мы начали экспертизу.

— Именно. Они поняли, что с медальоном работают, времени придумывать обходные пути вроде попыток опорочить имя мастерской больше нет. А потому стали действовать быстро. И грубо. — Он поморщился.

Грубо, да. Но до чего виртуозно. Чтобы перевести артефакт в другую мастерскую, можно было и просто убить Макса. Но тогда, с большой вероятностью, основной версией для следствия стала бы профессиональная, и все изделия, находящиеся в работе у мастера, попали бы в поле зрения стражи... А попади медальон к страже — с ним можно было попрощаться. То ли дело устранить одним махом и мастера, и подмастерье, который мог что-то знать, да при этом еще и обставить все так, что к мастерской такое преступление привязать практически нереально.

Я покосилась на артефакт с еще большим опасением. Теперь мне чудилось, что вот-вот из него могут зазвучать зловещие голоса, обещающие нам немедленную и очень мучительную смерть.

— Если они связаны, то должна быть возможность отследить местонахождение второго? — Я снова положила подбородок на колени, неотрывно следя за движениями пальцев прима-мастера, который, очевидно, именно этим и занимался.

— Нет, — спустя некоторое время подытожил он. — Тут хорошая защита. Если я попытаюсь ее убрать, то связь попросту разорвется. Но зато с ними можно связаться.

Мастер решительно поднялся из-за стола.

— Я к Лейту.

— Я с тобой. — Я подорвалась со стула, едва не запутавшись в юбке.

— Зачем? — Макс озадаченно вскинул брови.

— Меня сегодня чуть сердечный удар не хватил, пока я тебя дожидалась утром. К твоему сведению, три часа — это точно не «скоро». И вообще, я вас знаю! Вам лишь бы от меня что-нибудь скрыть!

Макс только неопределенно пожал плечами, но возражать на этот раз не стал.

На столь внезапную покорность я не повелась и продолжила бдительно наблюдать за ним и на следующий день уже после того, как артефакт вернулся в лоно стражи, а Вольфгер Лейт едва не вытряс из Макса душу на радостях от сделанного открытия.

Поблагодарил за сотрудничество, распрощался и больше, слава богам, от него вестей не было. Ни вчера, ни сегодня. И проваливаясь в сон, я думала о том, что скорее бы уже поймали этих заговорщиков и можно было бы снова спокойно спать по ночам, не уповая на защиту маски.

Может быть, из-за этих мыслей я и проснулась среди ночи. Хлопнула пару раз ресницами, вглядываясь в стремительно проступающие в темноте очертания комнаты, и перевернулась, чтобы подкатиться к моему мастеру под бок и засыпать обратно. Но Макса в постели не обнаружилось.

Я полежала пару минут, отсчитывая мгновения, ожидая, что он вот-вот вернется — мало ли по какой надобности отлучился, — а потом не выдержала, поднялась и, накинув на плечи теплый платок, отправилась на поиски.

Далеко идти не пришлось. Стоило выйти в коридор, как взгляд тут же наткнулся на тонкую полоску света, очерчивающую контур кухонной двери.

Ему никто не говорил, что на ночь переедать вредно?

Я уже взялась за ручку, готовя обличительную речь, но замерла как вкопанная — Макс на кухне был не один. Сквозь глухое дерево до меня долетали шепчущие звуки разговора.

Так. Версии две. Либо Макс сошел с ума, раз разговаривает сам с собой. Либо Макс сошел с ума, раз притащил кого-то в дом среди ночи.

Врываться, чтобы выяснить, какой из признаков сумасшествия тут на лицо, я не торопилась. Вместо этого плавно нажала на ручку. Дверь даже не пришлось толкать. Она сама приоткрылась на пару миллиметров, а голоса зазвучали куда более внятно. И второй, глубокий и решительный, принадлежал сильно не любимому мной верфольфу Вольфгеру Лейту.

— ...как можно быстрее. Раз они уже знают, что ты работаешь с артефактом, то твой выход на связь не станет сюрпризом. В идеале — устроить все завтра же. Утром связываешься, назначаешь встречу. Раз артефакт у тебя, то ты говоришь с позиции силы и ты устанавливаешь правила. Главное, не уступай им ни в чем. Или делают, как ты говоришь, или ты идешь в стражу.

— Не дурак, — буркнул мастер. — Ты мне только условия озвучь.

— Людное место устроит всех. С твоей точки зрения, там много свидетелей. С их — ты идиот, потому что в толпе зачастую куда больше шансов проверить незамеченным что кражу, что убийство.

Убийство? О чем они вообще говорят?

А Вольфгер продолжал:

— На Старой площади завтра ярмарка, идеальнее места не найти. Мои ребята будут повсюду, маги поработают над внешностью — не то что мама родная, лучшие амулеты личину не распознают, обещаю. Так что по лицам их узнать и насторожиться никто не должен. Так, теперь по безопасности. По предварительным результатам следствия те ребята, кто замешан в деле, с магией не дружат и даже скорее наоборот...

На несколько мгновений на кухне зависла тишина, затем раздался негромкий стук поставленной на стол чашки, и Лейт снова заговорил:

— Информация вообще-то секретная, но раз ты так любезно предложил свою помощь...

— Не тяни kota за хвост. — Я живо представила, как Макс недовольно морщится.

— Ты же в курсе, что в последнее время у нас набирает силу движение противников магии, искренне полагающих, что она зло во плоти, а магический прогресс нас всех сведет в могилу...

Макс не сдержал откровенно скептического хмыканья.

— ...И тот факт, что его величество сильно благоволит развитию именно этой отрасли, не вызывает у них восторга. Наша текущая версия — они решили эффектно доказать всем, что они правы, отправив к праотцам несколько тысяч человек во главе с его величеством. Ну и заодно проредить ряды ненавистных магов. Так что на сделку с артефактором они, я полагаю, пошли вынужденно. Есть у меня, правда, кое-какие сомнения в связи со всем этим... но не суть! Уж не знаю, какие мотивы двигали Аттерием, этого мы можем уже никогда не узнать, но зато можно не опасаться, что у них имеются в руках какие-то магические тузы. Магов они на дух не переносят, с артефактами дел не имеют. Так что сделаем тебе щит помощнее, умельцы у нас имеются, и...

Капитан стражи говорил еще что-то, но я прослушала, сраженная страшной догадкой — они собираются использовать Макса с медальоном в качестве наживки. Они хотят самолично отправить его в руки этих беспринципных, способных абсолютно на все моральных уродов?! Только через мой труп!

Я в общем-то не планировала распахивать дверь с таким грохотом, просто забыла, что она уже открыта, а потому толкнула чуть сильнее, чем требовалось. Но явление вышло эффектное — Макс вздрогнул, а Лейт профессионально подскочил, выронив надкусанный бутерброд с колбасой, и, только разглядев меня, тряхнул головой, прогоняя мелькнувший в глазах волчий призрак.

— Я против! — С объявлением этим я медлить не стала. Надо пользоваться моментом ошеломления.

— Против чего? — осторожно уточнил Макс, не торопясь выдавать себя и стражника с потрохами.

— Того, чтобы вы посреди ночи уничтожали наш завтрак! — и, не давая расслабиться, добавила: — А еще — твоего участия в этой сумасшедшей затее.

— В чем смысл быть вервольфом, если ты ее не учуял? — зло выдохнул мастер в сторону Лейта.

— А нечего мне было подсовывать такую ароматную колбасу, — огрызнулся тот, не считая себя виноватым.

Я скрестила руки на груди, ясно давая понять, что увести разговор в сторону не получится.

Они заговорили почти одновременно и, тщательно подбирая слова, объясняли мне, что эта идея — устроить заговорщикам ловлю на живца — не блажь, не придурь, а суровая необходимость. Что это их единственный реальный шанс дотянуться до неуловимых преступников, прижать их к ногтю и сделать нашу будущую жизнь светлой и беззаботной. Что все предусмотрено и жизни Макса не угрожает ровным счетом ничего. И вообще, это была его идея. А капитан, хоть и облизывался на нее изначально, не мог себе позволить подобной роскоши — использовать прима-мастера в служебных целях.

Я слушала их аргументы — важные, разумные, убедительные аргументы, кивала — и терпеливо ждала. Макс замолчал первым, настороженно вглядываясь в неправильно молчаливую меня. Вслед за ним выдохся и Вольфгер Лейт. Этот знал меня хуже, потому был уверен, что это сокрушительная правота мужчин заставила меня молчать.

А я просто ждала паузы.

— Значит так. — Голос мой звучал непрекесемо. — Вы можете организовывать это ваше безумие, да. Но только при условии, что я буду в нем участвовать, а не сидеть здесь, не зная, что происходит.

Мужчины собрались высказаться снова, но я подняла ладонь, не давая себя перебить.

— Если вы попытаете отпихнуть меня в сторону — я прямо отсюда поеду к госпоже Эдоре Шантей и расскажу ей все-все, что вы тут напланировали. И даже немножечко больше. В красках. Меня, конечно, будет мучить совесть от столь неблагоприятного поступка, зато советница Шантей разнесет ваши намерения вдребезги. С Максом мы, разумеется, из-за этого поссоримся. Но в свете того, что я тут обнаружила, мы поссоримся в любом случае. Так что я считаю, мы будем квиты.

— Нинон! — Макс нахмурился, в серых глазах сверкала сталь, но, к его величайшему сожалению, прошло то время, когда я боялась прима-мастеровского недовольства.

— Да, мой дорогой? — безмятежно отозвалась я.

— Ты не можешь в этом участвовать!

— Почему же?

— Это опасно.

— Мне казалось, капитан Лейт только что гарантировал, что с твоей головы не упадет и волосинки.

Мужчина на несколько мгновений замолк, буравя меня взглядом.

— Ты же понимаешь, зачем я это делаю.

— Да. — Я кивнула со всей серьезностью. — А ты понимаешь, почему я не могу отпустить тебя одного.

Наверное — и даже вполне вероятно — я все же была неправа. И наверное — и даже вполне вероятно, — что аргументы Макса и капитана были убедительны и разумны. И наверное — даже вполне вероятно, — я действительно зря лезу со своим куцым опытом и женским взглядом в мужские дела...

Вот только я хорошо помню одну темную, холодную октябрьскую ночь, когда мой мастер так ловко выставил меня из мастерской.

И я лягу костями, но не позволю подобному повториться. Клянусь.

Вот так и вышло, что дальнейшее планирование происходило в моем присутствии. Ну как, в присутствии — я мирно дремала на плече у Макса, а мужчины вполголоса обсуждали стратегию и тактику. Я была по умолчанию со всем согласна, кроме попыток оставить меня дома. Хватит, наоставлялись уже.

Следуя плану, нам с капитаном предстояло выдвинуться на площадь с рассветом, сразу за специалистами по магической безопасности. Как только эксперты Управления с приданными им сотрудниками ведомства по контролю за магическими проявлениями проверят площадь на неучтенные магические закладки и иные заблаговременно подготовленные сюрпризы, мы выдвигаемся.

Капитану, откровенно говоря, полевая работа была вроде как и не по чину, его дело — руководить, но он радостно ухватился за предлог «у нас там будет двое штатских, нужно быть предельно бдительными» и выбил себе право контролировать ситуацию, находясь в двух шагах от основного места развития событий.

Я же только восхитилась — вот что значит матерый профессионал! Любую ситуацию себе на пользу обернет.

Вот так и вышло, что, когда над Лидием занялся поздний осенний рассвет, хмурый и неласковый, под храмом Всех Богов на Старой площади обосновались два новых побирušки — хмурый небритый детина с одной ногой, распространявший вокруг крепкий запах перегара, и тощая вертлявая девчонка в несусветных обносках, смуглая и жгуче-чернокосяя. Фонтан с отсутствующими русалками, ставший «точкой randеву» для нечистого на руку мастера Шантея и неизвестных личностей, заказавших покойному Аттерию убойный амулет связи, отсюда был как на ладони.

Встреча была назначена на десять, времени было предостаточно, я отчаянно нервничала и изводила того, до кого могла дотянуться. На данный момент в моем распоряжении имелся лишь капитан.

Критике подверглось все: выражение лица, осанка, взгляд, голос, слова — бранные, кстати, слова, в мой, между прочим, адрес!

— Жалобнее, жалобнее глядите! Нет, ну с таким выражением лица убивать идут, а не милостыньку подать просят... А шапка у нас, если вы забыли, одна на двоих!.. Нет, так вы семью не прокормите! Какая-то у вас поза агрессивная. Плечи опустите, что ли?.. И все-таки ограниченная у вас мимика. Выражений только два — «боги, как ты мне надоела» и «отцепись, а то пришибу!». А ведь это уголовно наказуемое деяние!

Одна на двоих шапка у нас была с утра. Потом мне надоело, что капитан отпугивает моих потенциальных благодетелей, я прицепилась к случайному прохожему, выклянчила-таки у него головной убор и сообщила Лейту, что мы будем соревноваться. Готова поспорить, это был сотрудник стражи в штатском — иначе кто б мне шапку отдал?

Согласно плану, я должна была создавать шумовую завесу, чтобы, когда спившийся нищий станет общаться по переговорному амулету, этого не услышал кому не положено. А потому время от времени я должна была петь или плясать, звонко отстукивая сапожками ритм, или другим способом отвлекать внимание на себя. Конечно, весь день петь — никаких связок не хватит, да и капитан может столько счастья сразу не пережить, но время от времени что-нибудь подобное откалывать следовало. Чтобы народ привык.

Я уже успела спеть веселую и не слишком пристойную песенку про оборотня — серого волка, рассказать в лицах свежий анекдот, добыть прилично меди и даже немного серебра, а теперь поучала капитана, мысленно гадая, скоро ли он сорвется и рыкнет на меня как следует.

Особую прелесть ситуации придавало то, что где-то здесь, на Старой площади, среди постепенно собирающегося торгового люда, по-прежнему сновали стражники под прикрытием амулетов личин и их коллеги из ведомства по контролю за магическими проявлениями во главе со старой знакомой. Мастер Алмия, инструктировавшая Лейта перед началом операции, за неполных пять минут довела капитана до белого каления, так что мне сейчас оставалось только молча завидовать такому мастерству и совершенствовать свое. Благо времени для этого достаточно!

Та же мастер, кстати сказать, не преминула подойти к нам, когда мы оба были уже в образе, и глумливо бросить капитану медячок. Даже не знаю, где она его и нашла, такой потертый...

Макс явился позже назначенного срока, как и было условлено. Это было частью плана — постараться разозлить, вывести злоумышленников из себя. Красивый, стремительный, надменный — даже в неброской одежде горожанина среднего достатка. Я залюбовалась разворотом широких плеч, осанкой, выражением лица, на котором была написана уверенность, что он самый умный, а остальные — прах у его ног. Это выражение даже у меня вызвало желание стукнуть его чем-то тяжелым, а уж представляю, как оно подействует на заговорщиков... Все-таки мне достался удивительно артистичный мужчина!

Он прошел мимо, не узнав и не оглянувшись, а у меня сердце сжалось и ухнуло вниз — началось!

И пусть я участвовала в составлении плана и доподлинно знаю, что учесть постарались все и принять все возможные меры безопасности... И капитан, который уже был практически уверен в личности заговорщиков, твердо заявил: своих магов среди них нет и быть не может, равно как и связей с умельцами с черного рынка, и оперативная информация это подтверждает, но щит на Макса навесить заставил, и помощнее. Сказал, ему так спокойнее. И площадь перекрыта. И страхуют штатского, исполняющего роль наживки, опытные, бывалые боевые маги, и... Этих «и» было много. Но при виде Макса, легко и непринужденно шагающего навстречу с людьми, которые уже пролили немало крови, сердце все равно пугливо сжалось и ухнуло в желудок.

С нашего места было хорошо видно, как к Максy вертевшему головой около назначенного места, приблизились двое господ. Один, по одежде — лавочник средней руки, второй — типичный приказчик, пронырливый и оборотистый. И не скажешь, что руки у них в крови по локоть.

— Вы опоздали, мастер. — Как только дородный дядька отрыл рот, всякое сходство с лавочником улетучилось. Одежда одеждой, а такой тон, холодный, властный, никакими тряпками

не замаскируешь.

Только Макса грозными интонациями не проймешь — ухмыльнулся, смерил дядьку, стоящего к нам с капитаном спиной, надменным взглядом. Мол, скажите спасибо, что вообще до переговоров с вами снизошел!

Уж не знаю, что подумал на это «лавочник», но в следующих словах мне явственно послышалось шипение:

— Принес?..

Боги, какое счастье, что Вольфгер распорядился начаровать на моего драгоценного боевой щит!

Макс же сунул руки в карманы куртки, качнулся на каблуках, улыбнулся нагло:

— А вы проверьте!

— Проверим, не переживайте!

Да, умеет же мой мастер заводить новых друзей! Они же его прямо здесь разорвут...

Но полный дядька-«лавочник» только кивнул «приказчику», тот вскинул руку, махнул ею, явно подавая условный знак, — и я, ждавшая этого, уловила едва ощутимые колебания магического фона, сопровождающие срабатывание артефакта в тестовом режиме. «Приказчик», видно, получив ответный условный знак, подтверждающе кивнул «лавочнику».

Сработало. Первая часть плана прошла без сучка без задоринки — преступники нам поверили. Теперь Максу нужно тянуть время, чтобы стражники и эксперты успели вычислить всех участников заговора, затаившихся на площади.

— Отлично, — буркнул «лавочник», — мы рады, что вы проявили благоразумие, мастер Шантей. Теперь верните нам нашу вещь, получите свои деньги — и мы расстанемся, довольные друг другом, чтобы не встретиться больше никогда.

«Приказчик», повинаясь этим словам, полез за пазуху, видимо, за деньгами...

— Не так быстро, господа! У меня есть несколько условий.

«Приказчик» замер, склонил голову, с интересом разглядывая Макса. Чуть повернулся, поймал взгляд напарника и опустил руку. А мастер продолжил:

— Во-первых, я требую, чтобы вы прекратили слежку.

— О чем вы говорите? — фальшиво удивился старший из злоумышленников. — За вами никто не следил!

— О да! А о моих отношениях со стажеркой вы из утренней прессы узнали! — Яд из Макса так и сочился. — Это первое. Второе, что вы должны сделать, если хотите получить свою безделушку назад, это...

Не знаю, что он хотел им сказать — в этот момент у меня

сработало сигнальное устройство, я послушно запустила «шумовую завесу», давая капитану возможность принять сообщение от подчиненных под звонкую песенку о двух кораблях в моем исполнении, рядом заржала лошадь, и «приказчик» счел этот момент удобным. Неуловимым движением вынув что-то из-за пазухи, скользко шагнул вперед и...

Я успела увидеть, как вскочил на ноги Лейт, как два грузчика, резавшиеся в карты на ящиках, рванулись к фонтану, спеша помочь... и не успевая. Как вскинул руку Макс, тщетно пытаясь защититься от удара.

Удар пришелся в грудь. Ярко полыхнул белесым светом пробиваемый артефактным оружием активный щит. «Приказчик» ударил Макса еще раз, теперь уже в живот, сбил с ног, опрокидывая на бортик фонтана, и сам был повален на землю — сотрудники стражи недаром ели свой хлеб. Рядом, совсем недалеко от меня, бился, как выдернутая из воды рыбина, «лавочник», пытаясь сбросить с себя сразу двух стражников, поваливших его на брусчатку Старой площади. Но все это было уже не важно — я распахивала людей в штатском, внезапно заполнивших еще недавно полупустой пятачок у фонтана, пробиваясь к Максy.

Добралась, рухнула на колени рядом, с трудом подавив паническое желание оттолкнуть лекаря, только чтобы самой увидеть, что с ним. И встретила изумленный серый взгляд, устремленный на меня. С расшибленного лба у Макса стекала кровь, целитель был занят тем, что магически осматривал руку прима-мастера, которой тот пытался отвести первый удар. А сквозь две прорехи в черной кожаной куртке, на груди и на животе, весело синел целехонький свитер — саарская шерсть, вязка лицевой гладью...

Вердикт лекаря был краток, но крайне оптимистичен на фоне того, что могло бы быть — всего лишь сильный ушиб и вывих правого запястья. Получив общеисцеляющее заклятие и тугую повязку, а также лечебные рекомендации, приправленные грозным: «Руку не нагружать!», — Макс успокоился. Целитель, осматривавший рабочую конечность прима-мастера, клятвенно заверил — при соблюдении рекомендаций работоспособность восстановится на сто процентов. После чего нас отпустили с миром. Вольфгер Лейт рванул было к Максy что-то сказать, но был остановлен подчиненным — схваченные преступники требовали безраздельного внимания. А потому мы тихо и незаметно покинули гудящую, кишашую стражами, похожую на развороченный муравейник площадь.

Весь остаток дня я упоенно играла в сестру милосердия — приносила, подавала, устраивала поудобнее и напоминала о времени перевязок (о которых Макс и сам прекрасно помнил, но терпеливо ждал моих подсказок). Игра доставляла нам взаимное удовольствие.

Макс, устроившись на кровати в спальне в халате поверх пижамных штанов и с книгой в руках, наблюдал за мной с огоньком во взгляде и изрядно напоминал кота, следящего за мышью. Разве что зрачки от азарта в ниточку не вытягивались, а в остальном — один в один. Но в общем и целом из образа тяжелораненого не выбивался. До самой вечерней перевязки.

Размотать бинт. Наложить мазь. Теперь забинтовать — плотно, фиксируя повязку петлями через большой палец. Туго, но в меру. Я увлеченно сопела, старательно и вдумчиво накладывая слои бинта, соблюдая все рекомендации целителя.

Готово, осталось только закрепить. Звонко щелкнули ножницы, рассекая ленту бинта, я крепко-накрепко завязала узелок и украсила его сверху кокетливым бантиком.

Идеально!

Но стоило мне только выпрямиться, оправляя задравшийся во время процедур свитерок, как мир вдруг рывком крутнулся, я взвизгнула, а в следующий миг обнаружила себя барахтающейся поперек Максовых коленей. В благодарность за мою самоотверженную заботу этот человек самым коварным образом дернул меня за локоть здоровой рукой и повалил на кровать!

Я возмущенно пыхтела, пытаюсь выпутаться одновременно из одеяла, собственной длинной юбки, рассыпавшейся прически и твердого захвата и при этом не задеть больную руку. Наконец Макс у этой возни (наверняка очень забавная — недаром эти звуки сверху так похожи на сдавленный смех) надоела, и он перестал придавливать мою поясницу. Я тут же извернулась змеей в попытке соскользнуть на пол, но меня снова вздернули и бесцеремонно усадили себе на колени. Верхом.

Извиваясь в попытке сползти, я попутно отплевывалась от волос.

Макс притянул меня поближе и наблюдал за моими маневрами с одобрительной ухмылкой. До меня же с некоторым запозданием дошло, что вот так вот ерзать и дергаться на бедрах у молодого, здорового (по большому счету) мужчины было ошибкой. Фатальной.

Я замерла, глядя ему в глаза. В этих глазах медленно разгоралось предвкушение, круто замешанное на желании. У меня внезапно пересохло во рту и екнуло в животе.

— Макс! — О, и голос почему-то сел! — Макс, лекарь ясно

сказал: запястье не нагружать!

— Девочка моя, поверь, речь не о запястье. — Голос у моего мужчины хрипловатый, и весь вид Макса был такой родной, такой... будоражащий!

И горло перехватило от чего-то, болезненно напоминающего нежность. У меня после нашей детской возни на голове было сущее бедствие и тихий ужас наверняка, и юбка задралась самым непристойным образом, и ноги из-под нее торчали — самые обычные женские икры и ступни в толстых шерстяных носках. Совершенно не завлекательно. А он все равно смотрел на меня алчно, жаждуще. Голодный-голодный взгляд...

И от этого взгляда — как будто я единственная женщина на свете — и от понимания, что меня хотят любую — смешную, взъерошенную, нелепую — что-то поменялось в голове. Как будто маленькое солнышко взорвалось. Ладно, больной. Вам виднее. Если вы утверждаете, что на запястье нагрузки не будет...

Я медленно, томно прогнулась в спине и легонько потерлась о мужчину — теперь уже вполне намеренно, с полным осознанием последствий. И его руки на моей талии. А мои — на его груди. Мы целовались долго, со вкусом, прежде чем я начала избавляться от одежды — своей и его — неторопливо, вдумчиво подходя к вопросу. Плавно изгибаясь. Покачиваясь. Макс попытался нетерпеливо вмешаться, но с одной рукой больше мешал, и я не отказала себе в маленьком удовольствии — мстительно шлепнуть по этой руке. Да-да, по той самой, что недавно меня опрокинула!

Но разоблачение завершила в рекордные сроки...

...И потеряла себя в нахлынувшем желании. Растворилась в мужчине, перестала быть, думать, понимать. Только чувствовала. Только ощущала.

Спасибо тебе, родной. Ты не представляешь, какое удовольствие мне даришь.

Я лежала на груди у Макса, выводя петли и изгибы прихотливых узоров. Вот интересно — на меня после занятий любовью такое изнеможение накатывает, словно не удовольствие получала, а лес валила! Восхитительная слабость во всем теле не дает приподняться и сползти в сторону, но мужчина вроде бы не возражает.

Я улыбнулась гладкой загорелой коже у меня под носом — он просто не в том состоянии, чтобы возражать! Тоже, наверное, лес валил...

Запястье, кстати, не пострадало.

Словом, ожидаемых неудобств травма не доставила. Зато доставила неожиданные. Повышенная тактильность —

профессиональный признак артефакторов. Мы ярко воспринимаем мир через прикосновение — и сейчас, я явно видела, Максу этих прикосновений остро не хватало. Он начинал движение — и опускал забинтованную руку. Бедный Макс! Я улыбнулась и поцеловала солоноватую кожу.

Мой бедный-бедный котик, он так страдает...

А вечером следующего дня к нам нагрянул Вольфгер Лейт. С визитом, извинениями и бутылкой. Бутылка была большая, густозеленая, кое-как протертая от пыли и, если верить словам вервольфа, досталась ему в наследство от дедушки и ждала своего часа уже многие десятки лет. Сообщив это, капитан стражи оглушительно чихнул. Видать, не соврал.

Макс вчитался в выцветшую этикетку, присвистнул и решил, что такие извинения грех не принять. Причем внутрь и можно прямо сейчас. Поэтому спустя несколько минут мы расположились в гостиной. Я выудила из серванта три крупных бокала на длинных ножках. Вольфгер откупорил бутылку, и густая темно-бордовая жидкость ударила о хрустальные стенки, расплескивая в воздухе душистый ягодный аромат.

Мастер протянул мне бокал. Капитан взял свой сам. Я не торопилась пробовать и пока только задумчиво, круговыми движениями покачивала его в руках. Мужчины тоже не торопились, позволяя вину «подышать», налиться вкусом и запахом, избавиться от душного бутылочного привкуса.

— Ты прости меня, Макс, — произнес Вольфгер уже не раз сказанные слова. — Облажались мы по-крупному.

Мой мастер согласно хмыкнул, не торопясь заверять стражника, что дело пустое. Оно и понятно, их недогляд едва не стоил ему жизни. Страшно подумать, что было бы, не надень Макс мой подарок.

— Оправдываться не буду, нет здесь оправданий. Но, коли интересно, могу рассказать, из-за кого ты все-таки кровь проливал. Хоть это и является, между прочим, государственной тайной.

Я хихикнула в ладошку. И не покривил ведь душой. Кровь была пролита! Целых пять капель из мужественной ссадины на лбу, которую Макс теперь, забываясь, то и дело тер, а потом шипел рассерженным кошаком и требовал подуть на ранку.

Не утерпев, я все-таки пригубила рубиновый напиток. Насыщенный, терпковатый вкус разлился на языке, оставив после себя приятное послевкусие с нотками вишни, дубовой бочки и почему-то еще шоколада. Я довольно зажмурилась и прислушалась к тому, о чем продолжал нам вещать капитан.

— В общем, есть у меня подозрение, что светит тебе, Макс,

почетная грамота в рамочку на стенку и дарственная на какое-нибудь поместье у беса на куличках. Как выяснилось, наши местные ярые противники магии тут в общем-то и ни при чем. Нет, взрыв накопителя во время визита короля спланировали и собирались привести в действие они, но идею эту им подсунули. И за всей этой заварухой стоит не кто иной, как герцог Сайрин, двоюродный брат нашего величества.

Мы с Максом переглянулись. Меня в общем-то не особенно волновало, из-за кого именно на нас свалились все эти беды. Но мысль, что мы каким-то непонятным образом влезли в политические интриги на высшем уровне, поражала. А Лейт все еще не закончил одаривать нас ценными крупицами знания:

— Тот самый тип, что так лихо попытался избавиться от тебя с помощью артефактного ножа, был его доверенным лицом в этой компании. Он состоял в близких отношениях с ее главой и вполне успешно нашептывал ему на ушко свои идеи, направляя кипучую энергию этих товарищей в нужное русло. В итоге все просто: герцогу надоело быть герцогом, и он решил: а почему бы не стать королем?

— Действительно, почему бы и нет, — пробормотал себе под нос Макс, пригубив вино с крайне задумчивым видом.

— А главное очень удобно, — кивнул Вольфгер. — Герцог — ближайший наследник после его высочества. Взойдя на трон, он бы наверняка провел бурное расследование, кто же посмел убить его дражайших родственников. Выловил бы фанатиков и казнил их, оставшись в глазах народа белым, пушистым и безмерно скорбящим...

Лейт немного помолчал, тоже смакуя вино.

— Полный отчет обо всем этом ушел в столицу сегодня днем. Дальше судьбу всех заговорщиков будет решать уже лично его величество. Кстати, предупреждаю — начальство посчитало необходимым упомянуть твое имя и в красках расписать «подвиг лидийского артефактора и слаженную работу стражи». — От последнего словосочетания вервольф поморщился, будто вино в бокале скисло в мгновение ока. Несмотря на принятые извинения, сам себя за случившееся на площади он, очевидно, еще не простил. — Там твой патриотический порыв возносят до небес, так что жди королевской милости. Обзовут национальным героем, и будет тебе великое счастье.

— Вот уж не сомневаюсь, — без особого восторга отозвался Макс. В ряды прославленных защитников короны он явно не рвался.

Все ценные сведения Лейта на этом закончились, разговор плавно утек в иное, куда более обыденное русло, бутылка

постепенно пустела. Я особенно не встревала в мужскую беседу, сидя в своем кресле и размышляя о превратностях судьбы.

Надо же, как бывает... живешь, крутишься в рутине и думать не думаешь, что однажды в нее ворвется что-то такое, что будет угрожать твоей жизни и жизни близких. А эгоистичная, по сути своей, попытка уберечь дорогого человека спасет огромное количество людей. И вот сидит Макс на диване, болтает со старым знакомым, периодически поудобнее укладывая больную руку, а где-то в Арданне благодаря ему сейчас арестовывают герцогов, графов и бес еще знает кого. А множество студентов, преподавателей, ученых и простых жителей Лидия спокойно живут и даже не знают, какой беды избежали по счастливой случайности...

— Ну, каково это — ощущать себя героем?

Когда Вольфгер Лейт нас покинул, я уселась Максу на колени и с улыбкой взъерошила русый ежик.

— Пока не понял, — честно признался мастер. — Но раз уж у нас сегодня вечер откровений, Нинон, дорогая, ты не хочешь мне рассказать, что именно ты мне подарила?

Вопроса этого я с опаской ожидала с того самого момента, как целители отпустили Макса домой. Но ни по дороге, ни после в течение дня он так и не был задан. Как выяснилось, рано радовалась!

— Ну... — Я стремительно укрыла взгляд за ресницами. — Это просто свитер!

Зловещее покашливание дало понять, что, если я сейчас не признаюсь, меня будут пытаться!

— Просто свитер с чуть-чуть защитой, — торопливо исправилась я.

— Это я понял, — вдумчиво произнес Макс и потребовал устало: — Рассказывай, откуда такие знания.

Я неуверенно на него покосилась. Нет, кажется, не сердится. А потому я торопливо все рассказала, сбиваясь и глотая окончания, пока у него настроение не поменялось!

Макс внимательно выслушал мой рассказ и вздохнул.

— Значит, тебя приняли... а меня в свое время — нет, — поделился он сведениями.

И так печально это было произнесено, что мне его аж жалко стало такого несчастного, больного, да еще и обиженного нехорошими людьми, пожалевшими мальчику толику знаний.

— Ну, это ведь ты меня такую вырастил! — попыталась ободрить его я.

— Да? — искренне усомнился драгоценный. — А я думал, родители и школьные наставники.

— Ты тоже к этому руку приложил, — заверила я его и пояснила такую настойчивость: — Должно же тебе быть чем гордиться!

— Нинон, — в голос рассмеялся Макс. — Мне и без воспитания Кудряшек есть чем гордиться!

Я посмотрела на него, смеющегося, счастливого. Такого радостного за меня и мои успехи, несмотря на это внешнее ворчливое недовольство. Сердце наполнилось нежностью, и так захотелось обнять его крепче, и не отпускать никогда-никогда...

Я прижалась к нему теснее и доверительно сообщила:

— Макс, тебя утешать — сушая каторга!

Мастер смерил меня понятливым насмешливым взглядом и отозвался не менее доверительно:

— Свитер не отдам.

Мне оставалось только притворно вздохнуть. Придется комиссии, а затем и Гильдии, куда отправлялся самый первый экземпляр шедевра, созданного мастером, удовольствоваться вторым. Зря я, что ли, столько проволоки впрок наплатила?

Зато, судя по одобрению в любимых серых глазах, звание мастера третьей категории у меня в кармане.

Днем ранее, подготовка к операции

Торговец яблоками с корзиной, полной поздних желто-зеленых фруктов, и продавец пирожков с лотком, на котором горкой высились румяные треугольнички, явно не первый день толкающиеся рядом на ярмарках, чинно беседовали, не забывая то и дело зазывать покупателей.

— Смотри, Алмия к нему идет... яблоки спелые садовые, налетай, не пожалеешь!

— У-у, сушите весла, будет что-то!.. Пирожки горячие, пышные, тают во рту!

— Ох ты ж, крот морской! Монетку бросила!.. Яблоки спелые!.. Щас убьет.

— Пирожки горячие!.. Да не, не убьет. Наш капитан — мужик!

— Я-яблоки, налетай!.. Мужик-то мужик! А я б убил.

— Но хороша ведь, стерва...

— Хороша...

Стражники под прикрытием обменялись понимающими взглядами и продолжили зазывать покупателей, надеясь использовать рабочее время с пользой и выручить чуток монет на последующее обмывание успешно проведенной операции.

ЭПИЛОГ

Селия Тиррей всегда знала, что в один прекрасный день она встретит мужчину своей мечты, и он, едва взглянув на нее, тоже поймет, что судьба предназначила их друг другу. Спустя месяц они сыграют роскошную свадьбу, на которой она будет блистать в расшитом бриллиантами платье и с фамильной диадемой в волосах. Они будут кружиться под звуки вейского вальса, и муж будет смотреть на нее своими прекрасными и влюбленными голубыми глазами. Или зелеными. Или карими. Селия Тиррей была непривередлива.

А несколько дней назад, приехав из столицы погостить к тетушке в Лидий и попав на прием, который организовывал тетушкин муж, городской глава, она совершенно точно поняла, что глаза эти будут серыми. А мужчиной мечты и мужем по совместительству — прославленный артефактор из очень хорошей семьи, прима-мастер Максимилиан Шантей.

Вот только по досадному недоразумению встретиться взглядами в тот вечер им так и не удалось. Сначала мастера закружили в бесконечных разговорах первые городские мужи, а затем он в спешном порядке исчез, сорвавшись по каким-то важным и срочным делам. Но Селия Тиррей не расстраивалась. Она была терпелива.

Организовать встречу было проще простого. Еще собираясь в Лидий, Селия раздумывала заказать себе там артефактную подвеску для грядущего сезона на сохранение свежести и сил в бесконечной череде балов и званых ужинов. И теперь она точно знала, что не придется тратить время на поиски подходящего мастера. И, выждав несколько дней для приличия, чтобы никто не связал ее визит с прошедшим приемом — девушке не пристало первой проявлять интерес! — Селия отправилась знакомиться с будущим мужем и по совместительству мужчиной мечты.

Боги определенно благоволили ей в этом начинании, потому что тетушка, устраивая встречу, выяснила, что прима-мастер не так давно слегка повредил руку и сейчас отдыхал у себя дома. Но из уважения к тетушке (или, куда вернее, к ее мужу) он любезно согласился принять Селию в домашней мастерской, чтобы обсудить будущий заказ и приступить к нему, как только появится такая возможность.

Но вот беда! Прима-мастер Максимилиан Шантей был так погружен в свои думы, что толком и не взглянул на Селию, когда та появилась на пороге его дома. Бегло поприветствовал и повел в мастерскую. Встретиться взглядами снова не удалось. Но Селия

Тиррей не тревожилась. Она знала — всему свое время.

Селия не удивилась, когда обнаружила там девушку. Тетушка предупреждала, что у Макса Шантея в подмастерьях служит бойкое кудрявое создание маленького роста и воробьиного телосложения. Тетушка же заверила ее, что создание это не несет никакой опасности — совсем уж она не ровня известному мастеру. Талантливая, но чересчур молоденькая. Да к тому же провинциалка, хоть и из хорошей семьи.

Селия Тиррей была внимательна, а потому сразу же увидела подтверждение тетушкиным словам. И дело было не в юности и даже не в провинциальности. Успокоило ее искрящееся тремя звездочками-бриллиантами обручальное кольцо на безымянном пальце подмастерья. Судя по этому кольцу, девушка уже нашла себе достойного спутника жизни, а значит, помехой не станет. И Селия искренне за нее порадовалась.

Увы, Максимилиан Шантей в тот день был явно не настроен на длительные беседы. Он по-прежнему не смотрел на Селию, сухо кивая в такт ее словам и делая короткие, сугубо деловые уточнения. Осторожные попытки сместить акцент разговора с делового на светский не увенчались успехом. И, выяснив все подробности заказа, мастер выпроводил гостью. Поймать его взгляд так и не удалось.

Но Селия Тиррей не отчаивалась. Она искренне верила — в назначенный срок этот мужчина будет принадлежать только ей. Покидая особняк Шантеев на Лунной улице, она представляла белое платье, диадему, серые глаза напротив и улыбалась...

— Кто это был? — поинтересовалась я, когда Макс нашел меня на веранде.

Сегодняшний день решил обрадовать Лидий внезапным, каким-то совсем не ноябрьским теплом. Яркое солнце искрило в лужах, ультрамариновое небо было ослепительно прозрачным, а голые ветви в саду выглядели удивительно по-весеннему, будто вот-вот на них распускаются листья. И пока Макс возился с нагрянувшей заказчицей, я косилась в окно и мечтала выйти и вдохнуть одуряюще-свежий воздух. А теперь сидела в плетеном кресле, забравшись в него с ногами и завернувшись в плед, и грела в ладонях яблоко.

— Лань! — раздраженно отозвался драгоценный и сел рядом, откинув голову и подставляя лицо солнышку.

— Какая такая лань? — не поняла я.

— Трепетная!

Так. А не приключилось ли у любимого осложнений? На фоне стресса, говорят, и не такое бывает...

Я все же попробовала прояснить ситуацию еще раз:

— И зачем она приходила?

— Сезонные волнения в копытном стаде! — буркнул мастер, не открывая глаз.

Ну, точно! Бредит. Совсем замучили бедного котика эти заказчики, даже на больничном в покое не оставляют. Правильно говорила госпожа Эдора, уезжая в гости к подруге на несколько дней: следи, чтобы мальчик не зарабатывался, и гони посетителей метелкой. Когда я, не сдержав любопытства, робко поинтересовалась, использует ли метелку сама советница Шантей, та с достоинством отозвалась, что у нее для этого есть трость. Но трость, увы, уезжает вместе с ней. Зато метел в чулане полно.

Я представила себя с метлой наперевес и милую даму, в ужасе улепетывающую, подобрав юбки и теряя на бегу шляпку и перчатки, и хихикнула. Макс открыл один глаз, покосился на меня, по-кошачьи среагировав на звук, и закрыл его снова.

Мы помолчали некоторое время, наслаждаясь пригревающим солнышком. Я машинально покрутила все еще непривычно сдавливающее палец кольцо. Официальное согласие стать его женой я выдала Максу на днях, засыпая. И если честно, думала, что он его и не услышал. Но мастер обладал тонким слухом и, увы, неумением вовремя засыпать. Я-то просто потренироваться хотела, произнося эти слова вслух! А он...

...А он вдруг заговорил, пока я прятала краснеющую мордашку у него на груди:

— Нинон, я же к тебе тогда не с бухты-баракты пришел...

— Макс, я все понимаю. — Я постаралась его перебить и замять смущающую меня неимоверно тему. — Не надо ничего говорить.

— Надо, Кудряшка. Эти слова должны быть сказаны — и они должны быть услышаны. Это то, что следует обязательно говорить своей женщине. Поэтому, слушай.

Он поднес мои пальцы к губам, поцеловал их. Тихонько коснулся губами макушки. Я, тая от безмолвной нежности, потерлась щекой о его грудь. Заглянула ему в глаза. А он продолжил:

— Я влюблялся постепенно, сам того не замечая. Ведь нет ничего особенного в том, что тебе симпатична молодая девушка, верно ведь? И в том, что тебе приятно на нее смотреть, тоже ничего удивительного нет. Даже в том, что тебе с ней хорошо работается, и хорошо молчит, и даже ругается тебе с ней хорошо — тоже нет ничего особенного. В конце концов, это же мой подмастерье, мне и должно быть с ним комфортно! Ну и что,

что мне приятно радовать ее всякими пустяками и заботиться о ней. Она девушка — о девушках естественно проявлять заботу!

Я улыбнулась самоиронии в его голосе. Смущение ушло, оставив сладкую, тягучую патоку на своем месте.

— Прозрел я, как ни смешно, после ранения. Все-таки близость к Грани что-то в нас меняет. Тогда мне и стало до рези в глазах ясно, как я влип. И я твердо решил — надо взять себя в руки! Интрижки с собственной подопечной — это не то, что красит наставника и мужчину. Да и ты — не та девушка, с которой можно закрутить легкую необременительную связь, а потом забыть. С тобой можно только всерьез.

Он задумчиво помолчал.

— Поздно спохватился. После выписки из больницы меня без твоего запаха, без твоего присутствия ломало, как опиомана без новой дозы. Да еще и ты ничем не облегчала мне задачу! — Макс обвинительно ткнул меня пальцами под ребра, я взвизгнула от щекотки, отпихнула его руку локтем и снова устроилась на широкой надежной груди.

Нет, я определенно вошла во вкус — слушать признания мне весьма даже нравилось. Особенно если вспомнить, как задевала меня тогдашняя Максова холодность. Приятно осознавать, что не я одна маялась!

— Так что за то время, что прошло с моей выписки, я успел все обдумать и взвесить. Я потому и не торопился получить твой ответ немедленно, Нинон. Ведь у меня было время для принятия решения. И было бы справедливо дать и тебе принять его взвешенно тоже. К тому же, — Макс улыбнулся, — я мужчина и я старше. А ты девочка, тебе простительно метаться...

Я спрятала смущенную улыбку на его груди. Право слово, метаться я могла бы и поменьше, чего уж там...

— Не смущайся, Кудряшка. Это древний, как мир, ритуал, который исполняют мужчина и женщина от начала времен. Он был, есть и будет, — произнес мой мастер. И добавил, мечтательно улыбаясь в потолок: — К тому же я точно знал, что не позволю тебе ускользнуть, а потому мог не гнаться за результатом, а получать удовольствие от процесса...

Я улыбнулась воспоминаниям. До сих пор не понимаю, откуда он тогда кольцо выудил? И когда сделать успел? Оно не было артефактом — иначе мне в работе пришлось бы постоянно его снимать, чтобы не фонило, но руку своего мастера я разглядела сразу же.

— Мы завтра уезжаем, — буднично произнес Макс, отрывая меня от размышлений.

— Куда? — Я решила, что яблоко достаточно нагрелось, и

вгрызлась в розовый бок. Пенный белый сок брызнул во все стороны.

Мужчина протянул руку, и я без лишних вопросов вложила в ладонь надкусанный фрукт, несмотря на то что рядом их стояла полная корзинка.

— В Берконе.

— Уже? — ужаснулась я.

Обещание, что в ближайшее время мы поедем знакомиться с моими родителями, он требовал в ту же самую ночь, но кто ж знал, что ближайшее время для него — это не обтекаемая формулировка, обозначающая «однажды, неизвестно когда»!

— Что на этот раз тебя пугает? — вздохнул Макс, возвращая мне яблоко.

— Мама тебя придушит.

— Я думал, она жаждет выдать тебя замуж.

— Так от счастья! — Я всплеснула руками.

— Ты мне в дороге шарфик свяжешь, и я его на шею накручу, — невозмутимо парировал Макс. Яблоко снова переключало в его руки.

Я попробовала зайти с другой стороны.

— Любимый, ну с чего такая срочность?!

— С того! — мрачно отрезал он. — Трепетные лани открыли сезон охоты.

И добавил проникновенно, глядя мне в глаза:

— Ничего личного, Нинон! Я спасаю свою шкуру.

Мое воображение стремительно стерло меня, метелку и даму, а затем широкими щедрыми штрихами изобразило Макса и табун ланей в шляпках и перчатках, кокетливо помахивающих короткими хвостиками и преданно смотрящих на мастера огромными влажными глазами.

Сдерживать злорадное хихиканье стало сложнее.

— Все, Нинон, — оскорбленно поджал губы драгоценный. — Завтра выезжаем, и точка. А не то я поеду один и сообщу госпоже Аттари, что ты мне отказала.

— Смерти моей желаешь? — возмутилась я. — Это шантаж!

— В любви, как на войне, все средства хороши, — назидательно выдал Макс известную истину.

За что и получил в лоб маленькой декоративной подушкой. В качестве моей моральной компенсации за проигранное сражение.

Родной город встретил меня двумя деревянными медведями, охранявшими въезд в город, ароматами мокрой листвы и сладких булочек, традиционно ярко-разрисованными ставнями и наличниками и негромким дружелюбным гомоном. Карета катила по булыжной мостовой, привлекая внимание, а мне с каждой

минутой было все тяжелее сдерживать предвкушающую улыбку. Чем ближе мы подъезжали, тем больше я понимала, насколько мне на самом деле не терпится представить Макса родителям. Страх не было совсем, только затаенная гордость — пусть увидят, какого замечательного мужчину я себе нашла!

Сердце начало стучать чуть быстрее, когда кучер, безошибочно последовавший всем моим объяснениям, остановился возле двухэтажного дома с низким крыльцом и высокими окнами. Серый соседский кот на ступеньках смерил экипаж надменным взглядом, и я невольно умилилась — ну до чего все-таки на Макса похож! Мой мастер подал мне руку, помогая выйти, и я на мгновение замерла, разглядывая: все ли, как раньше, все ли, как прежде? А затем, решившись, поспешила вперед, утягивая мастера за собой. Руку его я так и не отпустила, только сильнее сжала пальцы.

— Мам? Пап? — Мой голос звонко разнесся по дому. — Я приехала!

Они появились почти одновременно. Отец — в дверях мастерской, мать — на лестнице. Было видно — они сорвались бегом на мой голос, а остановила их от выражения бурной радости только мужская фигура за моей спиной. Так что приблизились они уже чинно и неторопливо, вежливо улыбаясь, с трудом скрывая слишком явный вопрос в глазах. На меня нахлынуло запоздалое смущение, и, мучительно краснея, я все-таки сумела выговорить:

— Пап, мам, позвольте вам представить... — Голос сорвался, я покраснела еще больше, и тут Макс шагнул вперед, отеснив меня от руководства ситуацией, и взял знакомство в свои руки.

Отец сосредоточенно слушал, с некоторым удивлением изучая именитого гостя, а вот мама, раньше всех догадавшаяся, кого я привела, смотрела на меня. И от взгляда ее — изумленно-счастливого — я начинала сиять. Да, это правда, да, это он.

— ...Я сделал вашей дочери предложение и не встретил отказа. И с тем сегодня прощу...

— Ну конечно! — совершенно искренне воскликнула эта, вне всякого сомнения, замечательная женщина.

На мгновение в прихожей зависла ошеломленная тишина.

— Мама... — тихонечко простонала я, обреченно ткнувшись лбом в Максово плечо. — Ты бы хоть договорить ему дала!

Искренний смех присутствующих мужчин был нам вознаграждением.

А потом все разом закрутилось, завертелось, понеслось. Мама дорогого гостя крепко взяла в оборот, но Макса это, кажется, ни капельки не смущало. Он охотно отвечал на вопросы, расточал

комплименты, шутил, отбивался и чувствовал себя как рыба в воде под этим непрекращающимся шквалом. Отец, прежде чем присоединиться к разговору, послал братьям весточку, чтобы были к ужину. Натан, старший отцовский партнер и помощник, сейчас был в отъезде по делам мастерской. Эли и Тим трудились наемными мастерами, один в Берконе, другой в соседнем городе. Из всех троих только Эли сподобился женой обзавестись и грозился в скором времени превратить меня в тетушку. Но за сыновей мать так не переживала, как за единственную и очень упрямую дочку.

И сейчас, глядя на ее сияющее лицо, мне даже немножко стыдно сделалось, что я ее заботу как надоедливую обузу воспринимала. А она ведь лучшего для меня хотела и только, мудро понимая, что одна работа, даже самая любимая, женского счастья не делает.

Я большей частью молчала, удовлетворенно наблюдая, как Макс легко и непринужденно очаровывает самых близких моих людей, украдкой бросая на меня торжествующие взгляды.

Разговоры. Разговоры. Подготовка ужина. Братья приехали — радость, объятия, удивление, подозрительный, недоверчивый интерес, сменяющийся жаркими спорами на тему использования сплавов в прикладной артефактике...

А серый кот, которого мать время от времени пускала и в дом, валялся на коврик у камина и сыто, довольно жмурился.

Уже поздно вечером, когда все уgomонились, разъехались, разошлись, а Макса проводили в гостевую, я на цыпочках вышла из своей комнаты и спустилась вниз. Не ошиблась. Над порошком двери мастерской сияла солнечная полоска света.

Отец сидел за рабочим столом и полировал изумруды. Запах канифоли, знакомый с детства, приятно защекотал ноздри. Я молча приблизилась и села напротив. Отец так же молча передвинул мне часть своей работы и лишь спустя несколько минут сосредоточенной полировки в тишине произнес:

— Матери твоей гарнитур сделать думал. Видишь, камни темноваты? В цвет глаз подбирал. Теперь, верно, тебе в подарок пойдут.

Я кивнула, не поднимая головы. Привычные движения, давно знакомый монотонный труд.

— Как там твой мастер, не напугали мы его?

— А он не из пугливых! — беспечно отмахнулась я.

Отец вздохнул.

— Мы ведь с матерью хотели, чтоб ты рядышком была. Уже и жениха тебе подходящего присмотрели...

Я взглянула на него иронично. Присмотрели они! Ну-ну.

И, помолчав немного, заговорила. О том, как увидела, как опекал, учил, заботился. Как ругались и мирились. Как берег. Как страшно и жутко было думать, что могу лишиться его. Слова полились сами, потоком, словно вода, нашедшая брешь в заслоне плотины и спешащая вырваться на волю. Отец слушал и кивал головой в такт моим словам и своим мыслям.

— Ну, так-то я сразу увидел — мужик хороший! — подвел итог папа, когда я выдохлась.

Я улыбнулась, согласно кивнула и замолчала. Так в уютном, пропитанном пониманием молчании мы с отцом полировали камни для моего свадебного гарнитура.

январь — август 2015

notes

Примечания

Чертежная линейка, используется в основном для проведения параллельных линий.

Шедевром называют уникальное произведение мастера, которое становится своего рода открытием в артефакторском деле, его создание является обязательным условием для получения каждой новой категории, начиная с третьей.

Скань — вид ювелирной техники. Представляет собой ажурный или напаянный на металлический фон узор из тонкой золотой, серебряной или медной проволоки.